ДЖОРДЖ СОНДЕРС

ЛАУРЕАТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2017 ГОДА

ЛИНКОЛЬН В БАРДО

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Линкольн в бардо
Джордж Сондерс

Аннотация
Джордж Сондерс. Линкольн в бардо
Часть первая
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX

XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII
XXXIII
XXXIV
XXXV
XXXVI
XXXVII
XXXVIII
XXXIX
XL
XLI
XLII
XLIII
XLIV
XLV

XLVI
XLVII
XLVIII
XLIX
L
LI
LII
LIII
LIV
LV
Часть вторая
LVI
LVII
LVIII
LIX
LX
LXI
LXII
LXIII
LXIV
LXV
LXVI
LXVII
LXVIII
LXIX
LXX

LXXI
LXXII
LXXIII
LXXIV
LXXV
LXXVI
LXXVII
LXXVIII
LXXIX
LXXX
LXXXI
LXXXII
LXXXIII
LXXXIV
LXXXV
LXXXVI
LXXXVII
LXXXVIII
LXXXIX
XC
XCI
XCII
XCIII
XCIV
XCV
XCVI

XCVII
XCVIII
XCIX
C
CI
CII
CIII
CIV
CV
CVI
CVII
CVIII

Аннотация

Роман-шедевр в прогрессивном жанре трансреализма: большая часть событий происходит в бардо — пограничном месте-состоянии между жизнью и смертью (в буддизме). Сондерс, блестящий мастер короткой формы, написал трагическую семейную историю со сверхъестественной атмосферой, преодолевая все жанровые условности. Наследник Эдгара По и Германа Мелвилла, Сондерс в «Линкольне в бардо» соединил поэтичность и исторические реалии, взяв за основу реальный случай с американским президентом и его маленьким сыном. Этот роман действительно перенесет вас за грань реальности.

Книга содержит нецензурную брань.

Джордж Сондерс
Линкольн в бардо

George Saunders
LINCOLN IN THE BARDO

© 2017 by George Saunders
Published by arrangement with Thomas Nelson, a division of HarperCollins Christian Publishing, Inc.

«Линкольн в бардо» — исторический роман.

Кроме широко известных реальных лиц, событий и географических названий, фигурирующих в повествовании, все остальные имена, персонажи, места и события — придуманы автором и используются исключительно в художественных целях.

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. «Издательствво „Э“», 2018

* * *

Кейтлин и Алине посвящается

Часть первая

I

В день нашей свадьбы мне было сорок шесть, а ей восемнадцать. Я уже знаю, что вы думаете: пожилой мужчина (с брюшком, лысоватый, хромой на одну ногу, с деревянными зубами) применяет мужскую власть, умерщвляя таким образом несчастную молодость…

Но это неправда.

Понимаете, это именно то, против чего я возражаю.

В нашу первую брачную ночь я прохромал вверх по лестнице с лицом, раскрасневшимся от выпивки и танцев, и увидел, что тетушка нарядила ее в нечто полупрозрачное — шелковый воротничок чуть вспархивал в ритм с дрожью, которая ее била. И я ничего не смог.

Я принялся нежно говорить с ней, обнажил перед ней свое сердце. Она была прекрасна, а я стар, уродлив, потерт. Странный это получился брак, корнями он произрастал не из любви, а из расчета. Ее отец был бедняком, мать болела. Поэтому она и оказалась здесь. Я все это прекрасно знал. Я и в мечтах своих не надеялся прикоснуться к ней, сказал я ей, когда увидел ее страх и — «отвраще-

ние», вот какое слово я использовал.

Она заверила меня, что никакого «отвращения» ко мне не испытывает, хотя я и видел, что ее (красивое, покрывшееся румянцем) лицо исказилось от этой лжи.

Я предложил ей стать… друзьями. Просто делать вид, будто мы стали мужем и женой в физическом смысле. Она должна чувствовать себя в моем доме свободной и счастливой и пытаться думать о нем как о своем собственном. Большего я от нее и не жду.

Так мы и жили. Мы стали друзьями. Близкими друзьями. И только. Но и это было немало. Мы вместе смеялись, вместе принимали решения, касающиеся хозяйства, — она научила меня больше думать о слугах, обмениваться с ними не только общими словами. Она оказалась практичной, и под ее руководством мы успешно обновили комнаты, заплатив лишь часть того, что ожидали растратить. Видеть, как она оживляется, когда я вхожу, как наклоняется ко мне, обсуждая хозяйственные вопросы, — все это так радовало меня, что я словами и передать не могу. Я был счастлив, очень счастлив, но теперь нередко ловил себя на том, что бормочу, сам того не желая, что-то похожее на молитву: *Она здесь, все еще здесь*. Словно

бурная река пронесла воды сквозь мой дом, в котором теперь стоял запах свежести и возникало ощущение присутствия чего-то роскошного, естественного, захватывающего.

Как-то вечером перед группой собравшихся друзей она по собственному почину стала петь дифирамбы в мой адрес: я, мол, хороший человек, вдумчивый, умный, добрый.

Наши глаза встретились, и я понял: она говорит все это искренне.

На следующий день она оставила записку у меня на столе. Хотя скромность не позволила ей выразить чувства словами или действиями, в записке говорилось, что моя доброта к ней привела к желанному результату: она чувствовала себя счастливой, ей было хорошо в *нашем* доме, и она желала, как было написано, «раздвинуть границы нашего счастья до тех интимных пределов, которые мне до сих пор не знакомы». Она просила меня направить ее в этом, как я направлял ее «во множестве других аспектов взросления».

Я прочел записку, пришел на ужин и увидел, что она вся горит. Мы обменялись там, прямо перед слугами, откровенными взглядами, удовлетворенные тем, что каким-то образом сумели сотворить для себя из совершенно неподходящих

материалов.

Той ночью в ее постели я старался оставаться таким, каким был прежде: нежным, уважительным, почтительным. Между нами почти ничего не было — мы целовались, обнимались, — но представьте, если можете, изобилие этой неожиданной щедрости. Мы ощутили поднимающуюся в нас волну похоти (да, конечно), но опирающуюся на не терпящую суеты крепкую привязанность, которую мы создали: узы доверительности, прочные и искренние. Я не был неопытным человеком — в молодости отдал дань страстям; провел немало времени (хотя мне и стыдно в этом признаваться) на Марбл-элли, в Бэнд-бокс, в ужасном Волчьем логове. Один раз был женат и с пользой для здоровья женат… но глубина этого чувства была для меня абсолютно внове.

Мы молча согласились на еще большее расширение границ этого «нового континента» следующей ночью, и я отправился в мою типографию утром, борясь с силой гравитации, которая притягивала меня к дому.

И этот день — увы — стал днем падения балки.

Да, да. Представьте себе такое везение!

Когда я сидел за моим рабочим столом, с по-

толка упала балка, ударив меня прямо по *этому* месту. И потому наш план пришлось отложить до моего выздоровления. По совету моего врача, я слег в…

Некий хворь-ларь считался… считалось, что он…

ханс воллман

Целительный.

роджер бевинс iii

Целительный, да. Спасибо, мой друг.

ханс воллман

Всегда рад.

роджер бевинс iii

И вот я лежу в гостиной в моем хворь-ларе, чувствуя себя последним идиотом, лежу в той самой гостиной, по которой мы недавно (радостно, виновато, ее рука в моей) прошли по пути в ее спальню. Потом вернулся врач, и его помощники унесли мой хворь-ларь в его хворь-телегу, и я понял, что… понял, что реализацию нашего плана придется отложить на неопределенное время. Какое разочарование! И когда же я теперь познаю все радости супружеской постели, когда буду созерцать ее обнаженную, когда она посмотрит

на меня в известном состоянии с жадным ртом, зардевшимися щеками, когда ее волосы, освобожденные чувственным движением, рассыплются, наконец, покрыв нас?

Что ж, похоже, нам придется дождаться моего полного выздоровления.

Вот уж воистину досадное недоразумение.

ханс воллман

Однако все тяготы можно вынести.

роджер бевинс iii

Именно так.

Хотя, признаю, я в то время так не считал. В то время на хворь-телеге, но все же не связанный обязательствами, я обнаружил, что на краткое время могу покидать мой хворь-ларь, и бросился прочь, подняв небольшие облачка пыли, и даже разбил вазу, стоявшую на крыльце. Но моя жена и тот доктор, с серьезным видом обсуждавшие мою травму, ничего не заметили. Я не мог это вынести. И потому, признаю, дал волю раздражению — разогнал собак, пробежав среди них, вызвав в голове каждой представление о медведе. Тогда я был способен на это! Ах, какие то были денечки! Теперь я не то что не могу вызвать в голове собаки представление о медведе, я и нашего

молчаливого молодого друга не могу привести сюда на обед!

(А ведь он кажется молодым, правда, мистер Бевинс? Телосложением? Осанкой?)

Как бы то ни было, я вернулся в свой хворь-ларь, проливая вот так слезы о том, что мы… вы, молодой человек, уже знаете об этом? Когда мы только прибываем в этот больничный двор, молодой сэр, и нам хочется плакать, вот что происходит: мы чуть-чуть напрягаемся, и у нас в суставах возникает легкое нездоровое ощущение, внутри нас взрываются маленькие пузырьки. Иногда мы можем немного обгадиться, если свежие. Именно это я и сделал на телеге в тот день — я от злости обгадился немного в своем хворь-ларе. И какой результат? Какашка так и оставалась со мной все это время и, если уж откровенно (я надеюсь, вам это не покажется грубым, молодой сэр, или отвратительным и, я надеюсь, это не разрушит нашу зарождающуюся дружбу), по-прежнему остается там, в эту самую минуту, в моем хворь-ларе, хотя, надо сказать, уже изрядно подсохла!

Бог мой, вы что — ребенок?

Он ребенок, правда?

ханс воллман

Я тоже теперь так думаю. Вот когда вы спро-

сили.

Вот он идет.

Почти полностью сформировавшийся.

роджер бевинс iii

Мои извинения. Господи милостивый. Попасть в хворь-ларь еще ребенком и слушать, как взрослый подробно рассказывает о наличии засохших какашек в его хворь-ларе… не идеальный вариант входа в новый… ммм…

Мальчик. Совсем еще мальчик. Боже мой.

Приношу извинения.

ханс воллман

II

— Знаете, — сказала мне миссис Линкольн, — президент каждую зиму должен давать несколько государственных обедов, очень дорогостоящих обедов. Если я устрою три больших приема, то государственные обеды можно вычеркнуть из программы. Если бы я могла убедить мистера Линкольна посмотреть на это моими глазами, то не замедлила бы воплотить эту идею в жизнь.

— Думаю, вы правы, — сказал президент. — Вы убедительно отстаиваете свою точку зрения. Я думаю, мы должны остановиться на приемах.

Вопрос был решен и сделаны приготовления для первого приема.

Источник:

«За кулисами, или Тридцать лет рабства и четыре года в Белом доме».
Элизабет Кекли.

Аболиционисты критиковали увеселительные мероприятия в Белом доме, многие из них не принимали приглашения. Говорилось, что от-

каз Бена Уэйда[1] был высказан в резких словах: «Знают ли президент и миссис Линкольн, что идет Гражданская война? Если не знают они, то мистер и миссис Уэйд знают и по этой причине отказываются участвовать в празднествах и увеселениях».

Источник:

«Подъем флага в Вашингтоне, 1860–1865».
Маргарет Лич.

Дети, Тэд и Уилли, постоянно получали подарки. Уилли был так доволен, когда получил малютку-пони, что хотел кататься на нем каждый день. Погода стояла переменчивая, и пребывание на открытом воздухе привело к жестокой простуде, которая перешла в лихорадку.

Кекли. Там же.

Вечером пятого Уилли горел в лихорадке, а его мать одевалась к приему. Каждый вдох давался ему с трудом. Она поняла, что у него прилив крови к легким и перепугалась.

---

[1] Примечания: 1

Бенджамин Франклин Уэйд (1800–1878) — американский политик, один из сенаторов от штата Огайо, во время Гражданской войны критиковал политику Линкольна. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Источник:

«Двадцать дней».
Дороти Мезерв Кунхардт
и Филип Б. Кунхардт-мл.

III

Вечеринка [Линкольнов] подверглась жестокой критике, но все важные персоны пришли.

Лич. Там же.

Из-за большого скопления народа видеть можно было только тех, кто перед тобой; люди ошеломленно двигались словно по торговым рядам, сквозь облака духóв, одеколонов, благовоний, опахал, париков, шляпок, гримасничающих лиц, ртов, разверстых во внезапных криках то ли радости, то ли ужаса — трудно сказать.

Источник:

«Все это я видела своими глазами: Мемуары грозного времени». Миссис Маргарет Гарретт.

Экзотические цветы из президентской оранжереи стояли в вазах через каждые несколько ярдов.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

Дипломатический корпус был представлен блестящей группой — лорд Лайонс, месье Мерсье, месье Стекль, месье вон Лимбург, сеньор Тассара, граф Пипер, шевалье Бертинатти[2] и другие.

Лич. Там же.

Многоярусные люстры над коврами цвета зеленой морской пены освещали Восточную гостиную.

Источник:

«Восхождении к величию».
Дэвид фон Дрель.

В Голубой гостиной раздавалась многоголосая трескотня, там европейцы, разговаривавшие на идеальном французском, воздавали хвалу генералу Макдоуэлу[3].

Лич. Там же.

---

[2] Примечания: 2

Ричард Бикертон Пемелл Лайонс (1817–1887) — британский дипломат, фаворит королевы Виктории; Мерсье — посол Франции в Вашингтоне; Эдуард Андреевич Стекль (1804–1892) — русский дипломат, вел переговоры о продаже Аляски, во время Гражданской войны в Америке, посол России в Вашингтоне; Гарсиа Тассара — посол Испании в Вашингтоне; граф Карл Эдвард Вильгельм Пипер (1820–1891) — шведский дипломат, с 1861-го посол в Вашингтоне; шевалье Бертинатти — посол Итальянского королевства в Вашингтоне.

[3] Примечания: 3

Ирвин Макдоуэл (1818–1885) — американский генерал, наиболее известный тем, что проиграл Первое сражение при Булл-Ране во время Гражданской войны.

Каждый народ, каждая раса, каждый чин, люди любого возраста и роста, имевшие разную ширину груди, высоту голоса, по-разному причесанные, стоявшие в разных позах и источавшие разные запахи — все они были здесь и представляли, казалось, ожившую радугу, звучащую множеством голосов.

Гарретт. Там же.

Присутствовали несколько членов кабинета, сенаторы, члены палаты представителей, выдающиеся граждане и красивые женщины почти из каждого штата. Офицеров в ранге ниже командира дивизии на приеме не было. Приехали французские принцы и принц Феликс Зальм[4], знатный пруссак и кавалерийский офицер, служивший в штабе генерала Бленкера…

Лич. Там же.

[4] Примечания: 4

Принц Феликс Константин Александр Зальм (1828–1870) — прусский офицер королевского рода и солдат удачи. В 1861 году приехал в США и предложил услуги армии северян.

...ослепительный германец Салум[5]; братья Уитни (неразличимые близнецы, если не считать нашивок: у одного капитанские, у другого лейтенантские); посол Торн-Тули; мистер и миссис Фессенден; романистка Э. Д. Э. Н. Саутуорт; Джордж Фрэнсис Трейн[6] и его красавица жена («в два раза моложе его и в два раза выше», как шутили остряки того времени).

Гарретт. Там же.

Почти потерявшаяся на фоне громадной цветочной композиции, стояла кружком группка сутулых пожилых джентльменов. Они взволнованно обсуждали что-то, склонив головы к центру. Там были Абернези, Севилья и Корд — все они умрут в течение года. Поблизости находились сестры Кастен, ужасающе высокие и бледные, похожие на гипсовые тычинки, тянущиеся к свету, они пытались услышать, о чем говорят мужчины.

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду Феликс Зальм.

[6] Примечания: 6

Из установленных исторически лиц, названных здесь: Фрэнсис Фессенден (1839–1906) — адвокат и политик, во время войны имел звание генерала; Эмма Дороти Элиза Невитт Саутуорт (1819–1899) — американская писательница, автор более чем 60 романов; Джордж Фрэнсис Трейн (1829–1904) — американский журналист и предприниматель, активно работал в области прокладки железных дорог в Америке.

Источник:

«Юнионистская цитадель: воспоминания и впечатления».
Джо Брант.

В одиннадцать часов миссис Линкольн, держа президента под руку, возглавила шествие гостей по Восточной гостиной.

Лич. Там же.

Мы все ринулись в первый ряд, когда некий неизвестный мне человек принялся демонстрировать новый танец — «Мерри-Джим». По просьбе людей, окруживших его, он под аплодисменты продемонстрировал танец еще раз.

Гарретт. Там же.

Все неплохо повеселились, когда выяснилось, что слуга запер дверь в официальный обеденный зал и забыл, куда положил ключ. «Я предпочитаю движение вперед!» — воскликнул кто-то. «Наступление по фронту замедляется только скудоумием командующих», — сказал другой, пародируя недавнее выступление в конгрессе.

Лич. Там же.

Мне пришло в голову, что передо мной плохо организованное человеческое сообщество, подстегиваемое собственным бездарным коллективным разумом, ведущим вооруженный народ к военной катастрофе, о которой не имеет ни малейшего представления: громадный пульсирующий организм, наделенный непосредственностью и способностью предвидения, на уровне новорожденных щенков.

Из личного письма
Альберта Слоуна,
с разрешения семьи Слоун.

Война продолжалась меньше года. Мы пока не знали, что она такое.

Источник:

«Захватывающая юность:
молодость Гражданской войны».
Э. Дж. Фрейм.

Когда ключ наконец нашли и подвыпившие гости потекли в зал, у миссис Линкольн были все основания гордиться великолепием трапезы.

Лич. Там же.

Длина зала составляла сорок, а ширина — тридцать футов, и он настолько поражал разноцве-

тьем, что, казалось, был заполнен еще до нашего прихода.

Источник:

«Линкольны: портрет супружества».
Даниэль Марк Эпштейн.

Рекой текли дорогие вина и напитки, а громадная японская чаша вместила десять галлонов пунша из шампанского.

Лич. Там же.

Миссис Линкольн воспользовалась услугами почтенного владельца кейтеринговой компании С. Хеердта из Нью-Йорка. Ходили слухи, что это обошлось в десять тысяч долларов. Все было учтено: люстры украшены цветами, на сервировочных столиках розовые лепестки, разбросанные на вырезанных зеркальных прямоугольниках.

Брант. Там же.

Свинская и избыточная демонстрация роскоши в военное время.

Слоун. Там же.

Эльза хранила молчание и только сжимала мою руку. Возникало ощущение, что примерно так развлекались в древности. Какая щедрость!

Как милы наши дорогие хозяева!

Источник:

«Наша столица во время войны».
Петерсен Уиккетт.

В гостиной стоял длинный стол, на нем — гигантское зеркало с массой различных засахаренных сладостей причудливой формы. Наиболее узнаваемым были форт Самтер[7], боевой корабль, храм свободы, китайская пагода, швейцарское шале…

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

… облагороженные копии храма, окруженные богинями свободы, китайские пагоды, множество рогов изобилия, фонтаны со струями из сахарной ваты, охваченные со всех сторон звездами…

Источник: «Вашингтон мистера Линкольна».

Стэнли Киммел.

---

[7] Примечания: 7

Форт Самтер — форт в США, расположенный в штате Южная Каролина. Был построен в первой половине XIX в. для защиты порта и города Чарлстона. Битва за форт Самтер, произошедшая 12 апреля 1861 г., положила начало Гражданской войне в США.

Ульи, роящиеся подобиями пчел, были заполнены русской шарлоткой. Слабый намек был дан и на войну с помощью шлема с покачивающимся плюмажем из сахарной ваты. Добрый американский сорокапушечный фрегат «Юнион» с поставленными парусами держали на руках херувимы, обернутые американскими флагами…

Лич. Там же.

На боковом столике высился форт Пикенс[8], тоже в сахаре и в окружении кое-чего более съедобного, чем брустверные орудия в форме великолепно приготовленных куриных ножек…

Киммел. Там же.

Сахар, текущий по статуе Свободы[9], подобием занавеса спускался на китайскую пагоду, внутри которой в пруду из сахарных волокон плавали миниатюрные шоколадные рыбки. А рядом похотливые бисквитные ангелы отмахивались от

---

[8] Примечания: 8

Форт Пикенс — форт военного назначения на острове Санта-Роза во Флориде, назван в честь героя американской революции Эндрю Пикенса. Форт на протяжении всей войны оставался в руках конфедератов.

[9] Примечания: 9

Имеется в виду не знаменитая статуя в Нью-Йорке (которой в то время еще не было), а бронзовая статуя скульптора Томаса Крауфорда, с 1863 г. венчающая Капитолий, однако статуя (в гипсе) была известна и ранее.

пчел, висевших на тончайших ниточках глазури.

Уиккетт. Там же.

Эта поначалу изящно-идеальная сахарная столица претерпела разграбление — участники празднества хватали целые городские кварталы, засовывали их в карманы, чтобы разделить с близкими дома. Позднее тем вечером кто-то налетел на стеклянный столик, и некоторые сахарные сооружения на глазах гостей исчезли.

Гарретт. Там же.

На обед подали нежное фазанье мясо, жирных куропаток, стейки из оленины и деревенские окорока; гости объедались утками-нырками и свежими индейками, тысячами приливных устриц уже без створок, снятых часом ранее, и охлажденными, глотали их сырыми, запеченными в масле и панировочных сухарях или тушенными в молоке.

Эпштейн. Там же.

Эти и другие кулинарные изыски лежали повсюду в таком изобилии, что даже объединенная атака тысячи или более гостей не смогла опустошить столы.

Киммел. Там же.

Но радости в этом вечере для рассеянно улыбающейся хозяйки и ее мужа не было. Они постоянно поднимались по лестнице посмотреть, как там Уилли, а Уилли стало совсем плохо.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

IV

Сочные ноты оркестра морской пехоты доносились снизу в комнату больного слабым, приглушенным шепотком, похожим на безутешное тихое рыдание далеких духов.

Кекли. Там же.

Уилли лежал в спальне Принца Уэльского[10] с ее темными фиолетовыми стенами и золочеными кисточками.

Эпштейн. Там же.

Щечки его красивого пухлого личика горели от жара, ноги беспокойно двигались под темно-бордовым одеялом.

Источник: «История вблизи».

Под редакцией Ренарда Кента. Свидетельство миссис Кейт О'Брайен.

Ужас и оцепенение президентской четы легко

---

[10] Примечания: 10

Принц Уэльский Эдуард (с 1901 по 1910 г. — король Эдуард VII) посетил Америку при президенте Джеймсе Бьюкенене в 1860 г., с тех пор комната в Белом доме, где он останавливался, носит его имя.

может представить каждый, у кого есть любимое дитя и кто пережил страх, присущий всем родителям: а что если Судьба не ценит эту жизнь так же высоко, как они, и решит распорядиться ею по собственной прихоти?

Источник:

«Избранные письма Гражданской войны Эдвина Уиллоу». Под редакцией Констанс Мейз.

Страх сжимал их сердца, когда они в очередной раз спускались, чтобы услышать певцов, приглашенных ради этого события, — семейство Хатчинсон[11]. Хатчинсоны с пугающей достоверностью исполняли песню «Корабль в огне» о сильнейшей грозе на море, воспроизводя отчаянные крики попавших в ловушку пассажиров, матери, прижимающей ребенка к «белоснежной груди», топот, толпу, и рев голосов: «Пожар! Пожар!».

Побледнели моряки, увидев это,

Их глаза засверкали в отблесках света,

---

[11] Примечания: 11

Семейная песенная группа Хатчинсон была популярна в 1840-х гг., исполняла политические, комические и сентиментальные песни.

Дыма густые кольца все страшней,
Упаси, Господи, сгинуть в огне[12].

Кунхардт и Кунхард. Там же.

Шум и топот достигли такой громкости, что если ты хотел, чтобы тебя услышали, то должен был кричать. Экипажи продолжали прибывать. Окна распахнули, и возле них стали собираться люди, надеясь подышать свежим вечерним воздухом. А комната дышала воздухом радостной паники. Я ощутил слабость и, думаю, не я один. Дамы тут и там полулежали в креслах. Пьяные мужчины слишком уж внимательно разглядывали картины.

Гаррет. Там же.

Раздавались громкие визги.

Слоун. Там же.

---

[12] Примечания: 12

Из баллады «Корабль в огне», слова Чарлза Маккея (1814–1889), музыка Генри Рассела (1812–1900).

Один из гостей, казалось, был совершенно счастлив — облаченный в оранжевые брюки, синий распахнутый фрак, он стоял у сервировочного столика, и выглядел как блистательный итальянский эмигрант Амбрусси, обретший, наконец, дом своей мечты.

Уиккетт. Там же.

Таких цветочных композиций еще не знала история! Чего стоили устремляющиеся ввысь взрывы красок, такие роскошные — вскоре их выбросят высыхать и вянуть на тусклом февральском солнце. Туши животных — «мясо» — теплые, усыпанные зеленью, на дорогих блюдах, сочные, парящие, убраны бог знает куда, наверняка выброшены и теперь снова превратились в обыкновенные, хотя и с недостающими частями, трупы после короткого возвышения до статуса приносящей удовольствие еды. Тысячи платьев, разглаженных сегодня с таким почтением, все пятнышки счищены еще за дверью, подолы подобраны для поездки в экипаже, — где они теперь? Хоть одно из них выставлено в музее? Хоть сколько-нибудь хранится ли теперь на чердаке? Большинство превратились в прах. Как и женщины, которые носили их с такой гордостью

в этот краткий миг великолепия.

Источник:

«Светская жизнь во время Гражданской войны: веселье, кровавая бойня, истребление». Неопубликованная рукопись. Мелвин Картер.

V

Многие гости более всего запомнили прекрасную луну, которая светила в тот вечер.

Источник: «Время войны и утрат».

Энн Брайни.

В нескольких описаниях того вечера отмечается яркое сияние луны.

Источник: «Долгая дорога к славе».

Эдвард Холт.

Общая черта этих описаний — золотистая луна, причудливо висящая над сценой.

Источник:

«Вечера в Белом доме: Антология».

Бернадетт Эвон.

В ту ночь луны не было видно, только затянутое тучами небо.

Уиккетт. Там же.

Жирный зеленый полумесяц висел над безумной сценой, как бесстрастный судья, привычный ко всем человеческим глупостям.

Источник: «Моя жизнь».

Долорес П. Левентроп.

Полная луна в ту ночь была желто-красной, она словно отражала свет какого-то земного пожара.

Слоун. Там же.

Двигаясь по комнате, я видел серебряный лунный клин в окне — словно какой-то нищий старик хотел напроситься в гости.

Картер. Там же.

Ко времени когда подали обед, луна, маленькая и голубая, стояла высоко в небе, она по-прежнему светила ярко, хотя и слегка уменьшилась.

Источник:

«Ушедшие времена». Неопубликованные мемуары. Ай. Б. Бригг III.

Вечер был темный, безлунный, надвигалась гроза.

Источник:

«Те самые веселые годы». Альберт Трандл.

Гости начали разъезжаться, а среди ночных звезд висела полная желтая луна.

Источник:

«Вашингтонская власть».
Д. В. Физерли.

Тучи висели тяжелые, свинцовые и низкие, тускло-розоватые. Луны не было. Мы с мужем отлучились, чтобы проведать наверху страдающего юного Линкольна. Я произнесла про себя молитву за мальчика. Мы нашли свой экипаж и отправились домой, где мирно спали наши собственные дети, слава милосердному Богу.

Источник:

«Одна мать вспоминает»,
Абигейл Сервис

VI

Последние гости ушли с рассветом. Слуги в подвале работали всю ночь: мыли посуду, убирали, допивали остатки вина. Некоторые из них — разогретые, усталые и пьяные — затеяли спор, который привел к кулачной драке на кухне.

Фон Дрель. Там же.

Я несколько раз слышал, как произносили шепотом: не гоже было устраивать такое веселье, когда сама смерть стучится в дверь; и, возможно, чем скромнее общественная жизнь в такие времена, тем лучше.

Источник:

«Избранные письма военного времени Барбары Смит-Хилл». Под редакцией Томаса Скофилда и Эдварда Морана.

Время тянулось медленно; наступило утро, и Уилли стало хуже.

Кекли, там же.

VII

Вчера около трех часов появилась немалая процессия — около двадцати экипажей, которые некуда ставить… Они разместились на лужайках перед домами и вкривь и вкось на кладбищенской земле у ограды… И кто бы вы думали появился из катафалка? Конечно сам мистер Л. собственной персоной, я не могла его не узнать, но только был он ссутулившийся и печальный, его чуть ли не вести приходилось, он словно не хотел входить в юдоль скорби… Я еще не знала печальной новости и на мгновение была озадачена, но вскоре ситуация прояснилась, и я стала молиться за мальчика и семью — в газетах много писали о его болезни, и вот теперь печальный исход… Экипажи в течение следующего часа все прибывали, и наконец по улице стало ни проехать, ни пройти.

Большая толпа исчезла в часовне, и у моего открытого окна я слышала, что происходит внутри: музыка, служба, рыдания. Потом толпа начала рассеиваться, экипажи трогались с места, некоторые из них сцепились — не расцепить, улица и небольшие лужки превратились в сплошную

толкучку.

И вот сегодня опять влага и сырость, и около двух появилась маленькая коляска, из нее вышел президент, на сей раз в сопровождении трех джентльменов: один молодой и два СТАРЫХ. Их у ворот встретил мистер Уэстон с молодым помощником, и все они зашли в часовню… Вскоре к помощнику присоединился еще один, они вынесли маленький гроб, поставили на тележку и скорбная процессия двинулась: впереди тележка, следом президент и сопровождающие. Направились они, вероятно, в северо-западный угол кладбища. Склон холма там довольно крутой, а дождь все продолжался, и потому здесь смешалась скорбь и безудержная неразбериха, помощники с трудом удерживали гроб на тележке, и в то же время все участники процессии, даже мистер Л., старательно пытались сохранить равновесие на скользкой траве.

Как бы то ни было, бедный ребенок Линкольна останется за дорогой, что бы ни писали газеты о его грядущем возвращении в Иллинойс[13]. Им сдали в аренду место в склепе, принадлежащем судье Кэрроллу, и ты только представь себе эту

---

[13] Примечания: 13

Перед избранием президентом Линкольн с семьей жил в Иллинойсе.

боль, Эндрю: опустить своего любимого сына, словно подстреленную птицу, в холодные камени и оставить там.

Сегодня тихо, и даже Крик[14], кажется, несет свои воды тише обычного, дорогой брат. Только что появилась луна и осветила кладбищенские камни, на мгновение мне показалось, что на землю опустились ангелы разных форм и размеров: толстые ангелы, ангелы размером с собаку, ангелы на лошадях и проч.

Я привыкла к обществу мертвецов и нахожу их вполне приемлемыми в их обиталищах из земли и камня.

Источник:

«Вашингтон военного времени: письма Изабель Перкинс времен Гражданской войны». Составитель и редактор Нэш Перкинс III. Запись от 25 февраля 1862 г.

---

[14] Примечания: 14

Сын Линкольна был похоронен на кладбище Рок-Крик, названном по речушке Рок-Крик, притоку Потомака.

VIII

Итак, президент оставил своего мальчика в арендованном склепе и вернулся к работе на благо страны.

Источник:

«Линкольн: история для мальчиков». Максвелл Флагг

Ничто не могло быть более умиротворяющим и прекрасным, чем расположение этой гробницы, к тому же она была практически не видна случайному посетителю кладбища, будучи последней слева в самом дальнем углу на вершине почти вертикального склона, спускавшегося к Рок-Крик. Быстрый поток приятно журчал, а оголенные верхушки крепких деревьев устремлялись в высокое небо.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

IX

В ранней юности я обнаружил, что у меня есть определенные пристрастия, которые мне казались вполне естественными и даже замечательными, а другим — отцу, матери, братьям, друзьям, учителям, священникам, бабушке и дедушке — они вовсе не представлялись ни естественными, ни замечательными, а напротив: извращенными и постыдными. Это вызывало у меня душевную боль, и я задавался вопросом: не должен ли я отказаться от своих пристрастий, жениться и обречь себя на некоторые, скажем так, жизненные разочарования? Я хотел быть счастливым (думаю, все хотят быть счастливыми) и потому завязал невинную — ну, хорошо, довольно невинную — дружбу с парнишкой из нашей школы. Но мы вскоре поняли, что для нас нет ни малейшей надежды, и потому (пропускаю некоторые подробности, взлеты и падения, новые начала, искренние решения и последующие предательства по отношению к этим решениям, там, в углу… боже мой, каретного сарая и так далее) как-то раз, день или два спустя после особо откровенного разговора, в котором Гил-

берт заявил о своем решении с завтрашнего дня «жить правильно», я взял мясницкий нож в свою комнату и, нацарапав одну записку родителям (лейтмотивом которой было *простите меня*), другую ему (*я любил, а потому ухожу с чувством состоявшегося человека*), я довольно варварски вскрыл себе вены на запястье прямо над фарфоровой ванночкой.

Почувствовав тошноту при виде такого количества неожиданно ярко-красной крови в белой ванночке, я одурело опустился на пол, и в то же время я… мне немного неловко, но позвольте сказать это: я *передумал*. И только тогда (почти уже на том свете, так сказать) понял я, что все вокруг невыразимо *прекрасно* и изумительно точно создано для нашего наслаждения. И еще я понял, что чуть не растранжирил чудесный дар, дар, который позволял каждый день блуждать по сему чувственному раю, сему великому рынку, куда любовно поставлялись все самое прекрасное: рои насекомых, танцующих в наклонных лучах августовского солнца, тройка черных лошадей, стоящих на поле голова к голове и по колено в снегу, аромат говяжьего бульона, приносимый ветерком через оранжевеющее окно, открытое в прохладную осень…

роджер бевинс iii

Сэр. Друг.

ханс воллман

Я что… я снова делаю это?

роджер бевинс iii

Делаете.
Вдохните. Все в порядке.

Кажется, наше новое пополнение немного вас тревожит.

ханс воллман

Тысяча извинений, молодой сэр, я только хотел на собственный манер приветствовать вас.

роджер бевинс iii

«При виде такого количества крови» вы, «почувствов тошноту», «одурело опустились на пол» и «передумали».

ханс воллман

Да.

Почувствовав тошноту при виде такого количества неожиданно ярко-красной крови в белой ванночке, я одурело опустился на пол, и в это же время я… мне немного неловко. И в этот же момент *я передумал*.

Понимая, что единственная моя надежда в том, что меня найдет кто-нибудь из слуг, я с трудом поплелся к лестнице и бросился вниз. А потом сумел добраться до кухни…

Где я и остаюсь.

Жду, когда меня найдут (упокоившись на полу головой к плите, близ перевернутого стула, прижимаясь щекой к апельсиновой кожуре), чтобы меня можно было оживить, поднять, чтобы при-

вести дом в порядок после всего, что я натворил (мама будет *недовольна*), чтобы я мог выйти в этот прекрасный мир новым и более смелым человеком и начал жить! Буду ли я следовать своей наклонности? Непременно! Со смаком! Почти потеряв все, я теперь освободился от своих страхов, неуверенности и застенчивости. А когда я вернусь к жизни, то собираюсь истово странствовать по земле, вдыхать запахи, чувствовать, любить всех, кто будет встречаться мне на пути; касаться, вкушать, стоять неподвижно подле самого прекрасного в мире, такого, например, как: лягающаяся во сне собака в теневом треугольнике древесной кроны; пирамида из кусочков сахара на столешнице черного дерева, которую поправляют кубик за кубиком по какому-то неведомому чертежу; облако, похожее на овцу над ровным зеленым холмом, над которым на ветру энергично пляшут на веревке цветные рубашки, а внизу, в городе, происходят события фиолетово-голубого дня (муза воплощенной весны), и каждый двор в росистой траве, пронизанной цветами, явно сходит с ума от…

роджер бевинс iii

Друг.

Бевинс.

ханс воллман

У «Бевинса» было несколько наборов глаз // Все они стреляли туда-сюда // Несколько носов // Все шмыгали // Его руки (у него имелось несколько пар рук, или его руки действовали настолько быстро, что, казалось, будто их больше, чем на самом деле) двигались то туда, то сюда, брали что-то, подносили к лицу с самым дотошливым

Страшновато

Рассказывая свою историю, он нарастил себе столько дополнительных глаз, носов и рук, что его тело за ними исчезло // Глаза, виноградины на лозе // Руки ощупывают глаза // Носы обнюхивают руки // Порезы на всех запястьях

уилли линкольн

Новоприбывший сидел на крыше своего хворь-дома, удивленно глядя на мистера Бевинса.

ханс воллман

Иногда украдкой удивленно поглядывая на вас, сэр. На ваш заметный…

роджер бевинс iii

Ладно, говорить об этом нет нужды…

ханс воллман

Другой человек (тот, на которого упала балка) // Совсем голый // Член распух до размеров // Глаз не мог оторвать

И этот его член покачивался, когда он

Тело как клецка // Широкий плоский нос словно овечий…

И в самом деле совсем голый…

Ужасная вмятина в голове // Как он может ходить и говорить с такой жуткой

уилли линкольн

И вдруг мы обнаружили, что к нам присоединился преподобный Эверли Томас

ханс воллман

Он прибыл, как прибывает всегда, прихрамывая на бегу, брови высоко подняты, встревоженно оглядывается, волосы стоят торчком, разверстый в ужасе рот образует идеальный круг. Но говорил, как всегда говорит, — с величайшим спокойствием и здравым смыслом.

роджер бевинс iii

Новенький? — спросил преподобный.

Кажется, мы имеем честь обратиться к некоему мистеру Кэрроллу, сказал мистер Бевинс.

Парень лишь недоуменно посмотрел на нас.

ханс воллман

Новенький был мальчиком лет десяти-одиннадцати. Хорошенький мальчонка, он моргал и испуганно оглядывался

преподобный эверли томас

Напоминает рыбу — выброшенная на берег, она лежит неподвижно, настороженно, остро ощущая свою беззащитность.

ханс воллман

Это напомнило мне о моем племяннике, который как-то раз провалился под лед на реке и пришел домой, продрогший до костей. Опасаясь наказания, он боялся войти в дом. Я нашел его — он притулился к двери, чтобы хоть как-то согреться, он был ошарашенный, виноватый, от холода почти лишенный всякой чувствительности.

роджер бевинс iii

Ты явно чувствуешь определенную тягу? — спросил мистер Воллман. Позыв. Идти? Куда-то? Где было бы удобнее?

Я чувствую, что должен подождать, сказал мальчик.

Это кое-что да значит! — сказал мистер Бевинс.

преподобный эверли томас

Ждать чего? — спросил мистер Клецка-Овца.

Моей матери, ответил я. Моего отца. Они сейчас придут. Чтобы забрать меня Мистер Клецка-Овца печально покачал головой // Его член тоже закачался // Печально

Прийти они могут, сказал многоглазый человек. Но вряд ли они тебя заберут.

Потом они все втроем рассмеялись // А руки многоглазого человека принялись хлопать // А мистер Клецка-Овца размахивал распухшим членом // Даже преподобный смеялся // Но хотя он и смеялся, вид у него был испуганный

В любом случае, надолго они не остаются, сказал мистер Клецка-Овца.

Все время будут хотеть поскорее оказаться где-нибудь в другом месте, сказал многоглазый.

Будут думать только о ланче, сказал преподобный.

Скоро настанет весна // В рождественские игрушки никто и не играл // У меня есть стеклянный солдатик, у которого поворачивается голова // Эполеты взаимозаменяются // Скоро раскроются бутоны цветов // Лоуренс из сарая в саду даст нам всем по чашечке с семенами // Я должен подождать сказал я

уилли линкольн

X

Я стрельнул в мистера Бевинса взглядом.

ханс воллман

Молодые не должны задерживаться.

роджер бевинс iii

Мэттисон, *В возрасте девяти лет*? Задержался меньше, чем на тридцать минут. Потом растворился с негромким хлопком, похожим на пук. Двайер, *6 лет и 5 месяцев*? Когда появился, он вовсе не был в хворь-ларе. Явно заглянул сюда транзитом. Салливан, *новорожденный младенец*, задержался на двенадцать или тринадцать минут, ползучий визжащий шарик разочарованного света. Руссо, *Свет очей матери, забранная на шестом году*? Задержалась всего на четыре минуты. Смотришь на камень за камнем. «Я зачитываю по моему школьному учебнику».

ханс воллман

Бедняжка.

преподобный эверли томас

Близнецы Эванс, *Покинули эту юдоль вместе в 15 лет и 8 месяцев*, задержались на девять минут, а потом ушли совершенно одновременно (близнецы до конца). Персиваль Страут, *в возрасте семнадцати лет*, задержался на сорок минут. Салли Берджесс, *12 лет, любимая всеми*, задержалась на семнадцать минут.

ханс воллман

Белинда Френч, *Детка*. Помните ее?

роджер бевинс iii

Размером с буханку хлеба, просто лежала, испуская тусклое свечение и эти пронзительные причитания.

преподобный эверли томас

Всего пятьдесят семь минут.

ханс воллман

Гораздо позже матери ушла Аманда Френч, *Ушла из жизни, давая жизнь прекрасному, но несчастному ребенку*.

роджер бевинс iii

Они лежали вместе в одном хворь-ларе.

ханс воллман

Такое трогательное зрелище.

преподобный эверли томас

Но со временем она ушла.

роджер бевинс iii

Как и подобает этим молодым.

преподобный эверли томас

Как и большинству, вполне естественно.

роджер бевинс iii

Или нет.

преподобный эверли томас

Представьте теперь наше удивление, когда через час или около того мы обнаружили, что паренек все еще сидит на крыше, он в надежде оглядывался, словно ждал экипажа, который его увезет.

ханс воллман

И простите мне эти слова… но этот запах дикого лука, который источают молодые, пока задерживаются? Довольно густой же.

роджер бевинс iii

Что-то нужно было делать.

преподобный эверли томас

XI

Прогуляйся с нами, парень, сказал мистер Клецка-Овца. Мы хотим познакомить тебя кое с кем.

Идти можешь? — спросил многоглазый.

Как я выяснил могу

Могу гулять // Могу скользить // Могу даже скользить на ходу

Небольшая прогулка скользкóм для меня лучше и не придумаешь // Под нами лежало что-то нехорошее, в ларе в этом маленьком доме

Нехорошее леж

Позвольте, я скажу вам кое-что?

У него было лицо червя

Именно! Червя! Червь размером с мальчика // В моем костюме // Ужас.

уилли линкольн

Парень словно собирался взять меня за руку, но потом передумал, наверное, не хотел, чтобы я считал его ребенком.

ханс воллман

И мы тронулись с места, двинулись на восток.

роджер бевинс iii

XII

Приветствую, добрые господа. Если хотите, я могу сказать вам, как называются некоторые из наших диких цветов.

миссис элизабет кроуфорд

Миссис Кроуфорд двинулась за нами, проявляя типичную для нее невероятную покорность: она кивала, улыбалась, расшаркивалась, вздрагивала.

роджер бевинс iii

К примеру, есть милый дикий Уильям, и дикий розовый башмачок королевы, и дикие розы всяки-разны. Есть ваточник, есть жимолость, я ужо не говорю про ирис, касатик и ищо многа других разных Названия каторых я сичас не помню.

миссис элизабет кроуфорд

И все время ее тревожил Лонгстрит, этот несчастный, который упокоился близ кривой скамейки.

роджер бевинс iii

Обратите внимание, джентльмены, на мое тонкое понимание важных аспектов одеяний: всех этих крючков и застежек, пуговиц, затейливых юбок типа «дождливая маргаритка»[15]; поверьте мне, Скаддер, это все равно что снимать кожуру с луковицы: расшелушить, стянуть, уболтать, пока, наконец, не доберешься, хотя и не без труда, до центра драмы, бриллианта, можно сказать, до самой кустистой сердцевины…

сэм «пай-мальчик» лонгстрит

Который хватал и лапал ее непрерывно, пока мы шли, но миссис Кроуфорд, к счастью, не замечала его отвратительных знаков внимания.

преподобный эверли томас

Парень в благоговейном страхе шел вплотную за нами, поглядывал то в одну, то в другую сторону.

ханс воллман

А теперь я предоставлю вам частью или целиком, если пожелаете, Песню, которую пел мой дорогой муж. Называл ее свадибная песня Адама и Евы. Он пел эту песню на свадьбе моей сестры.

---

[15] Примечания: 15

Название фасона юбки, не доходящей до пола на 2–3 дюйма, модной в конце XIX в.

Он любил сочинять и Петь Песни про них и…

Нет, ближе я подходить не буду.

Добрый вам день, господа.

миссис элизабет кроуфорд

Мы добрались до края необитаемой глуши в несколько сотен ярдов, которая заканчивается внушающей страх металлической оградой.

ханс воллман

Этот пагубный предел, выдвинуться за который мы не могли.

роджер бевинс iii

Как мы его ненавидели.

ханс воллман

Девочка Трейнор лежала, как обычно, прижатая к ограде, став ее частью, а сама ограда в тот момент была чем-то вроде кошмарной почерневшей топки.

роджер бевинс iii

Я не мог не вспомнить ее первый день здесь, когда она без конца так и вилась среди нас, — юная девица в летнем платье, цвет которого непрерывно менялся.

преподобный эверли томас

Я окликнул ее и попросил поговорить с парнишкой. Об опасностях этого места. Для молодых.

ханс воллман

Девушка помалкивала. Дверь топки, у которой она находилась в тот момент, открылась, потом закрылась, дав нам на краткий миг представление о страшном оранжевом жаре внутри.

роджер бевинс iii

Она быстро преобразилась в упавший мост, хищную птицу, большую собаку, жуткую каргу, поедающую черный пирог, в остаток уничтоженного наводнением зернового поля, зонт, раскрытый ветром, которого мы не чувствовали.

преподобный эверли томас

Наши униженные мольбы не привели ни к какому результату. Девушка не желала говорить.

ханс воллман

Мы повернулись, чтобы уйти.

роджер бевинс iii

Что-то в этом парнишке тронуло ее. Зонт превратился в зерно, зерно в каргу, карга в девочку.

ханс воллман

Она подала ему знак сделать шаг вперед.

роджер бевинс iii

Парнишка осторожно приблизился, она осторожно начала говорить тихим голосом, мы не могли разобрать сказанных ею слов.

ханс воллман

XIII

Малодой мистер Бристол желал меня, малодой мистер Феллоуз и мистер Делуэй желали меня, вечером они обычно сидели вокруг меня на траве, а в их глазах горело страстнейшее добрейшее Желание. Я в моем виноградном платье сидела в плетеном кресле в окружении восторженных страстных добрых глаз даже до глубокой ночи, когда тот или иной мальчик ложился на траву и говорил: Ах, какие звезды, а я замечала: О, да, как они прекрасны сегодня, в то же время (признаю это) воображая, что лежу рядом с ним, и остальные мальчики, видя, что я смотрю на лежащего рядом со мной, тоже воображали, как они возлягут рядом со мной.

Все это было очень

Потом мама присылала за мной Энни.

Я слишком рано ушла. От этого общества, от эт

Сколько обещали такие вечера, множество таких вечеров, они давали выбор, потом, когда выбор сделан, правильный выбор, он превратится в Любовь, а Любовь в ребенка, а мне больше ничего и не нужно

Как я хо тела держать на руках дорогого Детку.

Я прикрасно знаю, я уже нетакая харошинькая как прежде. И со временем, признаю, я привыкла к опредиленым словам, которых раньше я не

Ябсти елдак бздеть дрючить мандить жопа

И знаю посикрету коекакие скверные миста где фсякие эти дела

Это такие комнаты в темных праулках

Я их по любила

Таскую по таким мистам. И очень сильно сержусь.

У меня ничиго такова небыло.

Слишком рано ушла

Чтобы иметь

Только четырнадцать.

До совершенно летия много лет

Пажалуста возвращайтесь сэр я была так рада познакомитца

Токо в пезду ваших старперов друзей (больше не привадите их), которые приходят покакетничать и посмияца надомной и попросить меня пере стать, нет не то слово пере кратить пере рвать то что я делаю. А я делаю фсе то же, что они сами делают. Разве нет? То, что я делаю, если только я и дальше буду прадалжать так же тщательно, наверняка приведет к столь желанному вазвращению в

Зеленая трава добрые взгляды.

элиз трейнор

XIV

Покинув это место, парень угомонился.

Это случится и со мной? — спросил он.

Наверняка, сказал мистер Воллман.

Это… это то, что происходит уже, осторожно добавил преподобный.

роджер бевинс iii

Мы дошли до места, откуда тропинка резко уходит вниз.

преподобный эверли томас

Рядом с Фрили. Рядом со Стивенсом. Рядом с четырьмя детьми Несбиттов и их ангелом, склонившим голову.

роджер бевинс iii

Рядом с Мастертоном. Рядом с Амбутси. Рядом с обелиском и тремя скамейками и высоко установленным бюстом самоуверенного Мерридейла.

ханс воллман

Тогда я думаю, что должен поступить так, как говорите вы, сказал мальчик.

Хороший парень, сказал мистер Воллман.

роджер бевинс iii

XV

Мы обняли мальчика у дверей его белого каменного дома.

ханс воллман

Он улыбнулся нам робкой улыбкой, в которой чувствовался страх перед тем, что грядет.

преподобный эверли томас

Ну, давай, мягко сказал мистер Бевинс. Это к лучшему.

ханс воллман

И вперед, сказал мистер Воллман. Больше для тебя тут ничего нет.

роджер бевинс iii

Тогда прощайте, сказал парень.

Бояться тут нечего, сказал мистер Бевинс. Все абсолютно естественно.

ханс воллман

И потом это произошло.

роджер бевинс iii

Чрезвычайное событие.

ханс воллман

Я бы сказал, беспрецедентное.

преподобный эверли томас

Взгляд мальчика скользнул мимо нас.

ханс воллман

Он, казалось, увидел что-то вдали.

роджер бевинс iii

Его лицо засветилось радостью.

ханс воллман

Отец, сказал он.

преподобный эверли томас

XVI

К нам сквозь темноту двигался очень высокий и неопрятный тип.

ханс воллман

Это было совершенно неправомерно. Приемные часы закончились, ворота уже должны быть закрыты.

преподобный эверли томас

Мальчика привезли только сегодня. Иными словами, человек этот, скорее всего, был здесь…

роджер бевинс iii

Совсем недавно.

ханс воллман

Сегодня днем.

роджер бевинс iii

Совершенно неправомерно.

преподобный эверли томас

У джентльмена был потерянный вид. Он несколько раз останавливался, оглядывался, шел назад, менял направление.

ханс воллман

Он неслышно рыдал.

роджер бевинс iii

Он не рыдал. Память подводит моего друга. Он тяжело дышал. Он не рыдал.

ханс воллман

Он едва слышно рыдал, его печаль усиливалась нарастающим отчаянием от ощущения, что он заблудился.

роджер бевинс iii

Он двигался как-то неловко, одни колени и локти.

преподобный эверли томас

Выбежав из двери, парнишка бросился к человеку, его лицо светилось радостью.

роджер бевинс iii

Но это выражение сменилось оцепенением, когда человек не схватил его, не поднял на руки, к чему, как было видно, привыкли оба.

преподобный эверли томас

Мальчик пробежал сквозь человека, а тот, рыдая, продолжил путь к каменному дому.

роджер бевинс iii

Он не рыдал. Он хорошо контролировал себя и двигался с большим достоинством и уверенностью в…

ханс воллман

Он находился в пятнадцати ярдах и направлялся прямо на нас.

роджер бевинс iii

Преподобный предложил нам расступиться.

ханс воллман

Преподобный категорически возражал против того, чтобы кто-то проходил сквозь него. Считал это неприличным.

роджер бевинс iii

Человек, подойдя к белому каменному дому, вошел в него, отперев дверь ключом; паренек следом за ним.

ханс воллман

Мистер Бевинс, мистер Воллман и я, озабоченные безопасностью мальчика, вошли в дверь.

преподобный эверли томас

И тогда человек сделал что-то… я даже не знаю толком, как…

ханс воллман

Он был крупный человек. И, судя по всему, довольно сильный. Достаточно сильный, чтобы вытащить…

преподобный эверли томас

Хворь-ларь мальчика.

ханс воллман

Человек вытащил ларь из ниши в стене, поставил его на пол.

роджер бевинс iii

И открыл его.

ханс воллман

Встав на колени перед ларем, человек посмотрел на то, что…

преподобный эверли томас

Он посмотрел на тело парнишки, распростертое в хворь-ларе.

ханс воллман

Да.

преподобный эверли томас

И тут он зарыдал.

ханс воллман

Он все время рыдал.

роджер бевинс iii

Он издал одиночный душераздирающий всхлип.

ханс воллман

Или «ох». Мне это скорее показалось охом. Охом осознания.

преподобный эверли томас

Охом воспоминания.

ханс воллман

Неожиданным пониманием того, что было потеряно.

преподобный эверли томас

И нежно прикоснулся к лицу и волосам.

ханс воллман

Как он, несомненно, делал много раз, когда мальчик был…

роджер бевинс iii

Не таким хворым.

ханс воллман

Издал «Ох» осознания, словно говорил: Вот он снова здесь, мой мальчик, каким и был. Я снова нашел того, кто был столь мне дорог.

преподобный эверли томас

Кто все еще оставался столь дорог.

ханс воллман

Да.

роджер бевинс iii

Утрата была совсем свежей.

преподобный эверли томас

XVII

Уилли Линкольн угасал.

Эпштейн. Там же.

Дни устало тащились один за другим, а он все слабел, становясь похожим на тень.

Кекли. Там же.

Секретарь Линкольна Уильям Стоддард вспоминал вопрос, который был у всех на устах: «Есть какая-то надежда? Никакой. Так говорят доктора».

Источник:

«Команда соперников: Политический Гений Авраама Линкольна».
Дорис Кернс Гудвин.

Сегодня около пяти часов я лежал в полусне на диване в своем кабинете, когда его приход разбудил меня. «Ну, вот, Николай, — сказал он сдавленным от эмоций голосом, — мой мальчик ушел — ушел навсегда!» Он разрыдался и удалился в свой кабинет.

Источник:

«С Линкольном в Белом доме».
Джон Г. Николай.
Под редакцией Майкла Берлингейма.

Смерть наступила лишь несколько мгновений назад. Тело лежало на кровати, одеяло было сброшено. На нем была голубая пижама. Руки вытянулись по бокам. Щеки все еще горели. На полу одна на другой лежали три подушки. Маленький столик стоял криво, словно его кто-то оттолкнул.

Источник:

«Свидетель истории: Белый дом Линкольна». Под редакцией Стоуна Хильярда. Свидетельство горничной Софи Ленокс.

Я помогала его обмывать и одевать, а когда его перенесли на ложе, вошел мистер Линкольн. Никогда не видела человека, настолько угнетенного скорбью. Он приблизился к кровати, поднял платок с лица ребенка, долго всматривался в него, любовно и серьезно приговаривал: «Мой бедный мальчик, он был слишком хорош для этой семьи. Бог призвал его домой. Я знаю, ему гораздо лучше будет на небесах, но ведь мы так его любили. Его смерть так тяжела для нас, так тяжела!».

Кекли. Там же.

Он был любимцем своего отца, они дружили, их часто видели вместе — они гуляли рука об руку.

Кекли. Там же. Свидетельство Натаниеля Паркера Уиллиса.

Он с ног до головы был копией отца — обладал таким же личным магнетизмом, такими же талантами и вкусами.

Источник:

«Сыновья Линкольна». Рут Пейнтер Рэндалл.

На этого ребенка Линкольн возлагал самые заветные свои надежды; он был его собственным маленьким зеркальным отражением, так

сказать, с ним он говорил откровенно, открыто, доверительно.

Источник:

«Час расплаты: Воспоминания инсайдера о трудных временах».
Тайрон Филиан.

Уилл был истинной копией мистера Линкольна во всех смыслах, даже в том, как он держал голову, чуть наклоняя к левому плечу.

Берлингейм. Там же.
Свидетельство соседа в Спрингфилде.

Человек питает такую любовь к маленьким, такую веру, что они познают все прекрасное в этой жизни, такую нежность к этому уникальному набору свойств, которые проявляет каждый из них: показная храбрость, беззащитность, манера говорить и ошибки в произношении. И так далее. Запах кожи и волос, ощущение его маленькой ручки в твоих… И вот маленького нет! Отобран у тебя! Ты словно громом поражен от того, что мир, представлявшийся таким великодушным, оказался столь несправедлив. Из ничего родилась великая любовь; теперь ее источника нет,

эта любовь, ищущая и больная, превращается в самое беспредельное страдание, какое можно представить.

Источник:

«Эссе на потерю ребенка». Миссис Роуз Милланд.

«Это самое тяжелое испытание в моей жизни, — признался он медсестре, и, словно бунтуя, этот человек, отягощенный заботами и скорбями, воскликнул: За что? За что?».

Источник:

«Авраам Линкольн: мальчик и мужчина». Джеймс Морган.

Ему мешали говорить душившие его рыдания. Он закрыл лицо руками, и его высокая фигура сотряслась от всхлипов. Я стояла в изголовье кровати с глазами полными слез, глядя на этого человека в безмолвном, почтительном удивлении. Скорбь лишила его присутствия духа, сделала слабым, безвольным ребенком. Я и представить не могла, что этот непреклонный суровый человек может быть настолько потрясен. Никогда не забуду тех скорбных мгновений — само воплощение гениальности и величия рыдало над потерянным идолом любви.

Кекли. Там же.

XVIII

Уилли Линкольн был самый обаятельный парнишка, каких я знал: сметливый, чувствительный, с мягким характером и хорошими манерами.

Источник:

«Отец Тэда Линкольна».
Джулия Тафт Бейн.

Он принадлежал к детям такого рода, о каких мечтают люди, у которых детей еще нет.

Рэндалл. Там же.

Его самообладание — aplomb, как говорят французы, — было удивительным.

Уиллис. Там же.

У него был активный, любознательный и совестливый ум; к людям он относился по-дружески и с любовью; его порывы отличались щедростью и добротой; его слова и манеры были мягкими и привлекательными.

Источник:

«Прощальные речи в память Уилли Линкольна».
Финис Д. Керли.
«Иллинойс стейт джорнал».

Он всегда находил меня в толпе, пожимал руку, отпускал какие-нибудь приятные замечания — и такое поведение десятилетнего мальчика для постороннего человека было, по меньшей мере, удивительно.

Уиллис. Там же.

Уилли носил серый мешковатый костюм, и его стиль сильно отличался от того, какой принят среди кудрявых любимцев следящих за модой матерей.

Источник:

«Правда о миссис Линкольн».
Лора Сиринг
(под псевдонимом Говард Глиндон).

Как-то раз я проходил мимо Белого дома, когда он гулял по тротуару с товарищем по играм. В экипаже подъехал мистер Сьюард с принцем Наполеоном[16] и еще двумя из его свиты. И государственный секретарь — между ним и мальчиком явно существовала какая-то духовная близость, — этот важный чиновник церемониально снял шляпу, то же самое сделал и Наполеон, отдавая таким образом честь «президентскому принцу». Уилли, ничуть не смутившись этим принесением феодальной присяги, полностью владея собой, изящно снял свою шапочку и поклонился чуть не до земли, словно маленький посол.

Уиллис. Там же.

Его лицо светилось умом и чувством, что делало его особенно интересным и вынуждало незнакомых людей говорить с ним, как с равным, хоть он и был мал.

Сиринг. Там же.

---

[16] Примечания: 16

Уильям Генри Сьюард (1801–1872) — госсекретарь США в 1861–1869 гг. Принц Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (1822–1891) — двоюродный брат Наполеона III, в 1861 г. посетил США.

Легко понять, как ребенок, столь одаренный, за одиннадцать лет может проникнуть в сердца тех, кто его знал.

Керли. Там же.

Солнечный ребенок, милый и искренний, очень открытый искушениям мира.

Источник:

«Они знали мальчиков Линкольна». Кэрол Драйзер. Свидетельство Саймона Вебера

Такой милый мальчик, упитанный и бледный, длинные волосы ниспадали ему на глаза, когда что-то его трогало, стесняло, он непроизвольно начинал закрывать и открывать веки: моргал, моргал, моргал.

Источник:

«Маленькие мужчины президента». Опал Стрейнджер.

Когда он сталкивался с малейшей несправедливостью, его лицо темнело от озабоченности, глаза наполнялись слезами, словно в данном несчастном случае он предвидел несправедливость более широкого замысла. Как-то его приятель принес дрозда, которого убил камнем, и теперь держал

двумя палочками, словно щипцами. Уилли отругал приятеля, забрал у него мертвую птицу, похоронил и остаток дня молчал и грустил.

Источник:

«Потерянный ангел Линкольна».
Саймон Айвернесс.

Его основной чертой, казалось, была бесстрашная и добрая откровенность, он желал, чтобы все по собственному усмотрению было ни на что не похоже, но в то же время оставалось неизменным, как требовало его собственное прямодушие. Я поймал себя на том, что против собственной воли изучаю его как одну из сладчайших загадок детства, которыми мир бывает облагодетельствован лишь в редких местах.

Уиллис. Там же.

Частным образом после службы доктор Герли рассказал, что Уилли незадолго до смерти обратился к нему с просьбой: взять из бюро шесть долларов, его банковских накоплений, и передать миссионерскому обществу.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

При всем великолепии, которое окружало этого маленького мальчика в его новом доме, он отважно и красиво оставался *самим собой* — и только самим собой. Дикий цветок, пересаженный из прерий в оранжерею, он сохранил привычки жителя прерий, оставался неизменно чистым и простым до самой смерти.

Уиллис. Там же.

Много месяцев спустя, перебирая старые одежды для миссис Линкольн, я обнаружила в кармане пальто крохотную скомканную варежку. Воспоминания нахлынули на меня, и я расплакалась. Я никогда не забуду этого маленького мальчика, его милых привычек.

Хильярд. Там же. Свидетельство горничной Софи Ленокс.

Он не был идеальным, не забывайте: он был маленьким мальчиком. Случалось, что бывал необузданным, непослушным, возбужденным. Он был мальчиком. Но — и это нужно сказать — он был очень хорошим мальчиком.

Хильярд. Там же. Свидетельство Д. Стрампхорта, дворецкого.

XIX

Около полудня президент, миссис Линкольн и Роберт[17] вышли в последний раз проститься с потерянным и дорогим Уилли. Они не хотели, чтобы посторонние присутствовали при этих последних скорбных мгновениях прощания с их мертвым сыном и братом. Они оставались там почти полчаса. В это время началась сильнейшая гроза со штормовым ветром, что постоянно случалось в этом городе. Сокрушительный ураган снаружи бушевал в унисон с ураганом скорби внутри.

Источник:

«Свидетельство молодой республики: дневник янки (1828–1870)». Бенджамин Браун Френч. Под редакцией Д. Б. Коула и Дж. Дж. Макдоно.

[17] Примечания: 17

Имеется в виду старший сын президента Линкольна Роберт (1843–1926).

В течение получаса, пока семья оставалась рядом с мертвым мальчиком, молнии раскалывали небо, от грома, грохочущего, как артиллерийский огонь, сотрясалась посуда в буфете, а с северо-запада дул сильнейший ветер.

Эпштейн. Там же.

По просторным коридорам в тот вечер разносились звуки скорби, и не все они приходили из той комнаты, где лежала в бреду миссис Линкольн; слышались и более низкие стоны президента.

Источник:

«Мои десять лет в Белом доме».
Эллиот Стернлет.

Прошло полтора века, но до сих пор, когда представляешь эту жуткую сцену, кажется, будто бередишь свежую рану — потрясение, раздраженное неприятие случившегося, дикие крики скорби.

Эпштейн. Там же.

И только перед тем как ложиться спать, когда мальчик обычно приходил поговорить или попроказничать, мистер Линкольн, казалось, в полной мере осознал безвозвратность утраты.

Источник:

«Избранные воспоминания о жизни, посвященной службе».
Стенли Хонер.

Около полуночи я вошел узнать, не принести ли ему чего-нибудь, и был потрясен, увидев его. Волосы стояли торчком, на бледном лице оставались очевидные следы недавних слез. Я подивился столь явному проявлению эмоций, подумал о том, что может случиться, если он не обретет облегчения. Незадолго до этого я побывал на железоделательном заводе в Пенсильвании, где мне продемонстрировали клапан для спуска пара; состояние президента навело меня на мысль о необходимости такого приспособления и для него.

Хильярд.
Там же. Свидетельство Д. Стрампхорта, дворецкого.

XX

Неухоженный джентльмен суетился над маленьким телом, гладил волосы, ласкал и перекладывал бледные, словно кукольные, руки.

роджер бевинс iii

Парнишка стоял рядом, взволнованно умоляя отца посмотреть в его сторону, потютюшкаться с *ним*, приласкать *его*.

преподобный эверли томас

Но джентльмен, казалось, ничего не слышит.

роджер бевинс iii

Потом эта и без того удручающая и неподобающая сцена перешла на новый уровень…

ханс воллман

Мы услышали, как тяжело вздохнул преподобный, которого — невзирая на внешность — поразить было затруднительно.

роджер бевинс iii

Он собирается вытащить этого ребенка, сказал преподобный.

ханс воллман

Так он и сделал.

Человек поднял маленькое тело из…

роджер бевинс iii

Хворь-ларя.

ханс воллман

Человек нагнулся, вытащил маленькое тело из ларя и с удивительной грацией для столь несуразного сложения, тут же сел на пол и уложил тело себе на колени.

роджер бевинс iii

Джентльмен, погрузив голову в пространство между подбородком и шеей мальчика, приник к ней и зарыдал — поначалу неровно, потом безудержно, давая волю горю.

преподобный эверли томас

Парнишка тем временем метался туда-сюда, явно пребывая в крайнем отчаянии.

ханс воллман

Почти десять минут человек держал…

роджер бевинс iii

Хворь-тело.

ханс воллман

Мальчик в отчаянии от того, что на него не обращают внимания, которого, как ему казалось, он заслуживал, подошел и приткнулся к отцу, а тот продолжал держать и нежно баюкать…

преподобный эверли томас

Хворь-тело.

ханс воллман

Я в какой-то момент отвернулся, растроганный до глубины души, и обнаружил, что мы не одни.

роджер бевинс iii

Снаружи собралась толпа.

преподобный эверли томас

Все хранили молчание.

роджер бевинс iii

Мужчина продолжал баюкать своего ребенка.

преподобный эверли томас

А его ребенок в это же время тихо стоял, притулившись к нему.

ханс воллман

Потом джентльмен начал говорить.

роджер бевинс iii

Парнишка привычным движением обхватил отца рукой за шею, как, вероятно, делал не раз, и прижался к нему, его голова коснулась головы отца, он хотел лучше слышать, что тот шептал в шею…

ханс воллман

Отчаяние мальчика стало невыносимым, и он начал…

роджер бевинс iii

Мальчик начал входить в себя.

ханс воллман

Так сказать.

роджер бевинс iii

Мальчик начал входить в себя, и вскоре вошел в себя полностью, а человек при этом зарыдал с новой силой, словно еще острее смог осознать изменившееся состояние того, кого держал на руках.

преподобный эверли томас

Это было слишком, слишком личное, семейное дело, и я удалился, вышел в одиночестве.

ханс воллман

Как и я.

роджер бевинс iii

Я, остолбенев, медлил там, читая молитвы одну за другой.

преподобный эверли томас

XXI

Папа прямо в ухо червяка сказал:

Мы так любили друг друга, дорогой Уилли, но теперь по причинам, которые нам не дано понять, наша связь разорвана. Но она никогда не будет разорвана — пока я жив, ты всегда будешь со мной, дитя.

Потом он всхлипнул

Плачущий папа // Такое было тяжело видеть // И как бы я ни ласкал, ни целовал, ни утешал его, это не

Ты был радостью, сказал он. Пожалуйста, помни об этом. Помни, что ты был радостью. Для нас. Каждую минуту в любое время года ты был… ты хорошо постарался. Хорошо постарался, чтобы быть для нас счастьем.

И говорил все это червю! Как бы мне хотелось, чтобы он сказал это мне // Почувствовать его взгляд на себе // И тогда я подумал, ну, ладно, я все равно заставлю его увидеть меня // И я вошел… // Это оказалось совсем нетрудно // Скажем, ощущение было, что так оно и должно // Словно я был частью

Там, сжатый так крепко, я был частью и в папе

И точно знал, что он

Чувствовал как лежат его длинные ноги // Что такое иметь бороду // Ощущать вкус кофе во рту и, хотя и не думал об этом точно такими словами, знал: *мне пошло на пользу то, что я прижал его к себе. Пошло. Плохо ли это? Нечестиво ли? Нет, нет, он мой, он наш, а потому я, вероятно, в этом кто-то вроде бога; в том, что касается его, я могу решать, что для него лучше всего. И я верю, что это пошло мне на пользу. Я помню его. Опять. Кем он был. Я уже немного забыл. Но вот: его точные пропорции, его костюм, все еще хранящий его запах, его волосы между моими пальцами, его тельце, знакомое с тех времен, когда он засыпал в гостиной, а я уносил его в…*

Это мне пошло на пользу.

Я верю, что пошло.

Это тайна. Немного тайной слабости, которая поддерживает меня; поддерживая меня она увеличивает вероятность того, что я буду исполнять свой долг в других областях; это приближает к концу период слабости; это не вредит никому; поэтому в этом нет ничего плохого, и я унесу отсюда мою решимость: я могу возвращаться так часто, как мне нравится, никому не говорить, принимать любую помощь, которую

это может мне дать, пока это не перестанет мне помогать.

И тут отец приткнулся своей головой к моей.

Дорогой мальчик, сказал он, я еще приду. Обещаю.

уилли линкольн

XXII

Минут тридцать спустя неухоженный человек покинул белый каменный дом и, спотыкаясь, двинулся в темноту.

Я вошел и увидел, что мальчик сидит в углу.

Мой отец, сказал он.

Да, сказал я.

Он сказал, что придет еще, сказал он. Он обещал.

Я почувствовал, что безмерно и необъяснимо растроган.

Чудо, сказал я.

преподобный эверли томас

XXIII

Приблизительно около часа ночи сегодня согласно этому докладу президент Линкольн прибыл к главным воротам и попросил впустить его и не зная что делать с учетом его президентского положения высокого как для него так и для любого я позволил ему войти хотя как тебе известно Том правила требуют чтобы ворота после закрытия не отпирались до указанного времени то есть до утра но поскольку это просил президент собственной персоной передо мной встала непростая дилемма и еще потому что я был сонный по причине позднего часа как говорилось выше и по причине моих вчерашних развлечений в парке с моими собственным детьми Филиппом Мэри и Джеком-мл. и потому чувствуя усталость я признаю что немного прикорнул за твоим столом Том. Не спрашивал президента что он здесь делает или чего-то такого только когда наши глаза встретились и он посмотрел так откровенно и по-дружески но с мукой во взгляде словно говоря понимаешь друг это довольно странно я знаю но глазами такими умоляющими что я не мог ему отказать так как его мальчика упокоили

только сегодня и потому ты можешь вполне себе представить как ты или я могли действовать или чувствовать себя в подобной печальной ситуации Том если бы твой Митчел или мои Филип Мэри или Джек-мл. сгорели бы вот так бесполезно об этом думать.

Извозчика с ним не было он приехал на небольшой лошадке что сильно удивило меня ведь он же президент и все такое а ноги у него такие длинные а лошадь маленькая и оттого казалось будто какое-то насекомое человеческих размеров прицепилось к этой жалкой кляче которая освободилась от своей ноши и теперь стояла усталая и виноватая, тяжело дышала словно думая будет у меня что рассказать другим лошадкам по возвращении если они еще не будут спать и в этот момент президент попросил ключ и я дал ему ключ и смотрел как он идет жалея что не предложил ему фонаря какового у него не было хотя он и пошел в стигийскую тьму как пилигрим идущий в пустыню где нет ни дорог ни следов это было очень печально Том.

Самое странное Том что его так долго не было. Вот я пишу а его все нет. Где он Том. Потерялся он потерялся. Потерялся там или упал и сломал что-нибудь а теперь кричит зовет на помощь.

Вот сейчас выходил слушал никаких криков.

Где он в такой час не знаю Том.

Может где-то в зарослях приходит в себя после посещения предается одинокому крику?

Источник: «Журнал сторожа, 1860–1878, кладбища „Оук три“».

Запись Джека Мандерса
в ночь 25 февраля 1862 г.,
цитируется по договоренности
с мистером Эдвардом Сансибелом.

XXIV

Трудно было бы переоценить живительный эффект, какой оказало это посещение на наше сообщество.

ханс воллман

Личности, которых мы не видели годами, вышли, расползлись, стояли смиренно, заламывая руки в восторженном недоверии.

преподобный эверли томас

Личности, которых мы не видели *никогда* прежде, теперь дебютировали, и это было волнующе.

роджер бевинс iii

Кто знал, что Эденстон — крохотный человек в желтой одежде с надетым наперекосяк париком? Кто знал, что Кравуэлл — жирафоподобная женщина в очках, с книжкой собственных юморесок в руке?

ханс воллман

Заискивание, почтение, улыбки, звонкий смех, душевные приветствия — все это было в повестке дня.

роджер бевинс iii

Люди толклись под высокой февральской луной, хваля одежды друг друга, делая то, что привыкли, — пинали башмаками землю, кидали камни, примеряли удар. Женщины держались за руки, запрокидывали головы, называли друг друга *милая* и *дорогая*, останавливались под деревьями, чтобы обменяться странными секретами, которые хранили долгие годы уединения.

преподобный эверли томас

Люди были *счастливы*, вот как это называется; они возродили это понятие.

ханс воллман

Это была мысль, та самая мысль, что кто-то…

роджер бевинс iii

Из того другого места…

ханс воллман

Что кто-то из другого места удостоит…

роджер бевинс iii

Это было *трогательно*, вот что было необычно.

преподобный эверли томас

Ничего необычного не было в том, что люди из предыдущего места тоже *тут*.

ханс воллман

Ой, они приходили сюда довольно часто.

преподобный эверли томас

С их сигарами, венками, слезами, траурными повязками, тяжелыми экипажами, черными лошадьми, бьющими копытами у ворот.

роджер бевинс iii

Их слухи, их беспокойство, их шепот о том, что не имеет к нам никакого отношения.

преподобный эверли томас

Их теплая плоть, парок дыхания, влажные глаза, неудобное нижнее белье.

роджер бевинс iii

Их жуткие лопаты, брошенные кое-как под нашими деревьями.

преподобный эверли томас

Но *трогательно*. Боже мой!

ханс воллман

Не то чтобы они иногда не трогали нас.

роджер бевинс iii

О, они тронут вас, не сомневайтесь. Затолкают вас в ваш хворь-ларь.

ханс воллман

Оденут так, как они хотели. Зашьют и раскрасят как нужно.

роджер бевинс iii

Но как только все это проделают, они больше вас уже не тронут никогда.

ханс воллман

А Рейвенден.

преподобный эверли томас

Рейвендена они снова тронули.

роджер бевинс iii

Но такое вот трогание…

ханс воллман

Никто не хочет, чтобы его так трогали.

преподобный эверли томас

Крыша этого каменного дома протекала. Его хворь-ларь оказался поврежденным.

роджер бевинс iii

Они вытащили его на свет божий, сняли крышку.

преподобный эверли томас

Стояла осень, и листья падали на беднягу. Он из гордых. Банкир. Говорил, у него свой особняк на…

ханс воллман

Они вытащили его из гроба и бросили — бух! — в новый. Потом спросили в шутку, не больно ли, а если больно, то не подаст ли он на них жалобу? Потом они долго, с удовольствием, курили, а бедняга Рейвенден (половина внутри, половина снаружи, голова под невероятным углом) все это время тихим голосом просил их, чтобы они были так любезны положить его более пристойно…

преподобный эверли томас

Так вот трогание…

роджер бевинс iii

Никто этого не хочет.

ханс воллман

Но это… это другое.

роджер бевинс iii

Промедлить, задержаться — вот что он шептал прямо в ухо? Боже мой! Боже мой!

преподобный эверли томас

Чтобы тебя трогали с такой любовью, с таким чувством, словно ты все еще…

роджер бевинс iii

Здоров.

ханс воллман

Словно ты все еще стоишь любви и уважения?

Это воодушевляло. Вселяло в нас надежду.

преподобный эверли томас

Возможно, мы были не так уж не достойны любви, как уверовали.

роджер бевинс iii

XXV

Пожалуйста, поймите меня правильно. Мы были матерями, отцами. Мужьями много лет, важными людьми, которые пришли сюда в тот первый день в сопровождении таких громадных и печальных толп, что, пытаясь протиснуться вперед, чтобы услышать выступающих, люди так повредили ограду, что она уже не подлежала восстановлению. Мы были молодыми женами, попавшими сюда после родов, лишенными нашей стыдливости невыносимой болью этого обстоятельства, оставившими мужей, столь в нас влюбленных, столь измученных ужасом этих последних мгновений (они представляли, что мы провалились в ужасную черную дыру разлученные болью с самими собой), что уже больше были не в силах никого полюбить. Они были неловкими мужчинами, тихо довольствовались жизнью, и в нашей первой юности научились понимать нашу непримечательность и весело (словно смущенно приняв на себя тяжелое бремя) изменили наши жизненные приоритеты: если нам не суждено стать *великими*, то мы будем *полезными*; будем богатыми, и добрыми, и потому

способными творить добро — улыбаясь, засунув руки в карманы, наблюдая за миром, который мы немного улучшили, проходя мимо (этот никчемный поначалу дар нашел себе применение; это знание втайне было оплачено). Были обходительными, любящими пошутить слугами, которых любили наши хозяева за одобрительные слова, что мы выдавливали, когда они отправлялись в путь в дни, наполненные смыслом. Были бабушками, терпимыми и откровенными, знавшими некоторые темные тайны и по своему характеру не склонными к осуждению, даровали безмолвное прощение и, таким образом, впускали солнце. Я вот что хочу сказать: с нами *считались*. Нас *любили*. Мы были не одинокими, не потерянными, не капризными, но мудрыми, каждый или каждая на свой манер. Наш уход принес боль. Те, кто любил нас, сидели на кроватях, опустив голову на руки, уронив лицо на столешницу, издавая животные звуки. Нас любили, говорю я, и люди, вспоминая нас, даже много лет спустя, улыбались, на миг светлея от воспоминания.

преподобный эверли томас

И все же.

роджер бевинс iii

И все же никто никогда не приходил сюда обнять кого-нибудь из нас, произнося нежные слова.

ханс воллман

Никогда.

роджер бевинс iii

XXVI

И вскоре мы, как море, окружили каменный белый дом.

преподобный эверли томас

И протолкавшись вперед, выспрашивали у мальчика подробности: Что он чувствовал, когда его так держали? Правда ли, что посетитель обещал вернуться? Не подавал ли он каких-нибудь надежд на изменение сущностного положения мальчика? И если подавал, то не может ли эта надежда распространяться и на нас?

роджер бевинс iii

Чего мы хотели? Мы хотели, чтобы парнишка *увидел* нас, думаю я. Мы хотели его благословения. Мы хотели знать, что это явно зачарованное существо думает о наших собственных причинах, побуждающих нас остаться.

ханс воллман

Если говорить по правде, то здесь среди многочисленных присутствующих не было ни одного — даже среди самых сильных — кто не испытывал бы некоторых сомнений касательно мудрости его или ее выбора.

роджер бевинс iii

Внимание и любовь этого джентльмена улучшило наше представление о мальчике, мы обнаружили, что ищем хотя бы малейшей возможности сблизиться с ним.

преподобный эверли томас

С этим новоявленным принцем.

роджер бевинс iii

Вскоре очередь жаждущих поговорить с парнишкой вытянулась по дорожке до коричневого, построенного из песчаника дома Эверфилда.

ханс воллман

XXVII

Я быстро.

джейн эллис

Сомневаюсь.

миссис абигейл бласс

Но миссис Бласс, прошу вас. Все получат…

преподобный эверли томас

«Раз на святки папа возил нас на замечательный деревенский праздник». Кхе-кхе.

миссис абигейл бласс

Пожалуйста, не толпитесь. Просто стойте в очереди. Обслужат всех.

ханс воллман

Она ноет и ноет и всегда должна быть первой. Во всем. Чем, скажите мне, она заслужила такое…

миссис абигейл бласс

Вы можете кое-чему у нее поучиться, миссис Бласс. Посмотрите на ее осанку.

ханс воллман

Как она спокойна.

преподобный эверли томас

Какая у нее чистая одежда.

роджер бевинс iii

Джентльмены?
Если позволите?

Раз на святки папа возил нас на замечательный деревенский праздник. Над дверью мясной лавки висел превосходный навес из мясных туш: олень с торчащими потрохами, прикрепленными проволокой к шкуре, словно громадные ярко-красные гирлянды; фазаны и селезни висели головами вниз с крыльями, распростертыми с помощью провода в фетровой обмотке, обмотка подбиралась в цвет соответствующим перьям (это они сделали очень умело); по обе стороны двери стояли поросята, а на них, словно маленькие всадники, сидела дичь, все это украшено зеленью и обвешано свечами. На мне было белое. Я была хорошенькой девочкой в белом, длинная коса висела сзади, и я специально покачивала ею, вот так. Мне не хотелось уходить, и я стала беситься. Папа, чтобы меня успокоить, купил оленя и позволил мне помочь ему привязать его к задку нашей телеги. У меня и теперь это перед глазами: деревня остается позади в предвечернем тумане, с безжизненного оленя капает кровь, оставляя след, на небе мерцают звезды, бегут ручейки и журчат под нами, когда мы проезжаем по стонущим мостикам из свежесрубленных деревьев, мы едем домой мимо собравшихся…

джейн эллис

Кхе-кхе.

миссис абигейл бласс

Я чувствовала себя новым видом ребенка. Не мальчиком (совершенно точно), но и не (обычной) девочкой. Представительницы облаченной в юбочки расы, вечно вертящиеся вокруг сервировочного столика, не имели ко мне никакого отношения.

Понимаете, я вынашивала такие огромные надежды.

Мир казался таким безграничным. Я собиралась побывать в Риме, Париже, Константинополе. Я воображала подпольные кафе, где мой друг (красивый, щедрый) и я сидим у влажной стены и обсуждаем… всякое. Глубокие вещи, новые идеи. Загадочные зеленые огни светятся на улице, море поблизости плещется у грязных покосившихся причалов; происходит смута, революция, в которой мы с другом должны…

Но, как нередко случается, мои надежды… не осуществились. Мой муж не был ни красив, ни щедр. Он был зануда. Со мной он не был груб, но и нежности я от него не видела. Ни в Риме, ни в Париже, ни в Константинополе мы не побывали, только ездили бесконечно туда-сюда, до

Фэрфакса к моей престарелой матери и обратно. Он, казалось, не замечал меня, но только предпринимал попытки владеть мной; он шевелил своими тараканьими усами, каждый раз когда находил меня (а находил он меня часто) «глупой». Я говорила что-нибудь, на мой взгляд, верное и важное, касательно, например, его неспособности продвинуться в профессии (он был нытиком, всегда воображал себя жертвой какого-нибудь заговора, и, видя презрение к себе, вступал в очередную пошлую свару и вскоре оказывался за дверями). Но он только шевелил усами и объявлял мои слова «женским взглядом на вещи» и… больше ничего. Он пропускал мои слова мимо ушей. Послушать, как он хвастался, говорил, какое впечатление произвел на какого-то мелкого служащего «остроумным» замечанием, тогда как я была там и слышала его замечание, видела, что этот служащий и его жена едва сдержались, чтобы не рассмеяться в лицо напыщенному маленькому ничтожеству, и это было… мучительно. Понимаете, я ведь была тем прекрасным ребенком в белом, Константинополь, Париж и Рим носила в сердце и не знала тогда, что принадлежу к «низшему виду», что я «всего лишь» женщина. А потом, как-нибудь вечером, стрелял в меня осо-

бым взглядом (я хорошо его знала, этот взгляд), который означал: «Подготовьтесь, мадам, вскоре я взгромозжусь на вас, сплошные бедра и язык, мои маленькие усики вроде как размножились, чтобы иметь возможность поприсутствовать в каждом месте входа, так сказать, а потом я снова взгромозжусь на вас, напрашиваясь на комплимент», — это было больше, чем я могла вынести.

Потом пошли дети.

Да, дети. Три замечательные девочки.

В этих девочках я нашла свой Рим, Париж и Константинополь.

Он не проявляет к ним ни малейшего интереса, разве что любит использовать их, чтобы получше подать себя публике. Он слишком строго наказывает одну за какой-нибудь незначительный проступок, отвергает робко высказанное мнение другой, громко читает лекцию всем о каком-то очевидном факте («Понимаете, девочки, луна висит там среди звезд»), словно вот только что открыл это, а потом оглядывается, чтобы понять, какой эффект его мужественность производит на прохожих.

джейн эллис

Прошу вас.

Столько людей ждет.

миссис абигейл бласс

Будет ли *он* заботиться о них?

В мое отсутствие?

Кэтрин скоро пойдет в школу. Кто будет смотреть, чтобы она хорошо одевалась? У Марибет больная нога, она слишком застенчивая и часто приходит домой в слезах. Кому она будет жаловаться? Алиса нервничает, потому что она послала свои стихи для публикации. Не очень хорошие стихи. Я хочу дать ей Шекспира — пусть почитает. И Данте, и мы вместе попробуем поработать над каким-нибудь стихотворением.

Они теперь мне особенно дороги. Во время этой паузы. К счастью, это всего лишь неопасная операция. Редкая возможность для человека, ей-богу, остановиться и обдумать свое…

джейн эллис

Миссис Эллис была видной женщиной, настоящей королевой, всегда в окружении трех студенистых шаров, плавающих вокруг ее персоны, и каждый имел сходство с одной из ее дочерей. Временами эти шары приобретали громадные размеры и оказывали на нее влияние, выдавливали из нее кровь и другие жидкости,

а она корчилась под их жутким весом, не желая кричать, поскольку это свидетельствовало бы о неудовольствии. А в другое время эти шары отлетали от нее, что очень ее мучило, она металась, пытаясь найти их, а когда находила, плакала, испытывая облегчение, и тогда они снова начинали давить на нее; но худшая из всех мук для миссис Эллис наступала, когда один из шаров обосновывался пред ее глазами в своем естественном размере и становился абсолютно прозрачным, а она таким образом имела возможность увидеть одежду перед ней в мельчайших подробностях, а также выражение лица, настроение и прочая дочери внутри, которая вполне искренне рассказывала ей о какой-нибудь проблеме, свалившейся на нее (в особенности, в свете неожиданного отсутствия миссис Эллис). Миссис Эллис реагировала, вынося самое проницательное суждение и демонстрируя всеобъемлющую любовь, — объясняла сочувственным голосом, как огорченному ребенку лучше всего вести себя в сложившейся ситуации. Но, увы (в этом-то и была главная мука), девочка не могла ни слышать ее, ни видеть, и на глазах миссис Эллис с ней случался приступ все усиливающегося отчаяния, а бедная женщина начинала метаться,

пыталась уйти от шара, который преследовал ее с садистской изобретательностью, иначе это и не назовешь, предвидел каждое ее движение, чтобы постоянно оставаться перед ее глазами, которые, насколько я понимал, миссис Эллис в такие моменты закрыть не могла.

преподобный эверли томас

В другие дни все, кого она встречала, имели вид гигантских усов с ногами.

ханс воллман

Да, несладкая у нее судьба.

роджер бевинс iii

Не такая уже и несладкая. Она богата.

Это слышно по ее голосу.

миссис абигейл бласс

Молодой сэр, позвольте попросить вас о любезности?

джейн эллис

Заносчивая.

миссис абигейл бласс

Если вам позволительно возвращаться в то предыдущее место, проверьте, пожалуйста, одежду Кэтрин, утешьте Марибет и скажите Алисе, что первая неудачная попытка не грех. Заверьте их, что я думаю о них, с тех пор как оказалась здесь, и пытаюсь вернуться домой, и даже когда мне дали эфир, я думала о них, о них и только…

джейн эллис

Возьмите деньги, я сказал. Я спокоен.

мистер максвелл бойсе

Опять оттолкнули?

Потому что я маленькая?

миссис абигейл бласс

Может быть, потому что вы такая грязная.

роджер бевинс iii

Я живу близко к земле, сэр. Насколько я знаю, вы…

миссис абигейл бласс

Ваши тапочки совершенно черные от грязи.

роджер бевинс iii

Возьмите деньги, я сказал. Я спокоен.

И вы тоже, сэр, пожалуйста, сохраняйте спокойствие, я сказал. Мы, насколько я знаю, не питаем

друг к другу враждебных чувств. Давайте смотреть на это как на обычную деловую транзакцию. Я дам вам мой бумажник, вот так, а потом с вашего разрешения, буду на моей…

Нет-нет-нет.

Нет нет нет.

Совершенно неправильно и нелогично, если вы собираетесь…

Низкие звезды, расплывчатые крыши.

и я про колот.

мистер максвелл бойсе

Попробуйте теперь, миссис Бласс.

роджер бевинс iii

Миссис Бласс, печально знаменитая своей жадностью, нечистоплотностью, сединой и ростом (меньше ребенка), проводила ночи в беготне, грызла камушки и веточки, собирала для себя эти вещи, ревниво оберегала их, проводя долгие часы за подсчетом и пересчетом этой своей жалкой собственности.

преподобный эверли томас

Возможность, наконец, обратиться к пареньку здесь, перед целой толпой, поразила крохотную даму неожиданным приступом боязни сцены.

ханс воллман

У вас есть тысяча триста долларов в Первом банке, насколько я понимаю?

преподобный эверли томас

Да.

Спасибо, преподобный.

У меня тысяча триста долларов в Первом банке. В одной верхней комнате, которую я не назову, у меня четыре тысячи в золотых монетах. У меня две лошади, пятнадцать коз, тридцать одна курица и семнадцать платьев, которые стоят в целом около трех тысяч восьмисот долларов. Но я вдова. То, что кажется изобилием, на самом деле является скудностью. Отлив направлен в море и никогда — на берег. Камни скатываются вниз по склону и никогда — наверх. Поэтому вы поймете мое нежелание предаваться мотовству. У меня более четырех сотен прутиков и почти шестьдесят камушков разных размеров. У меня есть части двух мертвых птиц, земляных комочков столько, что и не пересчитать. Перед отходом ко сну я пересчитываю части тел мертвых птиц, прутики, камушки и комочки, каждую я проверяю на зуб, чтобы убедиться, что они все еще настоящие. Просыпаясь, я нередко недосчитываюсь чего-нибудь. И это доказывает присутствие здесь воров и оправдывает мои привычки, за которые многие из находящихся здесь (я это знаю) сурово меня осуждают. Но это не старухи, которым грозит бессилие, которые окружены врагами, отлив всегда от берега, от берега, от берега…

миссис абигейл бласс

Как много народа еще ждет Колеблющаяся масса серого и черного Насколько хватает глаз… Люди в лунном свете снаружи толкаются, пихаются, встают на цыпочки, чтобы увидеть…

Меня

Люди заглядывают в дверь, чтобы выпалить свое печальное То или иное Все недовольны Всем причинялось зло Всеми пренебрегали Всех не замечали Неправильно понимали На многих старомодные чулки и парики и

уилли линкольн

Когда я в моем развеселом красном Бархатном Мундире проходил мимо Цветущих живых Изгородей в полном Расцвете моей Юности, я был поистине Великолепен. Все, кто видели, хорошо думали обо Мне. Люди из Городка смолкали при моем Приближении, и мои ОСКОЛКИ расступались в почтении, когда Проходил я.

Я хочу, чтобы эта молодая Свинья знала.

И не раз я колотил мою Похоть по Ночам во Благо, колотил мою добрую Жену или, если она пребывала не в расположении, колотил мои ОСКОЛКИ, которых я назвал ОСКОЛКИ, потому что они и в самом деле были темны, как Ночь, как множество ОСКОЛКОВ УГЛЯ, от которых у меня избыточный Жар. Мне нужно только ухватить ОСКОЛОК-ДЕВИЦУ и, Игнорируя Крики ее ОСКОЛКА-МУЖА и…

лейтенант сесил стоун

Господи милостивый.

ханс воллман

Он сегодня в отличной форме.

роджер бевинс iii

Не забывайте, лейтенант: он всего лишь ребенок

ханс воллман

И это было Правильно — так унизить ЧЕЛОВЕКА-ОСКОЛКА в Глазах Других, а когда Слухи об этом разошлись, их Поведение Улучшилось, и в следующий рабочий День даже самые Упрямые из этих ОСКОЛКОВ опускали Глаза, потому что именно я держал КНУТ и ПИСТОЛЕТ, и каждый ОСКОЛОК знал, что если он Оскорбит меня, эта Ночь Дорого

Ему обойдется и цена, которую ему придется заплатить за то, что он Оскорбил меня, долго не забудется, и я ногой распахну его Дверь и выволоку его ДЕВИЦУ, и перетащу ее к себе, и Начнутся вечерние Развлечения, и этого ОСКОЛКА заставят испускать ИСКРЫ. Таким образом, на моих Полях стояла Тишина, а когда отдавался Приказ, Дюжина пар Рук спешила его Выполнить, даже когда те Усталые желтые глаза поднимались посмотреть, Заметил ли я, Прощу ли я их и их сторонников ради собственного Удовольствия.

Так я из ОСКОЛКОВ сделал Союзников и превратил их во Врагов друг для друга.

лейтенант сесил стоун

Во время таких самоуверенно-агрессивных эпизодов, подогреваемых хвастливыми утверждениями, телесная масса лейтенанта Стоуна вытягивалась вверх, в удлиненную вертикальную телесную coiffe[18]. Объем его тела оставался неизменным, потому что такому увеличению роста сопутствовало утончение, и он в буквальном смысле местами становился тоньше карандаша, высокий, как самые высокие из наших сосен.

---

[18] Примечания: 18
Оболочку (*фр.*).

Закончив говорить, он возвращается к своим прежним пропорциям, снова становится человеком среднего роста, хорошо одетым, но с ужасными зубами.

преподобный эверли томас

Молодой сэр, не могли бы мы приблизиться? Я и маленькая дама?

эдди бэрон

Ах, нет. Нет-нет. Боюсь, что это будет невозможно в этот…

преподобный эверли томас

На х** это!

бетси бэрон

До всех дойдет очередь! Ты сама говорила!

эдди бэрон

Мы были в конце, а оказались еще дальше. Это главное, что мы хотим…

бетси бэрон

Да ср*** нам в эту ср**** дыру у реки. После того как швед выкинул нас из дома на Г.

эдди бэрон

Мы даже не смогли протащить этот ё***** распрекрасный диван через ср**** узенькую дверь этой ср**** дыры у реки.

бетси бэрон

Я даже не считаю эту ср**** узенькую дверь этой ср**** дыры у реки настоящей дверью, когда думаю о той ё***** двери, что у нас была на Г. Какая дверь! Дверь этой ср**** дыры у реки устыдилась бы называться дверью, если бы увидела эту ё***** великолепную дверь на Г.

И все же мы там позабавились.

эдди бэрон

У реки.

бетси бэрон

Все нажирались и бросали друг друга в это ё***** питье? С горящими сигарами и всеми делами? А Чесневски все пытался произнести «Потомак»?

эдди бэрон

Все бросали камни в энтих прачек?

бетси бэрон

Помнишь, когда этот как его Тентини чуть не утонул? Тогда еще полковник Б. оживил его, и первое, что попросил Тентини, — дать ему его ё***** кружку с пуншем?

эдди бэрон

Вероятно, уже достаточно, холодно сказал преподобный.

роджер бевинс iii

Помнишь, как мы оставили маленького Эдди на плацу?

бетси бэрон

После польки какэтотамназывают.

эдди бэрон

Было такое, немного.

бетси бэрон

Ему не повредило.

эдди бэрон

Могло и помочь.

бетси бэрон

Он стал крепче.

эдди бэрон

Если лошадь на тебя наступит, ты не умрешь.

бетси бэрон

Ты бы, может, хромала немного.

эдди бэрон

И потом боялась лошадей.

бетси бэрон

И собак.

эдди бэрон

Но ходить в толпе пять часов? Это тебя не убьет.

бетси бэрон

Что я думаю? Это тебе помогает. Потому что потом ты знаешь, как бродить в толпе пять часов без слез и паники.

эдди бэрон

Ну, немного-то он плакал и паниковал. Когда добрался до дома.

бетси бэрон

Ах, моя милая п****, ты защищаешь этих трекл**** маленьких ё*****й от всего, они скоро будут звать тебя в сортир, чтобы ты вытирала им ж***.

Одно могу сказать про Эдди-мл. и Мэри Мэг. Они всегда сами вытирали себе ж***.

эдди бэрон

И у нас не было сортира.

бетси бэрон

Просто с** где хочешь.

эдди бэрон

Почему они никогда к нам не приходят? Вот что я хочу знать. Мы уже сколько здесь? До х** времени. А они ни разу…

бетси бэрон

В ж*** их! Эти ё****ы неблагодарные змеи не имеют никакого трекля**** права винить нас ни в какой их х****, пока они не побывают в нашей ё***** шкуре, а ни один из этих маленьких г******в не побывал и минуты в нашей ё***** шкуре.

эдди бэрон

Хватит, сказал преподобный.

ханс воллман

Это были Бэроны.

роджер бэвинс III

Пьяные и бесчувственные, они валялись на дороге, их переехала та же телега, и их оставили оправляться от повреждений в необозначенной позорной общей хворь-яме за вот этой самой вселяющей ужас металлической оградой. Единственные там белые люди, брошенные туда с несколькими представителями черной расы, ни одного из них, светлого или темного, не положили в хворь-ларь, чтобы они могли должным образом в нем выздороветь.

ханс воллман

Это было не comme il faut, что Бэроны намеревались поговорить с мальчиком.

преподобный эверли томас

Или что они были по эту сторону ограды.

ханс воллман

И дело не в богатстве.

преподобный эверли томас

Я не был богат.

ханс воллман

Дело в манерах. Дело, скажем, в умении быть «богатым духом».

преподобный эверли томас

Но Бэроны приходят и уходят, как им вздумается. Ограда им не помеха.

ханс воллман

И в том предыдущем месте их ничто не сдерживало.

преподобный эверли томас

Ха.

роджер бевинс iii

Ха-ха.

ханс воллман

За Бэронами, быстро сменяя друг друга, прошли мистер Бантинг («У меня определенно нет ничего такого, чего я бы мог стыдиться»), мистер Элленби («Я пришел в этот горот здесь с семью долларами, зашытыми в мои штаны, и не намерен никуда уходить, пока мне скажут, где мои доллары, черт раздери») и миссис Правильная Фессбитт («Я прошу, чтобы в течение *одного последнего Часа* эта ужасная боль не мучила меня, тогда я смогу Проститься с Моими Близкими в более *Благостном* духе»), которая потихоньку пробилась к двери, сложившись все в ту же невероятную позу эмбриона, в которой провела последний год, будучи прикована к постели в том предыдущем месте.

роджер бевинс iii

Десятки других в возбуждении ждали возможности поговорить с парнишкой, обуянные новой надеждой.

ханс воллман

Но, увы, все это было тщетно.

преподобный эверли томас

XXVIII

Вдруг мы по некоторым знакомым нам приметам поняли, что заваривается смута.

роджер бевинс iii

Все случилось так, как обычно и случается.

преподобный эверли томас

Тишина опустилась на округу.

роджер бевинс iii

Можно было услышать, как зимние ветки трутся о другие зимние ветки.

ханс воллман

Подул теплый ветерок, и какие только утешительные запахи он не принес: травы, солнца, пива, хлеба, стеганого одеяла, сметаны — этот список у каждого из нас был свой, каждый утешался по-своему.

роджер бевинс iii

Бутоны необычного цвета, размера, формы и запаха выпрыгивали прямо из земли полностью сформировавшимися.

преподобный эверли томас

Серые февральские деревья зацвели.

ханс воллман

Потом на ветках появились плоды.

преподобный эверли томас

Плоды реагируют на желания: только позвольте разуму свободно дрейфовать в направлении определенного цвета (скажем, серебристого) и формы (звездной), и мгновенно изобилие серебристых звездообразных плодов притянет к земле ветки дерева, которое за секунду до этого стояло бесплодное и по-зимнему мертвое.

роджер бевинс iii

Дорожки между нашими холмиками, пространства между деревьями, сиденья скамеек, сучки и ветки самих деревьев (короче говоря, каждый свободный дюйм пространства) неожиданно заполнились, потом переполнились самыми разнообразными яствами: в горшочках или на изысканных тарелках, на вертелах, положенных на ветки, на золотых подносах, в алмазных супницах, в крохотных смарагдовых соусницах.

преподобный эверли томас

Стена воды ринулась с севера, потом разделилась с военной четкостью на десяток мелких потоков, и вскоре каждый каменный дом и хворь-холмик были одарены своими собственными потоками; потом вода в этих потоках очень эффектно стала превращаться в кофе, вино, виски, а потом опять в воду.

ханс воллман

Все это, насколько мы знали (плодоносящие деревья, сладкий ветерок, обильные яства, волшебные ручьи), представляли собой только, так сказать, авангард того, что надвигалось.

преподобный эверли томас

Кто надвигался.

ханс воллман

Посланный ими, чтобы оказать смягчающее воздействие.

преподобный эверли томас

Мы соответствующим образом подготовились.

ханс воллман

Лучше всего было свернуться в шар, закрыть уши, сомкнуть веки, зарыться лицом в землю и таким образом закупорить нос.

роджер бевинс iii

Всем собраться с силами! — прокричал мистер Воллман.

преподобный эверли томас

И они напустились на нас.

ханс воллман

XXIX

Они появились длинной процессией.

ханс воллман

Каждый из нас с опаской поджидал их в разном обличье.

преподобный эверли томас

Молодые девушки в летних платьях, загорелые и веселые, с распущенными волосами, с вплетенными в браслеты прядями травы, похихикивали на ходу: деревенские девочки, радостные и оживленные.

Как я.

Какой я была.

миссис абигейл бласс

Рой молодых невест, облаченных в полупрозрачные одеяния с трепещущими на ветру шелковыми воротничками.

ханс воллман

Ангелы, трепетно оберегавшие свои странные крылья, по одному большому крылу на женщину; в сложенном виде, плотно свернутые, они напоминали светлые флаги, прикрепленные вдоль спины.

преподобный эверли томас

Сотни точных копий Гилберта, моего первого (и единственного!) любовника. Когда он в лучший наш день беззаботно заглянул в каретную, а его бедра были беззаботно обмотаны серым полотенцем.

роджер бевинс iii

Мои девочки. Кэтрин, Марибет, Алиса, множественные копии каждой, идут рука об руку, волосы сплетены в трентонские косички, каждая в своем последнем пасхальном платье с одним цветком в руке.

джейн эллис

Группа радостных девиц-ОСКОЛКОВ (Наряженных в предпочитаемые ими грубые Хламиды, ниспадающие с их Плеч в преднамеренной шлюховатости) и впрямь прибыла, чтобы попресмыкаться передо мной; но я видел и Побеждал таких, как они, много раз Прежде, и теперь я оставил хорошую Кучу Говна за их Дар, и Отступил в мой Дом в ожидании их Ухода.

лейтенант сесил стоун

Птицы перелетали украдкой, как охотники, выискивая какие-либо признаки слабости.

ханс воллман

Где мой дорогой преподобный? — воззвала главный ангел, и в ее голосе был звон хрупких стеклянных колокольчиков — такие всегда вызванивали благовест у нас в Пасхальное воскресенье.

преподобный эверли томас

Один из многих Гилбертов подошел и, опустившись на колени передо мной, спросил, не буду ли я так добр, чтобы открыть слух и в знак любезности *посмотреть* на него?

Что-то в его голосе не позволило мне не подчиниться.

Он был неописуемо прекрасен.

Идем с нами, прошептал он. Здесь сплошная дикость и обман. Твоя суть куда как тоньше. Идем с нами, все забыто.

Мы знаем, что ты сделал, сказал второй Гилберт. Все в порядке.

Я этого не сделал, сказал я. Оно не завершено.

Завершено, сказал первый Гилберт.

Я могу еще все повернуть назад.

Дорогой мальчик, сказал второй.

Мягче, мягче, сказал третий.

Ты — волна, которая разбилась о берег, сказал четвертый.

Пожалуйста, не беспокойтесь, сказал я. Я слышал все это…

Позволь мне сказать тебе кое-что, резко произнес второй Гилберт. Ты не валяешься где-нибудь на полу, в какой-нибудь кухне. Верно? Оглянись, глупец. Ты обманываешь себя. Все завершено. Ты все завершил.

Мы говорим это, чтобы поторопить тебя, сказал первый.

роджер бевинс iii

Одной из этих деревенских девушек была Миранда Дебб! Сидела там, рядом со мной, реальная, как грязь, словно в прежние времена,

ноги скрестила под выцветшей желтой юбкой, которую она любила прежде. Только теперь она по сравнению со мной казалась такой большой, настоящим гигантом.

Ты в трудном положении, милая Абигейл, верно? — спросила она. Часто, просыпаясь, ты видишь, что у тебя пропало нескольких вещей, правда? Брось, идем с нами, мы здесь для того, чтобы освободить тебя. Посмотри на наши руки, наши ноги, наши улыбки. Неужели мы похожи на лгуний? Мы, кто выглядит такими здоровыми? Мы, кто так давно знает тебя? Ты помнишь, как однажды летним днем мы прятались в стоге сена? А тебя звала твоя мать? И ты зарылась поглубже, радуясь, что прячешься?

Такой случай выпадает один раз на миллион, чтобы попасть туда, куда мы тебя отведем, сказала еще одна, я ее теперь узнала: одна из моих подружек на свадьбе — Синтия Хойнтон!

миссис абигейл бласс

Эдди, это же та самая ё***** Куини? — говорит мне моя Бетси.

И конечно так оно и есть! Куини — одна из шлюшек из заведения Перди. Она кому хочешь отсосет.

Может, уже пора бросить это, капитан, сказала

Куини.

В ж*** свинячью, сказал я.

Эдди, сказала Бетси.

Отъ*****, сказал я. Я знаю, что говорю.

А что ты говоришь? — спросила Куини.

Сгинь, сказал я.

Я думаю, твоя жена может считать иначе, сказала она.

Нет, сказал я. Отъ*****. Мы идем вместе.

Интересно, сказала она.

Бетси опустили глаза.

Хорошая девочка, сказал я. И не поднимай их. Тогда она не сможет подъ********* к тебе.

Мы здесь не для того чтобы подъ********* к кому-то, сказала Куини.

Отсоси, сказал я.

В любой момент, когда мы понадобимся, сказала Бетси. Зови.

Вали-вали, сказал я. Х**дразнилка.

эдди бэрон

В какой-то момент, когда ангелы en masse[19] вернулись на лунную дорожку, чтобы произвести на меня впечатление своим коллективным сиянием, я поднял голову и увидел примечательную картину страданий вокруг белого каменного дома: десятки нас, запуганных, распростертых, ползущих, с искаженными страхом лицами перед истязаниями путем подобранных индивидуально пыток, которые переносит каждый из нас.

преподобный эверли томас

Абби, дорогая, сказала Миранда Дебб, позволь мне показать тебе кое-что.

И взяла мое лицо в руки.

И я увидела! Куда они хотели увести меня, прилив — это всегда на берег и никогда — в море. Я буду жить на вершине холма, а камни будут катиться вверх. Когда докатятся до меня, сразу расколются. Внутри каждого таблетка. Когда я приму таблетку, то получу… о, красота! Все, что мне было нужно.

Хоть раз.

Хоть раз за целую жизнь.

Миранда убрала руки от моего лица, и я верну-

---

[19] Примечания: 19
Массой, косяком (*фр.*).

лась — я снова оказался *здесь*.

Тебе понравилось? — спросила Миранда.

Очень, ответила я.

Тогда идем с нами, сказала ее подруга, и я узнала в ней Сюзанну Бриггс (!), она обвязала волосы лентой, во рту держала длинную травинку.

Две другие играли в пятнашки в овраге. Неужели это Адела и Ива Макбейн? Точно! Некоторые коровы с любовью взирали, как играют в пятнашки. Забавно было, что коровы могут любить, но таким становился мир, когда появлялись эти милые девочки!

Не могу поверить, что ты старая вдова, сказала Миранда Дебб.

И такая маленькая, сказала Сюзанна Бриггс.

Ты, которая всегда была такой хорошенькой, сказала Миранда Дебб.

Досталось тебе, сказала Синтия Хойнтон.

Отлив уходил в море, но никогда на берег, сказала Сюзанна Бриггс.

Камни катились вниз по склону холма, но никогда назад, сказала Синтия Хойнтон.

Ты никогда в жизни не получала достаточно, сказала Миранда Дебб.

Мои глаза заволокло слезами.

Это правда, сказала я.

Ты волна, которая разбилась о берег, сказала Миранда

Мы говорим все это, чтобы ты поспешила, сказала Сюзанна.

Я сказала, что ничего об этом не знаю, но конечно не прочь проглотить еще таблеточку.

Тогда идем с нами, сказала Миранда.

Макбейны в овраге остановились, прислушиваясь. И коровы тоже. И сарай тоже каким-то образом.

Я так устала и так давно чувствовала усталость.

Я, пожалуй, пойду с вами, сказала я.

миссис абигейл бласс

Слева от меня раздался крик — ужаса или победы, не смог разобрать, — а затем знакомый, но всегда душераздирающий огнезвук, который ассоциируется с явлением взрыва световещества.

Кто ушел?

Я не мог сказать.

И все еще отчетливо ощущал угрозу для себя самого, чтобы думать о других.

ханс воллман

Словно возбужденные этой победой, наши мучители удвоили усилия.

преподобный эверли томас

Лепестки роз падали дождем — веселая провокация: красные, розовые, желтые, белые, фиолетовые. Прозрачные лепестки, лепестки в полоску, лепестки в крапинку, разрисованные лепестки (когда поднимаешь один из них с земли, смотришь на него внимательно) с тщательно прописанными изображениями (вплоть до цветочных стеблей и упавших игрушек) твоего школьного двора. Наконец сыплются золотые лепестки (из настоящего золота!), позвякивая с каждым ударом о дерево или памятные камни.

роджер бевинс iii

Потом — пение. Красивое пение, исполненное тоски, обещания, заверения, терпения, ощущения преданной дружбы.

ханс воллман

Очень трогательно.

преподобный эверли томас

Ты хотел, б****, танцевать.

бетси бэрон

А ты еще хотела, б****, поплакать.

эдди бэрон

Во время танца.

бетси бэрон

Мама пришла // Примерно десять мам // Но никто и близко так не пахнул как мама // Это что за хитрость такая // Отправить одинокому парню десять фальшивых матерей

Идем с нами, Уилли, сказала одна из матерей

Но потом // Вдруг // Они вдруг стали пахнуть правильно // Очень правильно // И сгрудились вокруг меня и пахли правильно

Мама // Боже мой // Добрая старая

Ты волна которая разбилась о берег, сказала вторая мама

Дорогой Уилли, сказала третья

Дорогой дорогой Уилли, сказала четвертая

И все эти мамы так любили меня и так хотели чтобы я ушел с ними и говорили что возьмут меня домой как только я буду готов.

уилли линкольн

Когда ты познаешь все радости супружеской постели, когда насладишься созерцанием обнаженной Анны, когда она повернется к тебе в

том известном состоянии с алчущим ртом, раскрасневшимися щеками, когда она распустит волосы игривым движением, и они накроют, наконец, тебя волной? (Так говорила Элсбет Гроув, кузина моей жены… вернее сказать, говорило притворное существо в точном образе Элсбет — в полупрозрачной одежде, с шелковым воротничком, трепещущим на ветру.)

Я тебе сообщу когда, сказала вторая невеста, в которой я теперь узнал мою дорогую бабушку (тоже облаченную, к большому сожалению, в нечто полупрозрачное с трепещущим воротничком). Никогда. С этим теперь покончено. Ты обманываешь себя, Кугель[20]. После их предыдущего визита они каким-то образом узнали мое прозвище.

Анну беспокоит, что ты остаешься здесь, сказала Элсбет. Она просила меня передать тебе это послание.

Я слабел с каждой секундой и знал, что должен прибегнуть к какой-то защите.

Она сейчас там? — спросил я. Ждет меня? В том месте, куда вы меня так настойчиво приглашаете?

---

[20] Примечания: 20

Kugel — шар, ядро (*нем.*). Происходит от названия блюда традиционной еврейской кухни, особого вида запеканки.

Вот я их и поймал, потому что, хотя они и не прочь вводить в заблуждение, но предпочитают не лгать.

Элсбет, покраснев, бросила взволнованный взгляд на бабушку.

Очень… очень трудно ответить на твой вопрос, сказала Элсбет.

Вы демоны, сказал я, которые принимают знакомые формы, чтобы заманить меня туда.

Ай-ай, какой ты честный, Кугель! сказала бабушка

А ты так ли уже честен в том, что касается твоего положения? — спросила Элсбет.

Ты «хвораешь», Кугель? — спросила бабушка. Разве доктора кладут хворых в «хворь-лари»?

Я не помню, чтобы в наше время когда-нибудь делали такое, сказала Элсбет.

И к какому же выводу мы должны прийти, Кугель? — спросила бабушка. Что ты? Где ты? Признай это, дорогой, поверь, скажи вслух, выиграй от этого, присоединись к нам.

Мы говорим все это, чтобы подстегнуть тебя, сказала Элсбет.

И я понял, что должен прибегнуть к крайнему противоядию.

С кем вы говорите? — спросил я. Кто вас слы-

шит? Кого слушаете вы? Чьей руке вы теперь подчиняетесь, когда она поднимается, указуя на небеса? Где источник голоса, который вызывает даже на ваших лицах это выражение страха? Вот я здесь. Здесь я. Разве нет?

Это возымело обычное действие.

Смущенные и сдувшиеся, невесты сбились в кучку и принялись что-то шептать друг другу, изобретая новый план атаки.

К счастью, в этот момент их жульническое совещание было прервано еще двумя четкими и отдельными огнезвуками явления взрыва световещества — одним с юга, другим с северо-запада.

ханс воллман

Эдди как услышал этот грохот, так сразу наутек.

Он иногда ох**** как пугается этой с****.

Одна из этих шлюх — шасть ко мне. И тут я вижу, она никакая не шлюха. Это наша собственная дочь Мэри Мег! А вырядилась — ну просто ох****! Наконец-то нашла время прийти! Это ж сколько лет прошло — ох**** можно!

Мама, сказала она. Извини, что мы такие нерадивые. Эверетт и я.

Кто такой Эверетт? — спросила я.

Твой сын, сказала она. Мой брат.

Ты про Эдварда? — спросила я. Эдди? Эдди-мл.?

Да, про Эдварда, извини, ты права, сказала она. Но в любом случае мы должны были давно прийти. Однако были очень заняты. Мы добились успеха. И любимы. И рожаем много детей необыкновенной красоты. И ума. Как и Эверетт.

Эдвард, сказала я.

Да, Эдвард, сказала она. Я так устала! От… от всех моих успехов!

Что ж, это хорошо, сказала я. Теперь ты здесь, малышка.

И вот еще что, мама, сказала она. Хочу, чтобы ты знала. Все хорошо. Ты сделала все, что могла. Мы тебя ни в чем не виним. Хотя и знаем, что, по-твоему, ты, может быть, иногда проявляла недостаток материнского…

Я была г****** матерью, да? — спросила я.

Что бы ты ни думала про свои якобы неудачи, в которых ты виновата, забудь теперь об этом, сказала она. Все вышло как нельзя лучше. Пойдем с нами.

Куда пойдем? — спросила я. Я не…

Ты волна, которая разбилась о берег, сказала она.

Что-то я не понимаю, сказала я.

И тут Эдди прибежал сломя голову, вернулся.

Мой герой!

Ха.

Пошла отсюда на х**, ты, сказал он.

Это Мэри Мег, сказала я.

Вот уж нет, сказал он. Смотри.

Он поднял камень и кинул его. Прямо в Мэри Мег! Когда камень пролетел сквозь нее, она перестала быть Мэри Мег, только я не поняла, в кого же она превратилась на х**. Или во что. Какой-то пузырь или солнечный взрыв в форме какого-то трекл***** платья!

Вы, сэр, дурак, сказало световое пятно.

Потом обратилось ко мне.

А вы, мадам, не в такой степени, сказало оно.

бетси бэрон

Главный ангел взяла мое лицо в свои руки, взмахивая крылом, прямо как лошадиным хвостом, когда это животное ест.

Вы здесь процветаете, преподобный? — спросила она, лениво вскинув над собой крыло. Тот, Кому вы служили, присутствует здесь?

Я… я думаю да, сказал я.

Конечно же, Он ведь вездесущий, сказала она. Но ему не нравится, что вы здесь задержались. В таком низком обществе.

Ее красота была велика и усиливалась с каждым

мгновением. Я понимал, что должен прекратить наш разговор, чтобы не произошла катастрофа.

Пожалуйста, уходите, сказал я. Вы… вы мне не нужны сегодня.

Но скоро понадоблюсь, я думаю? — спросила она.

Ее красота теперь не поддавалась никаким описаниям.

И я разрыдался.

преподобный эверли томас

Нападение закончилось так же неожиданно, как и началось.

ханс воллман

Словно по всеобщему сигналу наши мучители рассеялись, их песня стала мрачной и траурной.

преподобный эверли томас

Деревья после их ухода стали серыми, яства исчезли, ручья сжались, ветер стих, пение прекратилось.

роджер бевинс iii

И мы остались одни.

ханс воллман

И все снова стало унылым.

преподобный эверли томас

XXX

Мистер Воллман, преподобный Томас и я сразу же пошли вперед, чтобы разобраться, кто поддался.

роджер бевинс iii

Первой оказалась бережливая миссис Бласс.

преподобный эверли томас

По поверхности ее домашнего места были разбросаны ее сокровища: части дохлой птицы, прутики, комочки и все остальное, без хозяйки потерявшее всякую ценность.

ханс воллман

Как выяснилось, вторым не устоявшим оказался А. Дж. Кумбз.

преподобный эверли томас

Бедняга. Все мы были лишь шапочно с ним знакомы. Он провел здесь много лет. Но свой хворь-ларь покидал редко.

ханс воллман

А если покидал, мы всегда слышали его лай: «Вы знаете, кто я такой, сэр? Для меня держат сто-

лик в „У Бинли“! Я ношу медаль легиона Орла!» Я все еще слышу потрясение в его голосе, когда я сказал ему, что не знаю такого места. «„У Бинли“ — лучшее заведение в городе!» — воскликнул он. — «В каком городе?» — спросил я, и он ответил, что в Вашингтоне, и описал местонахождение этого места, но я знал этот перекресток, и там решительно не было ничего, кроме конюшен, о чем я ему и сказал. «Мне вас жалко!» — ответил он. Но мои слова его потрясли. Некоторое время он сидел на холмике, задумчиво поглаживая бородку. «Но уж высокочтимого мистера Хамфриса-то вы знаете?» — спросил он громовым голосом.

И вот его не стало.

Прощайте, мистер Кумбз, и пусть в том месте, куда вы отошли, знают про «У Бинли»!

роджер бевинс iii

Мы побрели мимо отрешенно сидящих на своих холмиках или ступеньках каменных домов, они рыдали, потратив столько сил на сопротивление. А некоторые сидели тихо, перебирая в уме различные соблазнительные видения и искушения, которым они подвергались.

преподобный эверли томас

Я чувствую укрепившуюся любовь ко всем тем, кто остался.

роджер бевинс iii

Семена были отделены от плевел.

преподобный эверли томас

Наш путь не для всех. Многие… я ни в чем их не обвиняю. Многим не хватает решимости.

ханс воллман

Для них ничто не имеет *достаточного* значения, вот в чем все дело.

роджер бевинс iii

Не будучи уверены в том, кто оказался третьей жертвой, мы вдруг вспомнили про мальчонку.

ханс воллман

Казалось маловероятным, что кто-то столь молодой может противостоять такому жесточайшему давлению.

преподобный эверли томас

Это и есть желаемый результат…

роджер бевинс iii

С учетом его возраста…

ханс воллман

Альтернатива этому его вечное порабощение.

роджер бевинс iii

Отправляясь убедиться в его исчезновении, мы пребывали в печальном настроении, но и испытывали облегчение.

преподобный эверли томас

XXXI

Представьте же наше удивление, когда мы увидели его: он сидел, скрестив ноги на крыше белого каменного дома.

ханс воллман

Все еще здесь, ошеломленно сказал мистер Воллман.

Да, холодно ответил парнишка.

роджер бевинс iii

Выглядел он пугающе.

преподобный эверли томас

Сопротивление дорого ему далось.

ханс воллман

Молодые не должны задерживаться.

преподобный эверли томас

Он тяжело дышал; его руки тряслись; по моей оценке, он потерял приблизительно половину своего веса. Скулы у него выступали, в воротник рубашки вместились бы две такие вдруг ставшие худосочными шеи, как у него; под глазами у него появились угольно-темные синяки. Все это вместе придавало ему какую-то призрачность.

роджер бевинс iii

Он был такой щекастый.

ханс воллман

Но теперь таких щек у него уже нет.

роджер бевинс iii

Боже милостивый, прошептал мистер Бевинс.

ханс воллман

Девице Трейнор понадобился почти месяц, чтобы опуститься до этого уровня.

роджер бевинс iii

Тот факт, что ты все еще здесь, впечатляет, сказал мальчишке преподобный.

Героическое поведение, добавил я.

Но опрометчивое, сказал преподобный.

ханс воллман

Все в порядке, мягко сказал мистер Воллман. Правда. Мы здесь. А ты уходи с миром: ты вселил в нас достаточно надежды, которая позволит нам держаться еще много лет и принесет немало добра. Мы благодарим тебя, мы желаем тебе всяческих благ, мы благословляем твой уход.

преподобный эверли томас

Да, только я никуда не пойду, сказал мальчик.

роджер бевинс iii

В этот момент на лице преподобного появилось выражение удивления, даже более заметное, чем всегда, а удивление на его лице неизменно немалое.

ханс воллман

Папа обещал, сказал мальчик. И как это будет выглядеть, если он вернется, а меня нет?

Твой папа не вернется, сказал мистер Воллман.

Во всяком случае, в ближайшее время, сказал я.

И тогда ты уже будешь не в состоянии принять его, сказал мистер Воллман.

Если твой отец придет, добавил преподобный, мы ему скажем, что тебе пришлось уйти. Объясним ему, что это к лучшему.

Вы лжете, сказал мальчик.

Судя по всему, разложение уже начало влиять на характер мальчика.

Как ты сказал? — спросил преподобный.

Вы трое лгали мне с самого начала, сказал мальчик. Говорили, что я должен уйти. А если бы я ушел? Я бы навсегда потерял папу. А теперь вы говорите, что передадите ему мое послание?

Передадим, сказал преподобный. Мы определенно…

Но как? — спросил мальчик. У вас есть способ? Общаться? У меня не было. Когда я находился с ним там.

роджер бевинс iii

У нас есть, сказал мистер Воллман. Есть такой способ.

преподобный эверли томас

(Маловразумительный.

Еще не сложившийся.)

роджер бевинс iii

(По этому вопросу самого начала не все было ясно.)

ханс воллман

И в это время с другого конца наших владений донесся голос миссис Дилани, которая звала мистера Дилани.

преподобный эверли томас

Много лет назад ее муж предшествовал ее появлению в этом месте. Но больше его здесь нет. Иными словами, хотя его хворь-тело лежало там, куда она его положила, сам мистер Дилани…

роджер бевинс iii

Находился в другом месте.

преподобный эверли томас

Пошел дальше.

ханс воллман

Но бедная миссис Дилани не может набраться решимости последовать за ним.

роджер бевинс iii

Из-за одного забавного дела. Которое случилось с другим мистером Дилани.

преподобный эверли томас

С братом ее мужа.

ханс воллман

В то время это казалось не «забавным», а необходимым, предначертанным судьбой и чудесным.

роджер бевинс iii

Но теперь ее сердце разрывалось на части: проведя много лет в том предыдущем месте, вожделея к тому, другому, Дилани, чувствуя себя несчастной в браке…

преподобный эверли томас

Она через месяц после того, как ее муж пришел сюда, сошлась с тем, другим, Дилани, но он мгновенно упал в ее глазах, потому что продемонстрировал беспечное неуважение к памяти ее мужа (его брата), и ей стало ясно, что у него гнилой и корыстолюбивый нрав (в отличие от ее мужа, который был, как она поняла теперь, личностью безупречной во всех смыслах).

ханс воллман

Пусть даже он был лишен воображения, скромен и далеко не так внушителен и обольстителен внешне, как его (нравственно разложившийся) брат.

роджер бевинс iii

Так она застряла здесь.

ханс воллман

Физически ее влекло к *тому* Дилани (который все еще находился *там*, в том предыдущем месте).

преподобный эверли томас

Но при этом она желала уйти и снова встретиться с мужем и извиниться.

роджер бевинс iii

За то, что они потеряли столько лет совместной жизни, когда она вожделела к другому человеку.

ханс воллман

Короче говоря, она разрывалась между желанием уйти и желанием остаться.

преподобный эверли томас

Уйти или ждать.

роджер бевинс iii

И она бродила вокруг, кричала: «Мистер Дилани!»

преподобный эверли томас

Непрерывно.

ханс воллман

Мы так никогда и не знали, какого Дилани она зовет.

роджер бевинс iii

И она сама не знала.

преподобный эверли томас

Ой, посмотрите, неожиданно выдохнул паренек, и в его голосе безошибочно слышалась дрожь страха.

ханс воллман

Я огляделся, сердце у меня упало.

Крыша над ним разжижилась, и он, казалось, сидел в серо-белой луже.

роджер бевинс iii

Из лужи появилось щупальце, похожее на виноградную лозу.

преподобный эверли томас

Оно становилось толще по мере приближения к мальчику, переползло, как кобра, через его скрещенные лодыжки.

роджер бевинс iii

Я протянул руку, чтобы откинуть его, но оно оказалось твердым, скорее камнем, чем змеей.

преподобный эверли томас

Мороз по коже от такого развития событий.

роджер бевинс iii

Начало конца.

ханс воллман

XXXII

Если случай мисс Трейнор был показательным, то за этим щупальцем вскоре должны были последовать другие, пока мальчик не будет полностью привязан (как Гулливер) к крыше.

роджер бевинс iii

Когда он будет обездвижен, на нем быстро появится некое подобие кокона, которое лучше всего описать словами «последовая пеленка».

преподобный эверли томас

Потом эта пеленка затвердеет, превратится в подобие панциря раковины, и этот панцирь начнет претерпевать преобразования (*а именно:* упавший мост, хищная птица, собака, страшная ведьма и так далее), каждое последующее будет более натуральным и отвратительным, чем предыдущее; этот процесс послужит только к увеличению скорости его падения под откос: чем неестественнее панцирь, тем меньше «света» (счастья, честности, положительных желаний) будет проникать внутрь.

роджер бевинс iii

Он будет все больше удаляться от света.

ханс воллман

Эти воспоминания о мисс Трейнор опечалили нас.

преподобный эверли томас

Мы заново переживали позор той далекой ночи.

роджер бевинс iii

Когда мы бросили ее.

ханс воллман

Поплелись прочь с опущенными головами.

роджер бевинс iii

Молча соглашаясь с ее судьбой.

ханс воллман

И она полетела вниз.

ханс воллман

Мы помнили, как весело она пела во время начального опанцирования, словно отрицая происходящее.

роджер бевинс iii

«Тяжелая ветвь провисла».

ханс воллман

Милое дитя.

преподобный эверли томас

Приятный голос.

ханс воллман

Который постепенно становился менее приятным, по мере того как первоначальный панцирь формировался и она обретала вид вороны размером с девочку.

роджер бевинс iii

Которая прокаркивала кошмарный вариант той мелодии.

ханс воллман

Махала на нас человеческой рукой и огромным черным крылом, если мы подходили слишком близко.

преподобный эверли томас

Мы сделали недостаточно.

ханс воллман

В то время были еще совсем новичками.

роджер бевинс iii

И были озабочены преодолением здешних трудностей.

ханс воллман

А они были такими, что просто так не отмахнешься.

роджер бевинс iii

И за это время ничуть не стало проще.

преподобный эверли томас

Мое мнение о самом себе после того случая ухудшилось.

ханс воллман

Да.

роджер бевинс iii

Теперь колокол часовни пробил три раза.

ханс воллман

Возвращая нас к настоящему и оставляя свое обычное дисгармоничное послезвучие.

преподобный эверли томас

Эгоистично, эгоистично, эгоистично.

роджер бевинс iii

Два главных глаза мистера Бевинса расширились, словно говоря: Джентльмены, пора.

преподобный эверли томас

Но мы медлили.

Отталкивали щупальца, которые появлялись.

роджер бевинс iii

Парнишка погрузился в молчание.

ханс воллман

Погрузился в себя.

преподобный эверли томас

То терял сознание, то возвращался назад.

ханс воллман

Бормотал что-то, дрожал, явно забылся в лихорадочном сне.

роджер бевинс iii

Мама, прошептал он.

преподобный эверли томас

XXXIII

Мама говорит, я могу попробовать леденцовый город // Когда выздоровею и встану // Она оставила мне шоколадную рыбку и медовую пчелу // Говорит, я когда-нибудь буду командовать полком // Буду жить в роскошном старинном доме // Женюсь на какой-нибудь милой и хорошенькой девушке // У меня появятся маленькие // Ха ха // Мне это нравится // Мы все будем встречаться в моем роскошном доме и отлично проводить // Я стану веселой старушкой, говорит мама // Вы, мальчики, будете приносить мне сладости // Целый день // А я буду сидеть // Стану такой толстой // Вам мальчики придется купить тележку и по очереди меня возить ха ха

Мама умеет так хорошо смеяться

Мы на третьей ступеньке // Ступенька Номер 3 // На ней три белых розы // Вот как получается от // Ступеньки Номер 1 до Ступеньки Номер 5 по числу белых роз: 2, 3, 5, 2, 6

Мама подходит совсем близко // Прикасается своим носом к моему // Это называется «нюх-нюх» // Мне кажется, это совсем по-детски // Но я все же позволяю так делать время от времени

Приходит папа, говорит, Слушай, могу я забраться на эту груду

Он может

Если папа поставит колени на Ступеньку Номер 2 и вытянется, то сможет дотянуться пальцами до Ступеньки Номер 12 // Он такой длинный // Делал это // Много раз

Больше никаких груд Пока я не наберусь сил

Поэтому я знаю я должен // Должен остаться // Это не легко // Но я знаю честь // Штыки примкнуть // Как быть отважным // Это нелегко // Помните полковника Эллиса // Убит мятежниками // За храбрость, когда сорвал флаг мятежников с частного // Я должен остаться // Если я захочу вернуться // Домой // Когда я смогу // Когда мне позволят

Никогда если буду слабый

Может быть если буду сильный

уилли линкольн

XXXIV

Глаза мальчика открылись.

роджер бевинс iii

Странно здесь, сказал он.

Ничуть не странно, сказал мистер Бевинс. Не так чтобы очень.

Человек привыкает к этому, сказал преподобный.

Если он здешний, сказал мистер Бевинс.

А это уж никак не ты, сказал преподобный.

ханс воллман

И тут мимо проплыли три гелеподобных шара, словно в поисках кого-то.

преподобный эверли томас

И мы поняли, что миссис Эллис была третьей из нас, кто сдался.

роджер бевинс iii

Шары теперь проплывали пустыми, иначе говоря, дочерей в них не было.

ханс воллман

Они мрачно шествовали мимо, казалось, смотрели на нас, уплывали вниз по крутому берегу к ручью, становились все более тусклыми и наконец исчезали совсем.

преподобный эверли томас

Ничего странного, сказал мистер Бевинс, чуть зардевшись.

ханс воллман

XXXV

И на нас обрушился дождь шляп.

преподобный эверли томас

Самых разных.

роджер бевинс iii

Шляпы, смех, вульгарные жесты, доносящийся сверху звук испускаемых газов, имитируемый губами: все это свидетельствовало о приближении Трех Холостяков.

преподобный эверли томас

Хотя из всех нас только они умели летать, мы им не завидовали.

ханс воллман

Они в предыдущем месте не любили и не были любимы, заморозились здесь в юношеском состоянии постоянной эмоциональной пустоты, интересовались только свободой, развратом и пьянками, протестовали против любых ограничений или каких-либо обязательств.

преподобный эверли томас

Им бы только забавляться, веселиться; ни во что серьезное они не верили, жили лишь ради своих загулов.

роджер бевинс iii

Над нашим местом обитания часто слышались пьяные крики.

преподобный эверли томас

Выдавались дни, когда поток шляп не иссякал.

роджер бевинс iii

Шляп всех видов.

ханс воллман

У них, казалось, имелся неиссякаемый запас этих шляп.

роджер бевинс iii

Котелок, шляпа набекрень с блестками по краям, скошенный, четыре элегантных шотландских шляпы с перьями очень быстро упали одна за другой, потом появились сами Холостяки, которые галантно приземлились на крышу белого каменного дома, и каждый из них прикасался к собственной шляпе или шапке.

С вашего разрешения, сказал мистер Липперт. Мы ищем Отдохновения.

Полеты нас утомляют, сказал мистер Кейн.

Хотя мы и любим летать, сказал мистер Фуллер.

Вы боги, сказал мистер Кейн, завидев мальчика.

А не похоже, чтобы он был такой уж нахальный, сказал мистер Фуллер.

Я немного приболел, сказал мальчик, поднимаясь.

Оно и видно, сказал мистер Кейн.

Тут у вас гниловато, сказал мистер Фуллер, зажимая нос пальцами.

Мой отец приходил сюда и обещал вернуться, сказал мальчик. Я пытаюсь продержаться.

Наилучшие Пожелания в этом, сказал мистер Липперт, вскидывая брови.

Ты ногу-то побереги, парень, сказал мистер Кейн.

Появление гостей отвлекло нас, и мы не заметили, что левая нога мальчика теперь была примотана к крыше несколькими новыми толстыми щупальцами, каждый — шириной с запястье.

Боже мой, сказал мальчик, зардевшись.

Чтобы освободить его, не потребовалось особых усилий, приблизительно столько же сил ушло

бы на то, чтобы выдернуть клубок корней черники. Ему эта процедура не доставила никакого удовольствия, но он вытерпел ее с солдатской стойкостью, немыслимой для столь юного существа, он лишь кряхтел при каждом натяжении, а потом в изнеможении упал на спину, возвращаясь в прежнее состояние безучастной апатии.

Этот его отец, вполголоса сказал мистер Фуллер. Это такой длинноногий мужик?

Немного болезненный с виду? — спросил мистер Липперт.

Высокий, вроде как чуток потрепанный? — спросил мистер Кейн.

Да, сказал я.

Только что мимо него прошли, сказал мистер Фуллер.

Что-что? — спросил я.

Только что мимо него прошли, сказал мистер Кейн.

Здесь? — недоверчиво спросил мистер Воллман. Все еще здесь?

Да, тут, близ Беллингуэзера, который *Муж, Отец, Корабельный Мастер*, сказал мистер Липперт.

Сидит, тихий такой, сказал мистер Фуллер.

Только что мимо него прошли, сказал мистер Кейн.

преподобный эверли томас

Пока-пока, сказал мистер Фуллер.

Вы нас Извините, сказал мистер Липперт. Наступило время ночи, когда мы должны быстро Обойти всю Территорию, пролетев лишь в нескольких дюймах над Страх-оградой, чтобы посмотреть, который из нас сможет приблизиться к ней больше других, пусть даже и испытывая Тошноту, что возникает при Близости к таковой.

ханс воллман

И они полетели прочь, издавая звуки идеального мажорного трезвучия посредством пуков, имитируемых губами, обрушивая вниз, словно в прощании, целый ливень праздничных шляп: Расширяющиеся кверху котелки, Турецкие домашние шапки, кепи разных цветов, украшенные цветами Соломенные шляпы, которые падали медленнее других, — приятные вещицы, пахнущие летом.

роджер бевинс iii

Это откровение поразило нас.

ханс воллман

Странно, что этот джентльмен вообще тут появился; еще более странно, что он задержался.

преподобный эверли томас

Холостякам не стоило полностью доверять.

ханс воллман

Обалдев от скуки, они были склонны к глупым шуткам.

роджер бевинс iii

Как-то раз они убедили миссис Тессенбаум, что она разгуливает неглиже.

ханс воллман

После чего она несколько лет пряталась за деревом.

роджер бевинс iii

Иногда завладевали крохотными частичками мертвых птиц миссис Бласс, ее прутиками, камушками и комочками.

преподобный эверли томас

Отчего она носилась, как сумасшедшая, по территории, пока они парили в высоте, лживыми предложениями побуждали ее перепрыгивать через упавшие ветки и пересекать узкие ручейки, которые ей, бедняжке, ничуть не казались узкими, а представлялись бушующими потоками.

роджер бевинс iii

Поэтому к любому утверждению Холостяков следует относиться с недоверием.

ханс воллман

И все же это интригует.

роджер бевинс iii

Заслуживает дальнейшего изучения.

ханс воллман

Не думаю, резко сказал преподобный, словно предвидя наши намерения.

Потом показал многозначительным взглядом, что хочет перекинуться несколькими словами только с нами.

роджер бевинс iii

XXXVI

Мы втроем пролетели через крышу в белый каменный дом.

ханс воллман

Здесь температура была на несколько градусов ниже, и пахло прелыми листьями и плесенью.

роджер бевинс iii

И немножко этим джентльменом.

ханс воллман

Мы здесь благодаря благодати, сказал преподобный. Наша способность продолжать так и дальше совсем не гарантирована. Поэтому мы должны беречь силы, ограничивая нашу деятельность только тем, что непосредственно служит главной цели. Мы бы не хотели через нашу избыточную активность выглядеть неблагодарными за таинственное благословение нашей неизбывной способности оставаться здесь и дальше. Да, мы здесь, но неизвестно, надолго ли или по какому специальному постановлению. Не в наших…

роджер бевинс iii

Я обратил внимание, что некоторые из многочисленных глаз мистера Бевинса закатывались.

ханс воллман

Мистер Воллман, дожидавшийся, когда преподобный спрыгнет с высот своего высокомерия, развлекался тем, что все время клал камень на свой громадный член и смотрел, как тот опускается.

роджер бевинс iii

Мы должны позаботиться о себе, сказал преподобный. Делая это, мы защитим и мальчика. Мы не должны открывать уши домыслам, которые будут только будоражить наши надежды. Как нам известно, лишь полная безнадежность приведет его к тому, что он должен сделать. Поэтому ни слова. Договорились?

Мы пробормотали, что согласны.

ханс воллман

Ввиду отсутствия необходимой резвости в его (древних) ногах (он пришел сюда уже очень немолодым), преподобный начал вскарабкиваться по одной из стен и вскоре (хотя и не *так* скоро) исчез за потолком.

роджер бевинс iii

После чего я и мистер Бевинс остались внизу вдвоем.

ханс воллман

По правде говоря, нам все наскучило, очень наскучило, мы скучали непрерывно.

роджер бевинс iii

Каждая ночь была убийственно похожа на предыдущую.

ханс воллман

Мы успели посидеть на всех ветках всех деревьев. Многократно перечитали все надписи на камнях. Обошли (пробежали, проползли, пролежали) все дорожки, пересекли вброд все ручьи, приобрели глубокие знания о составе и вкусе четырех разных типов почвы, имеющихся здесь; мы сделали подробнейшие описи всех причесок, костюмов, шпилек для волос, кармашков для часов, подвязок для носков и ремней наших соотечественников; я тысячу раз выслушал историю мистера Воллмана и, боюсь, рассказал ему мою столько же.

роджер бевинс iii

Короче говоря, здесь было скучно, и мы радовались любым переменам.

ханс воллман

Все новое ценилось, как сокровище, мы жаждали любого приключения, любой шалости.

роджер бевинс iii

Мы решили, что не будет особого вреда, если мы совершим маленькое путешествие.

ханс воллман

Туда, где сидел джентльмен.

роджер бевинс iii

Нам даже не потребовалось говорить преподобному, что мы уходим.

Мы просто ушли… и все.

ханс воллман

Всегда испытывали облечение, освобождаясь хоть ненадолго от старого зануды.

роджер бевинс iii

XXXVII

Выскочив наружу через переднюю стену, мы с мистером Бевинсом отправились в путь.

ханс воллман

Игнорируя брюзгливые возражения преподобного с крыши.

роджер бевинс iii

Мы пошли коротким путем через поросшую клевером поляну, занятую семью захворавшими от наводнения членами семьи Палмер, и вскоре добрались до узкой серенькой сланцевой тропинки, которая проходит внизу между Коутсами с одной стороны и Уэмбергом с другой.

ханс воллман

Поплелись мимо Федерли, *Благословенны умирающие при Свете дня.*

роджер бевинс iii

Памятник, похожий на шахматную фигуру с вазой наверху, кончающейся чем-то, похожим на сосок.

ханс воллман

И двинулись дальше мимо М. Бойдена/Г. Бойдена/Грея/Хеббарда.

роджер бевинс iii

В ту небольшую впадину, которая весной покрывается наперстянкой и астрами.

ханс воллман

Но теперь напоминала погруженный в сон серый клубок.

роджер бевинс iii

Откуда на нас, проходящих мимо, смотрели две сонные зимние птицы.

ханс воллман

Птицы не доверяют нашему брату.

роджер бевинс iii

Двигаясь трусцой вниз по дальнему склону Норт-Хилла, мы приветствовали Меркеля (его лягнул бык, но он по-прежнему рвался танцевать), Постербелла (увядшего денди, который отчаянно желал, чтобы у него заново отросли волосы, зубы перестали выпадать из десен, а мышцы рук больше не напоминали отвисшие бретельки, и чтобы ему принесли его обеденный костюм, а с ним пузырек духов и букетик цветов — он хотел снова приударять за дамами); мистера и миссис Уэст (пожар без какой-либо явной причины, поскольку они всегда были крайне осторожны с огнем); мистера Дилла (с удовлетворенным видом мямлящего что-то об отличных отметках внука в университете, о том, что он нетерпеливо ожидает его выпуска весной).

ханс воллман

И прошествовали мимо Тревора Уильямса, бывшего охотника, который сидел перед огромной горой животных, убитых им в свое время: сотни оленей, тридцать два черных медведя, три медвежонка, без счета енотов, рысей, норок, бурундуков, диких индеек, сурков и пум; десятки мышей и крыс, огромный клубок змей, сотни коров и телят, один пони (ушибленный экипажем), около двадцати тысяч насекомых, каждое из которых нужно было недолго удерживать с любовным вниманием на период от нескольких часов до нескольких месяцев, в зависимости от качества любовного внимания, которое он мог уделить, и состояния страха, в котором пребывало животное в момент ухода в мир иной. После такого удерживания (то есть, если производное времени и любовного внимания оказывалось достаточным), конкретное существо надувалось, а потом скакало, или улетало, или уносилось, уменьшая гору мистера Уильяма на единицу.

роджер бевинс iii

Это гора была совершенно экстраординарна, по высоте достигала шпиля часовни.

ханс воллман

Он был выдающимся охотником, и ему еще предстоят долгие годы тяжелой работы.

роджер бевинс iii

Он окликнул нас (его руки были заняты теленком), попросил составить ему компанию, сказал, что ему нравится его труд, только ему одиноко и не разрешается даже встать и побродить вокруг.

ханс воллман

Я объяснил ему, что у нас важные дела и мы не должны задерживаться.

роджер бевинс iii

Мистер Уильямс (хороший человек, никогда не грустит, всегда веселый после его обращения в доброту) подтвердил, что понимает, помахав одним копытом теленка.

ханс воллман

XXXVIII

Вскоре мы подошли к массивному хворь-дому Колье из итальянского мрамора, в окружении трех концентрических розовых садов, по обеим сторонам дома стояли изысканные фонтаны (сейчас — зимой — не работающие).

роджер бевинс iii

Когда у человека четыре дома и пятнадцать садовников на полной ставке, доводящих до совершенства семь твоих садов и восемь искусственных ручьев, он просто вынужден проводить много времени, носясь между домами и от сада к саду, а потому, вероятно, ничуть не удивительно, если как-то днем этот человек, спеша на кухню проверить, как у кухарки обстоят дела с обедом для совета директоров его любимой благотворительной богадельни, вдруг почувствует необходимость немного передохнуть, быстро опустится на одно колено, потом на второе, потом упадет вперед лицом, а потом, будучи не в силах подняться, переместится *сюда* для более продолжительного отдыха, но тут же обнаружит, что отдых тут вовсе никакой, поскольку, пока ты делаешь вид, что отдыхаешь, тебя постоянно гложут мысли о твоих экипажах, садах, мебели, домах и так далее, что (как ты надеешься) терпеливо ожидает твоего возвращения, не попав (Господь не допустит) в руки кого-нибудь (бесшабашного, беззаботного, не заслуживающего) Другого.

персиваль «стремительный» колье

Мистер Колье (рубашка, измазанная глиной

на груди после падения, нос сплюснут, почти не выделяется на лице) был вынужден постоянно парить горизонтально, как иголка компаса в человеческом обличье, макушка его головы смотрит в направлении той его собственности, о которой он в данный момент печется более всего.

Его макушка теперь смотрела на запад. С нашим прибытием его беспокойство уменьшилось, он невольно с удовлетворением выдохнул, принял вертикальное положение и повернулся к нам лицом.

ханс воллман

Мистер Колье, сказал мистер Воллман.

Мистер Воллман, сказал мистер Колье.

роджер бевинс iii

Потом новые беспокойные мысли о принадлежащей ему собственности посетили его, его бешено бросило вперед животом вниз, и он, испуганно крякнув, повернулся в сторону севера.

ханс воллман

XXXIX

Теперь мы должны пройти напрямик через эту заболоченную маленькую часть, населенную теми, кто находится на самом дне общества.

ханс воллман

Они искали здесь ощущения сырости и одиночества.

роджер бевинс iii

Здесь стояли мистер Рэндалл и мистер Твуд, занятые нескончаемым разговором.

ханс воллман

Нам не известно, каким несчастьем оба обязаны тому, что теперь обречены на нечленораздельную речь.

роджер бевинс iii

Лица стали похожи на прозрачные кляксы неопределенной формы.

ханс воллман

Торсы серые и бесформенные, если не считать крохотных, напоминающие морские мины зачатки рук и ног.

роджер бевинс iii

Неотличимые один от другого, разве что движения мистера Твуда казались не совсем утратившими жизненную силу. Время от времени, словно предпринимая попытку убедить собеседника, он вздымает вверх один из своих рукоподобных отростков, как бы указывая на некую полку, нечто, к чему он хочет привлечь внимание мистера Рэндалла.

ханс воллман

Мы считали, что мистер Твуд работал в розничной торговле.

роджер бевинс iii

Вытащите большую вывеску Тут же уберите ее назад Вытащите снова Не выроните из рук Значительно уменьшенный женский

мистер бенджамин твуд

В ответ серый безликий клин, который прежде был мистером Рэндаллом, иногда изображал короткий танец.

роджер бевинс iii

Уступите место Вот человек который действительно может Засветите свечи А исполнитель за роялем предложит вам свой Это был я.

джаспер рэндалл

Иногда ближе к восходу солнца, когда все другие обитатели болота уставали, ощущали опустошенность, погружались в себя и немели близ черного дуба, расщепленного молнией, мистер Рэндалл случалось снова и снова отвешивал поклоны, словно перед воображаемой публикой.

роджер бевинс iii

Наводил нас на мысль, что он был в некотором роде актером.

ханс воллман

Спасибо спасибо спасибо!

джаспер рэндалл

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ЦЕННОСТЬ ВНУТРИ:

Только вспомнить твою худую усталую мать, которую еще можно было спасти Авто-гладилкой, круторубкой, хлад-ларем, авто-засолкой, вернуть ее прежнюю изящную осанку, ее привлекательную добрую улыбку, как в прежние времена, когда ты в коротких штанишках скакал с веткосаблей под проникающий повсюду запах пирога.

мистер бенджамин твуд

Удар, арпеджио, антракт выпивка-сигарета Когда удар получался хороший, небольшая рябь пробегала по золотистой выпивке на столе.

джаспер рэндалл

Все восторги, которые мы когда-то, может, и испытывали по поводу их стойкости, давно перешли в отвращение.

роджер бевинс iii

Неужели и мы обречены на такую же судьбу?

ханс воллман

Мы так не думали.

роджер бевинс iii

(Регулярно осматривали черты друг друга в поисках каких-либо свидетельств появления размазни на лице.)

ханс воллман

(Непрерывно следили друг за другом — не ухудшается ли хотя бы чуть-чуть дикция.)

роджер бевинс iii

И они были еще далеко не самые худшие.

ханс воллман

Возьмите мистера Пейперса.

роджер бевинс iii

Главным образом раболепная серая спинная линия.

ханс воллман

О нем вы узнавали, только когда спотыкались о него.

роджер бевинс iii

Тутэта помочьнужна, а? Скорее. Мне. Помочь. Тутэта помочь. Можетэта ктонить? Помочь. Можета ктота памочь? Прочистить? А?

Пожаста памочмне.

л. б. пейперс

Мы понятия не имели, чем мистер Пейперс был прежде.

ханс воллман

Давай Шевелись Иначе получишь неприятное послание в очко Сейчас приду прямо снизу и проветрю твое нижнее.

фландерс куинн

Фландерс Куинн

ханс воллман

Бывший грабитель.

роджер бевинс iii

Бевинс, я поссу тебе горячим на твои поганые парные порезы на руках А тебя, Воллман, схвачу за твой член-дубинку и шарахну о чернозабор.

фландерс куинн

Я вот, например, побаивался его.

роджер бевинс iii

Я его не боялся.

Точно-точно.

Но нас ждало срочное дело. Не могли задерживаться.

ханс воллман

И скользкóм понеслись по кромке вдоль болота, Куинн сыпал нам вслед проклятиями, потом передумал, умолял вернуться, потому что он боится оставаться в том месте, но еще больше боится оставить это место (и уйти), поскольку опасался того, что может случиться с грешником, который перерезал глотки торговцу и его дочери рядом с экипажем из Фредериксберга, когда у него сломалось колесо (сорвал жемчужины с самой ее шеи и отер с них кровь ее же шелковым шарфом).

роджер бевинс iii

Выбравшись повыше, мы прибавили ходу, прошли покосившимся сараем для инструмента, пересекли гравийную дорогу, долго тащились по старой дорожке для экипажей, которая все еще хранила (для моих ноздрей) какой-то таинственный газетный запах.

ханс воллман

XL

Теперь впереди за чуть наклонившимся влево памятником Кафферти уже стояла толпа вокруг свежезаполненной хворь-ямы.

ханс воллман

К группе подошел мистер Воллман.

Этот новоприбывший все еще… с нами? — деликатно спросил он.

Да, ответил Тобин «Барсук» Мюллер, как всегда согнутый чуть не пополам от тяжких трудов.

Захлопните пасти, а то я его не слышу, пролаяла миссис Спаркс — она стояла на четвереньках, прижимая ухо к земле.

роджер бевинс iii

XLI

Жена моего сердца лаура лаура

Я беру перо в состоянии столь великого изнеможения что только моя глубокая любовь ко всем вам могла побудить меня к этому после дня такой нечестивой резни и страха. Должен сказать тебе откровенно, что Том Джилман погиб в той страшной схватке. Наша позиция в роще была обнаружена. Большая перестрелка, во время которой я услышал крик. Том ранен и убит. Наш Отважный и Благородный друг лежит уткнувшись Лицом в Землю. Я направил Парней, чтобы отомстить, даже если для этого придется войти во врата Ада.

Таково состояния моего Разума, хотя я и знаю, что мы двинулись в том направлении и с тем Намерением, что было дальше я не могу вспомнить. Только что все Хорошо и я беру мое верное перо, чтобы сообщить тебе, в настоящем я в безопасности и надеюсь, когда эти строки придут к моей Дорогой маленькой семье, она тоже будет наслаждаться этой благодатью.

Я прибыл сюда, в это место после долгого Пути и все это время содержался в заточении. Схватка

была жесточайшая, как я, кажется, уже писал тебе. Том Джилман мертв, как, кажется, я тебе писал. Но Тот, кто сохраняет жизнь или уничтожает ее по своей Прихоти счел подходящим сохранить мою, чтобы я написал это тебе. Сообщил, что, хотя ж и в заточении, я ценю свою Удачу. Я Устал до такой степени, что едва могу сказать, где я и как попал сюда.

Жду санитарку.

Деревья нависают. Витерок дует. Мне чтото грусно и страшно.

О моя дорогая у меня дурное предчувствие. И я чувствую, что не должен задерживаться. В этом месте великой печали. Того, кто хранит и Любит нас, здесь почти нет. А поскольку мы всегда должны стремиться идти рядом с Ним, я чувствую, что не должен задерживаться. Но я в Заточении и Разумом и Телом и не в силах, словно я в кандалах, уйти сейчас, дорогая Жена.

Я должен искать и искать: Что это такое, что держит меня в этом биздонном Печальном месте?

капитан уильям принс

Вот из-за земляного холмика появилась фигура, словно какое-то дикое животное выпрыгнуло из клетки и начало расхаживать, тревожно поглядывая на лица мистера Мюллера, миссис Спаркс и других.

роджер бевинс iii

Солдат.

В форме.

ханс воллман

Не бойтесь, прогнусавил кто-то из толпы. Вы были в том старом месте, а теперь вы в новом месте, здесь.

роджер бевинс iii

Солдат стал прозрачным до степени невидимости, как иногда случается с нами во время серьезных размышлений, и головой вперед вернулся в хворь-яму.

Не прошло и мгновения, как он выскочил оттуда с выражением мрачного удивления на лице.

ханс воллман

Дорогая жена моего Сердца О Лаура-Зайка,

Внутри моего узилища мои признаки. Я вот сейчас посмотрел. Моя родинка на щеке и точно такая же линия волос. Созерцать это тяжело. С пе-

чальным выражением на (обожженном!) лице. А торс изуродован тяжелой раной, которую трудно

Я здесь, в ловушке и в этот миг понимаю, что должен сделать, чтобы освободиться.

Нужно сказать ПРАВДУ и все будет

О я не могу сказать я сказать я сказать все?

Я чувствую что должен или

остаться навсегда

В этой унылой и ужасной

Лаура, отошли маленьких, чтобы они не услышали, что будет дальше.

Я имел дело с меньшей из двух. Да. В этой ужасной Деревушке. Имел дело с меньшей из двух, и она спросила меня о Мидальоне что ты дала мне и спросила Она хорошая жена? и даже когда она сидя на мне чуть сжимала бедра и смотрела мне в глаза чтобы осрамить твою Честь но я заверяю тебя что (даже когда сжала бедра ищо два раза, ее глаза смотрели в мои) не дал ей этого удовлетворения не замарал Твоего имени или памяти хотя, что не погрешить против ПРАВДЫ (и таким образом бежать из этого места), я чувствую что должен свободно признаться, что она наклонилась пониже, предлагая свои женские Прелести, сначала одно, потом другое в мой рот спрашивая делает ли то же моя жена и такая

же ли она страстная. Я произвел такой выдох, который мы оба поняли как НЕТ, моя жена не такая, моя жена не такая Свободная. И все остальное время мы имели сношение в том грязном покосившемся сарае, где трое ее детей и в самом деле спали там на жалкой детской кроватке и ее две бледные Сестры и Мать причитали на дворе, она сжимала мидальон в одной руке, а когда все закончилось спросила, можно ли ей оставить его. Но моя отвратительная похоть теперь вся вышла из меня, и я резко ответил что не можно. И пошел в лесок. Где я плакал. И там с искренней нежностью думал о тебе. И решил, что лучше обмануть. Обмануть тебя.

капитан уильям принс

Теперь он принялся, спотыкаясь, расхаживать, описывая широкие круги, сжав голову руками.

роджер бевинс iii

Луна стояла высоко и я сказал себе иногда мужчина должен сохранять мир и щадить Того кого любит. Что я и делал. До этого времени. Я собирался сказать тебе это не в письме а лично. Когда возможно теплота близости смягчит удар. Но моя ситуация выглядит безнадежной в крайней степени, домой я никогда не вернусь, я говорю тебе все, выкрикиваю самым правдивым голосом (я выибал меньшую из 2, признаю, я это сделал) в надежде что ты и Он, кто слышит и прощает нас всех, услышит и простит все и позволит мне покинуть этот несчастный…

капитан уильям принс

Потом ослепительный свет вспыхнул у ближайшего памятника и прогремел знакомый, но всегда леденящий кровь огнезвук, связанный с явлением взрыва световещества.

роджер бевинс iii

И он исчез.

ханс воллман

Его потрепанные форменные брюки рассыпались, как и его рубашка, его сапоги, дешевое железное кольцо.

роджер бевинс iii

Некоторые из менее значительных представителей, собравшихся толпой, теперь припустили со всех ног, издевательски посмеиваясь над солдатом, принимая различные извращенные и неуважительные позы на хворь-холме, но не из подлости, потому что в них нет подлости, а скорее от избытка чувств.

В этом они могут быть как дикие собаки, которых завели на бойню — носятся по лужам крови, сходя с ума от предчувствия, что вот-вот получат удовлетворение.

ханс воллман

Бог мой, подумал я, бедняга! Ты не дал этому месту ни малейшего шанса, а бездумно бежал отсюда, оставляя навсегда все прекрасное, что есть в этом мире.

И ради чего?

Ты не знаешь.

Самый глупый риск.

Отказываясь навсегда, сэр, от таких вещей, как, например: блеяние двух только что остриженных овечек в недавно скошенных полях; четырех четких прямых солнечных теней, крадущихся мимо спящего средь бела дня кота; падения по выгоревшей сланцевой кровле в заплатку пожухлого вереска девяти выпотрошенных желудей; устремляющихся вверх мимо бреющегося парня запахов разогревающейся сковороды (и утреннего побрякивания кастрюль, и болтовни девушек на кухне); шхуны размером с дом, накренившейся в сторону пирса под напором ветерка, который играет флагом, позвякивает рындой и вызывает в школьном дворе по ее левому борту хор детских визгов и безумный лай того, что звучит как дюжина…

роджер бевинс iii

Друг.

Сейчас вряд ли подходящее время.

ханс воллман

Тысяча извинений.

Но (как я полагаю, вам это должно быть известно) я не вполне себя контролирую.

роджер бевинс iii

Толпа, забыв на время о своей склонности к

пороку, стояла, раскрыв рот и взирая на мистера Бевинса, который приобрел во время своего рассказа такое количество лишних глаз, ушей, носов и так далее, что напоминал теперь избыточный телесный букет.

Бевинс прибег к своему обычному средству (закрыл глаза и пресек действия всех носов и ушей, до которых смогли дотянуться его многочисленные дополнительные руки, таким образом уменьшив и сенсорный приток, что позволило ему успокоить свой разум), и множество глаз, ушей, носов и рук сжались или исчезли (я никогда толком не понимал, что именно происходит).

Толпа вернулась к издевательствам над солдатским хворь-холмом, «Барсук» Мюллер сделал вид, что мочится на него, миссис Спаркс присела над ним, скорчила уродливую гримасу.

Посмотрите-ка, прокряхтела она, я оставляю этому трусу подарочек.

ханс воллман

XLII

И мы двинулись дальше.

роджер бевинс iii

Шли скользко́м между (а иногда, если не было другой возможности, и по) бывшими домами множества глупцов, которых больше с нами не было.

ханс воллман

Гудсон, Рейнальд, Слокум, Мэкки, Вандик, Пишер, Слайтер, Пек, Сафко, Свифт, Роузбум.

роджер бевинс iii

Например.

ханс воллман

Симкинс, Уарнер, Персонс, Ланье, Данбар, Шуман, Холлингшед, Нельсон, Блэк, Вандьюсен.

роджер бевинс iii

Следует признать, что они были в большинстве, превосходя наших приблизительно на порядок.

ханс воллман

Топенбдейл, Хаггердаун, Мессершмитт, Браун.

роджер бевинс iii

Что подчеркивает исключительные качества тех из нас, кто все еще держался.

ханс воллман

Коу, Мамфорд, Райзли, Роу.

Подле их мест было так тихо, и из них в сумерках, когда мы вывихривались из наших домов, не вывихривалось ничего, и содержимое их…

роджер бевинс iii

Хворь-ларей.

ханс воллман

Лежало там инертное, никому не нужное, всеми забытое.

роджер бевинс iii

Прискорбно.

ханс воллман

Как брошенные лошади, тщетно ждущие возвращения своих любимых наездников.

роджер бевинс iii

Эджмонт, Тоди, Блазингейм, Фри.

ханс воллман

Хабернотт, Бьюлер, Дарби, Керр.

роджер бевинс iii

Это по большей части была благодушная, невозмутимая порода людей, не имевших желаний, они задерживались лишь на мгновения, настолько абсолютно удовлетворительными находили они свое пребывание в том, предыдущем месте.

ханс воллман

Улыбающиеся, признательные, оглядывающиеся в удивлении, одаривая нас последним любящим взглядом, перед тем как…

роджер бевинс iii

Сдаться.

ханс воллман

Уступить.

роджер бевинс iii

Капитулировать.

ханс воллман

XLIII

Мы нашли этого джентльмена по его описанию неподалеку от Беллингуэзера: *Муж, Отец, Корабельный мастер.*

ханс воллман

Он сидел с видом побежденного, скрестив ноги, на клочке высокой травы.

роджер бевинс iii

Мы приблизились, и он оторвал голову от рук и тяжело вздохнул. В тот момент с него вполне можно было лепить скульптуру, изображающую Утрату.

ханс воллман

Ну что? — спросил мистер Воллман.

Я медлил.

Преподобный не одобрит, сказал я.

Преподобного здесь нет, сказал он.

роджер бевинс iii

XLIV

Чтобы занять как можно больший процент объема этого джентльмена, я опустился на его колени и сел, скрестил ноги, повторив его позу.

ханс воллман

Теперь они вдвоем представляли собой одного сидящего — больший объем мистера Воллмана в талии выходил за пределы этого джентльмена, а его массивный член существовал полностью вне его, указуя на луну.

роджер бевинс iii

Это было что-то.

Даже ох как что-то.

Бевинс, входите сюда, крикнул я. Это нельзя упустить.

ханс воллман

Я вошел, приняв такую же позу со скрещенными ногами.

роджер бевинс iii

И мы трое были одним.

ханс воллман

Так сказать.

роджер бевинс iii

XLV

От этого парня веяло запахом прерий.

ханс воллман

Да.

роджер бевинс iii

Все равно что войти в летний сарай поздно ночью.

ханс воллман

Или в кабинет на затхлых равнинах, где все еще ярко горит свеча.

роджер бевинс iii

Громадный. Открытый ветрам. Новый. Печальный.

ханс воллман

Поместительный. Забавный. Фаталистический. Честолюбивый.

роджер бевинс iii

Зад чуть выпячен.

ханс воллман

Волочит правую ногу.

роджер бевинс iii

Недавний вход (моложавого) мистера Бевинса заставил джентльмена совершить мягкий мыслеповорот к сцене из его собственной шальной юности: любезная, но опустившаяся (грязные щеки, добрые глаза) девица стыдливо ведет его по грязной дорожке, крапива цепляет ее раскачивающуюся зеленую юбку, и (в его памяти) в то же время возникает ощущение стыда, связанное с его представлением, что эта девица — нечестная игра, то есть что она скорее животное, чем дама, то есть даже читать не умеет.

ханс воллман

Когда он осознал, какие приходят к нему воспоминания, лицо его покраснело (мы чувствовали, как оно краснеет) при мысли о том, что он (в разгар трагических событий) вспоминает такой отвратительный инцидент.

роджер бевинс iii

И он спешно направил свой (*наш*) разум на что-то другое, желая оставить эту позорную мысль в прошлом.

ханс воллман

XLVI

Попытался «увидеть» лицо его мальчика.

роджер бевинс iii

Не смог.

ханс воллман

Попытался «услышать» смех мальчика.

роджер бевинс iii

Не смог.

ханс воллман

Предпринял попытку вспомнить какой-нибудь конкретный случай, имевший отношение к мальчику, в надежде, что это сможет…

роджер бевинс iii

В первый раз, когда мы надели на него костюм.

Так думал этот джентльмен.

(Вот это и помогло.)

В первый раз, когда мы надели на него костюм, он посмотрел на брюки, потом на меня, словно говоря: Папа, я ношу взрослые штаны.

Без рубашки, босиком, светлый округлый живот, как у старика. Потом маленькая рубашечка

с запонками, застегиваем ее на пуговицы.

До свидания, животик, теперь ты у нас зарубашен.

Зарубашен? Я думаю, нет такого слова, папа.

Я завязал маленький галстук. Повернул его, чтобы осмотреть.

Похоже, мы одели бешеного дикаря, сказал я.

Он оскалился. Волосы его торчали в разные стороны. Щеки раскраснелись. (В прошлый раз он носился по этому магазину и опрокинул стойку с носками.) Портной (соучастник) с большой помпой вынес маленький фрак.

Потом скромная мальчишеская улыбка, когда я надел на него фрак.

Па, скажи, я хорошо выгляжу?

Потом несколько мгновений вообще никаких мыслей, и мы только оглядывались: голые ветки на фоне темно-голубого неба.

Фрачок фрачок фрачок.

Это словечко звучало в наших ушах

Мигнула звезда и зажглась.

Тот же самый на нем и сейчас.

Ха.

Тот же фрачок. Но тот, на ком он…

(Я так хочу, чтобы это не было правдой.)

Сломлен.

Бледный сломленный бедняга.

Вот почему ничего не получится. Какое волшебное слово нужно, чтобы получилось. Кто хранит это слово. Какая Ему польза от того, что Он выключил его. Какая же это ловушка. Как оно вообще действовало. Какая искра его двигала. Величайшая маленькая машинка. Так и сделанная. Получает искру и живет.

Что погасило эту искру? Какой же это грех. Кто осмелился. Уничтожить такое чудо. Отсюда и убийство вне закона. Прости, Господи, что я совершил такой прискорбный…

ханс воллман

Тут нас что-то беспокоит…

роджер бевинс iii

Мы рассеянно провели рукой по нашему лицу, словно пытаясь прогнать возникшую догадку.

ханс воллман

Это усилие оказывается безуспешным…

роджер бевинс iii

Догадка осенила нас.

ханс воллман

XLVII

Юный Уилли Линкольн упокоился в тот день, когда был опубликован список погибших в победном сражении у Форта Донельсон, событие, которое вызвало в то время большое потрясение среди публики, стоимость победы в человеческих жизнях была на тот день беспрецедентной.

Источник:

«Исправление памяти: Мемуары, ошибки, умолчания».
Джейсон Тамм.
«Дневник американской истории»

Данные о потерях были сообщены президенту, хотя юного Уилли в это время бальзамировали.

Ивернесс. Там же.

Более тысячи солдат с обеих сторон было убито, а ранено в три раза больше. Это было «одно из самых кровавых сражений», сказал молодой солдат юнионистов отцу, настолько сокрушительное для его роты, что, несмотря на победу, он оставался «печальным, одиноким и скорбел». Из восьмидесяти пяти человек в живых остались только семь.

Гудвин. Там же.

Убитые при Донелсоне, господи Иисусе. Свалены в кучу, как пшеница для молотьбы, один поверх двух, поверх трех. Я потом прошел по полю, и меня охатило тяжелое чувство. Боже мой, думал я, это же моих рук дело.

Источник:

«Эти воспоминания о сражениях». Первый лейтенант Дэниел Брауэр.

Тысяча убитых. Это было что-то новое. Теперь война началась, похоже, по-настоящему.

Источник:

«Великая война в описании ее воинов». Маршалл Тернбулл.

Мертвые лежали, где упали, в самых невероятных позах, одни сжимали в руках ружья, словно

продолжая стрелять, а других смерть застала с патроном в ледяной хватке, с патроном, который они не успели зарядить. На лицах одних было умиротворенное выражение, счастливая улыбка, тогда как на других — дьявольская ненависть. Словно каждое выражение являло собой точное отражение мыслей, что метались в их головах, когда ангел смерти явился к ним. Возможно, этот благородного вида юноша, улыбаясь, глядящий в небеса, с его глянцевыми локонами, напитавшимися его собственной кровью, почувствовал, как молитва матери смирила его боль в последние мгновения, когда молодая жизнь покидала его. Рядом с ним лежал молодой муж, молитва о жене и ребенке застыла на его губах. Молодость и возраст, добродетель и порок — все эти свойства нашли отражение в жутких выражениях их лиц. Перед нами лежали обгоревшие и почерневшие останки людей, сгоревших заживо. Их раны были слишком тяжелы, чтобы они могли уползти, и яростный огонь сожрал их.

Источник:

«Годы Гражданской войны: Хроника страны день за днем». Под редакцией Роберта Е. Денни.

Свидетельство капрала Люциуса У. Барбера, участника сражения у форта Донелсон. Рота Д, 15-й Иллинойский добровольческий пехотный полк.

Я тогда впервые увидел мертвого человека. Потом насмотрелся. Один бедняга окоченел, скрючившись, с открытыми глазами, — разглядывал в ужасе свою рану. Часть его внутренностей вывалилась, образовав на боку под тонкой корочкой льда нечто нечеткое багряно-красного цвета. У меня дома на туалетном столике стояла священная открытка, изображающая святейшее сердце Иисуса Христа, и у этого парня был такой же вид, только его багряно-красный нарост был ниже и больше и сдвинут в сторону, а сам он смотрел с ужасом.

Источник:

«Эта страшная слава: Собрание писем тех, кто сражался в Гражданской войне». Редакторы-составители Брайан Белл и Либби Траст.

И мама, огненный шторм пронесся над замерзшими мертвецами и опалил их. Мы увидели, что

один из них еще дергается, и сумели вынести его живым, даже не зная, на чьей он стороне, так он был обожжен, и весь голый, если не считать брючину на одной ноге. Я так и не знаю, что с ним сталось.

Источник:

«Письма иллинойского солдата». Под редакцией Сэма Уэстфолла. свидетельство рядового Эдварда Гейтса, рота Ф, 15-й Иллинойский добровольческий пехотный полк.

Двое или трое из нас хватали кого-нибудь и тащили подальше, потому что было холодно и тела совершенно замерзали. В тот день я узнал, что человек может ко всему привыкнуть. Вскоре все это казалось нам уже нормальным, мы даже начали шутить, выдумывали всем им имена в зависимости от того, как они выглядели. Этот — Крючок, этот — Долбанутый, этот — Половинкин.

Брауэр. Там же.

Мы нашли двух ребят, они держались за руки, лет по четырнадцать-пятнадцать им было на каждого, и они словно решили вместе пройти в эти темные ворота.

Гейтс. Там же.

Скока ищо народа вы собираитесь отправить на тот свет прежде чем уйдете? Вот тока што наш маленький Нейт стаял на том масту с удачкой а где он теперь? И кто атправил его сюда, в том Извищении что он видел до последней букавки, там видитилисэр, стояла ваше имя «Авраам Линкольн».

Источник:

«Письма президенту Линкольну» Редакторы-состаители Джозефина Баннер и Эвелин Дрессман. Письмо Роберта Нансуорти, Бунсборо, Мэриленд.

XLVIII

Но он-то всего один.

И этот груз едва не убивает меня.

Скорбь возросла. В три тысячи раз. Пока. На сегодня. Гора. Мальчиков. Чьих-то мальчиков. Должен жить с этим. Может быть, моего сердца не хватит для этого. Одно дело дергать рычаг и не видеть результатов. Но в этом заключен пример — а он дорогого стоит, — того, чего я достигаю приказами, которые я…

Может быть, моего сердца не хватит для этого.

Что делать. Объявить окончание? Сказать, что жизни тех трех тысяч потрачены зря? Запросить мира? Превратиться в идиота рулевого, который на полном ходу меняет курс, в короля нерешительности, в посмешище на века, бестолкового деревенщину, тощего мистера Поворот Кругом?

Она вышла из-под контроля. Кто ею руководит. Кто ее начал. Чье появление на сцене положило ей начало.

Что я делаю.

Что я делаю здесь.

Теперь все чепуха. Пришли эти плакальщики. Руки вытянуты. Сыновья живы. На лицах вынужденные маски скорби, имеющие целью скрыть всякие признаки счастья, которое… которое продолжается. Они не могли скрыть, как они пока еще радуются своему счастью иметь все еще живых сыновей. До недавнего времени я был одним из них. Прохаживался, посвистывая, по бойне, отводил глаза от крови, мог смеяться, мечтать и надеяться, потому что пока этого еще не случилось со мной.

С нами.

Ловушка. Страшная ловушка. Ее устанавливают в день твоего рождения. Но когда-нибудь наступит последний день. Когда тебе придется покинуть это тело. Плохо. Потом мы приносим сюда ребенка. Условия игры усложняются. Ребенок тоже должен уйти. Все радости должны быть запятнаны этим знанием. Но мы, глупые, на что-то надеемся, мы забываем.

Господи, да что же это? Вся эта ходьба, потуги, улыбки, поклоны, шутки? Это столосидение, рубашкоглажение, галстуковязание, туфлечистение, вояжепланирование, ваннопеснопение?

А его нужно оставить здесь?

Неужели человек должен кивать, танцевать,

гулять, рассуждать?

Как прежде?

Проходит парад. А он не может встать и присоединиться. Должен ли я бежать следом, занять мое место, высоко поднимать колени, размахивать флагом, дуть в дудку?

Был он мне дорог или нет?

Тогда пусть я больше никогда не буду счастлив.

ханс воллман

XLIX

Было довольно холодно. (Находясь в этом джентльмене, мы в первый раз…

ханс воллман

За такое долгое время.

роджер бевинс iii

Сами продрогли.)

ханс воллман

Он сел, растревоженный и дрожащий, в поисках хоть какого-то утешения.

Он сейчас наверняка должен быть в каком-нибудь счастливом месте. Или нигде.

Подумал джентльмен.

В любом случае больше он не страдает.

В конце страдал ужасно.

(*Мучительный кашель дрожь рвота обреченные на неудачу попытки отирать рот трясущейся рукой то как его испуганные глаза ловили мой взгляд, словно спрашивая неужели ты папа и в самом деле ничего не можешь сделать?*)

И джентльмен, приняв решение, встал (мы встали вместе с ним) на безлюдной равнине, и

закричал во всю силу *наших* легких.

Потом тишина и сильная усталость.

Теперь все закончилось Он либо в радости, либо нигде.

(Так что же горевать?

Для него все худшее позади.)

Потому что я его так люблю и привык его любить, и эта любовь должна принимать форму хлопот, беспокойства и деяний.

Только вот делать больше нечего.

Высвободиться из этой темноты, насколько в моих силах, остаться полезным, не сойти с ума.

И если думать о нем, то представлять, что он в каком-нибудь светлом месте, свободном от страданий, где он наслаждается новой формой бытия.

Так думал джентльмен.

Задумчиво поглаживая рукой клочок травы.

роджер бевинс iii

L

Грустно.

роджер бевинс iii

Очень грустно.

ханс воллман

Особенно с учетом того, что мы знали.

роджер бевинс iii

Его мальчик не был «в каком-нибудь светлом месте, свободном от страданий».

ханс воллман

Не был.

роджер бевинс iii

И не «наслаждался новой формой бытия»

ханс воллман

Au contraire[21].

роджер бевинс iii

---

[21] Примечания: 21
Напротив (*фр.*).

Над нами случайный ветерок расшевелил множество веток, поломанных бурей.

ханс воллман

Которые падали на землю тут и там.

роджер бевинс iii

Словно лес наполнился недавно родившимися существами.

ханс воллман

Не могу понять, сказал мистер Воллман.

И я знал, что теперь будет.

роджер бевинс iii

LI

Мы хотели, чтобы парнишка ушел и таким образом спасся. Его отец хотел, чтобы он был «в каком-нибудь светлом месте, свободном от страданий» и «наслаждался новой формой бытия».

Счастливое совпадение пожеланий.

Нам казалось, мы должны убедить этого джентльмена вернуться с нами в белый каменный дом. А там побудить паренька войти в джентльмена в надежде, что, будучи там, услышав пожелание отца, он проникнется убеждением…

ханс воллман

Прекрасная мысль.

Но у нас нет способа добиться этого.

роджер бевинс iii

(Вокруг этого вопроса исторически возникла некоторая путаница.)

ханс воллман

Никакой путаницы, мой друг.

Просто у нас нет возможности общаться с теми, кто из того племени, а уж тем более убеждать их

сделать что бы то ни было.

И я думаю, вы это знаете.

роджер бевинс iii

LII

Позволю себе не согласиться.

Один раз нам удалось устроить свадьбу, если вы помните.

ханс воллман

В высшей степени сомнительно.

роджер бевинс iii

Пара, обитавшая здесь, готовая разорвать помолвку, изменила свое решение под нашим влиянием.

ханс воллман

Почти наверняка совпадение.

роджер бевинс iii

Некоторые из нас — Хайтауэр, мы трое и… как там его? Который без головы?

ханс воллман

Эллерс.

роджер бевинс iii

Да, конечно, Эллерс!

Мы от скуки собрались и вошли в эту пару и совместными усилиями наших направленных желаний смогли воздействовать…

ханс воллман

Вот как дело было:

Их обуяла неожиданная страсть, и они укрылись за одним из каменных домов.

роджер бевинс iii

Чтобы действовать так, как требовала означенная страсть.

ханс воллман

А мы смотрели.

роджер бевинс iii

У меня дурные предчувствия на сей счет. На счет созерцания.

ханс воллман

Ну, у вас не было дурных предчувствий в тот день, мой дорогой друг. Ваш член распух до поразительных размеров. Да и в обычный день он распухает до…

роджер бевинс iii

Я, кажется, помню, что и вы смотрели. Я не помню ни малейшего отвращения у какого-либо из ваших многих… многих…

ханс воллман

Откровенно говоря, созерцание такой страсти живительно.

Неистовство их объятий поражало.

роджер бевинс iii

Да.

Даже птицы слетали с деревьев со зверскими стонами наслаждения.

ханс воллман

После чего они вернулись к своим прежним обязательствам и ушли рука об руку, снова примиренные и помолвленные.

роджер бевинс iii

И это сделали мы.

ханс воллман

Да ладно вам. Они были молоды, исполнены вожделения, одни в безлюдном месте в прекрасную весеннюю ночь. Вряд ли им требовалась какая-то помощь от…

роджер бевинс iii

Друг:

Мы здесь.

Уже здесь.

Внутри.

Поезд приближается к стене с губительной скоростью. Ты держишь в руке рычаг, который дает тебе возможность достичь ты сам не знаешь чего: повернешь ты его или нет? Если нет, то катастрофа неминуема.

Терять нечего.

Почему бы не попробовать?

ханс воллман

LIII

Там, в том джентльмене, мистер Бевинс потянулся к моей руке.

ханс воллман

И мы начали.

роджер бевинс iii

Убеждать этого джентльмена.

ханс воллман

Пытались его убедить.

роджер бевинс iii

Мы вдвоем начали думать о белом каменном доме.

ханс воллман

О мальчике.

роджер бевинс iii

О его лице, его волосах, его голосе.

ханс воллман

Его сером костюме.

роджер бевинс iii

Подогнутых ногах.

ханс воллман

Потертых туфлях.

роджер бевинс iii

Встаньте, вернитесь, думали мы одновременно. *Вашему мальчику нужно ваше утешение.*

ханс воллман

Ему грозит серьезная опасность.

роджер бевинс iii

Для детей это настоящее проклятие задерживаться здесь.

ханс воллман

Его упрямый нрав, который был хорош в том предыдущем месте, здесь для него угроза, здесь, где естественный закон, жестокий и деспотичный, не терпит возражений — только беспрекословное подчинение.

роджер бевинс iii

Поэтому мы просим, чтобы вы встали.

ханс воллман

И вернулись с нами, чтобы спасти вашего мальчика.

роджер бевинс iii

Казалось, ничего у нас не получается.

ханс воллман

Этот джентльмен просто *сидел* с отсутствующим видом и гладил траву.

роджер бевинс iii

Казалось, нам нужно быть более категоричными.

ханс воллман

По общему согласию мы направили наши мысли на некое общее воспоминание касательно мисс Трейнор.

роджер бевинс iii

На прошлое Рождество, нанося праздничный визит, мы обнаружили, что она, пребывая в особом напряжении, свойственном этому благодатному празднику, уже прошла стадии, называющиеся упавший мост, хищная птица, большая собака, страшная карга, пожирающая черную лепешку, затопленный на корню хлеб, зонт, разорванный ветром, который мы не могли чувствовать…

ханс воллман

И теперь являла себя в виде древнего монастыря с пятнадцатью ожесточенными, ссорящимися монахинями, которые собираются сжечь до снования.

роджер бевинс iii

Монастырь размером с девочку в стиле Марии Агредской[22], маленькие монашки внутри собираются на утреннюю молитву.

ханс воллман

---

[22] Примечания: 22

Мария Агредская, Мария Иисусова (1602–1665) — испанская монахиня ордена Непорочного Зачатия, духовная писательница, автор книги «Мистический град Божий».

Неожиданно это место (девочка) вспыхивает: крики, вопли, ворчание, принятие обетов, если будет даровано спасение.

роджер бевинс iii

Но никто не спасается, все сгорают.

ханс воллман

Мы заставляли себя смотреть на это снова, снова ощущать запах, снова улавливать благовония, аромат прижавшихся к стенам кустов шалфея, пахнущий розами ветерок, скатывающийся по склону холма, визгливые крики монахинь, топот крохотных монашеских ножек по утрамбованной красной глине идущей к городу тропинки…

роджер бевинс iii

Безрезультатно.

ханс воллман

Он просто сидел.

роджер бевинс iii

И теперь все вместе мы стали ощущать что-то.

ханс воллман

В левом кармане его брюк.

роджер бевинс iii

Замок.

ханс воллман

Тот самый замок. От белого каменного дома.

роджер бевинс iii

Тяжелый и холодный.
Ключ все еще в скважине.

ханс воллман

Он забыл его повесить.

роджер бевинс iii

Возможность упростить наш аргумент.

ханс воллман

Мы сосредоточились на этом замке.

роджер бевинс iii

На опасностях *незапертой двери*.

ханс воллман

Я вспомнил Фреда Даунса, впавшего в ярость от негодования, когда пьяные студенты, изучающие анатомию, швырнули мешок с его хворь-телом на свою телегу, лошади в тревоге встали на дыбы, почуяв запах…

роджер бевинс iii

Я представил разодранный волком торс миссис

Сковилл, приклонившийся к дверному косяку, — одна рука оторвана, маленькая вуаль трепещет на том, что осталось от ее седых волос.

Вообразил волков, которые даже теперь бродят стаями в лесах, принюхиваются к ветру…

Направляются к белому каменному дому.

Рычат, роняют слюну.

Врываются внутрь.

И так далее.

ханс воллман

Джентльмен сунул руку в тот карман.

роджер бевинс iii

Сжал в ней замок.

ханс воллман

С огорченным видом покачал головой:

Как я мог забыть такое простое…

роджер бевинс iii

Поднялся на ноги.

ханс воллман

И пошел.

роджер бевинс iii

В направлении белого каменного дома.

ханс воллман

Оставив меня с мистером Воллманом на земле.

роджер бевинс iii

LIV

Мы что… мы сделали это?

ханс воллман

Казалось, что сделали.

роджер бевинс iii

LV

Поскольку мы пока были перемешаны друг с другом, следы мистера Воллмана естественным образом начали возникать в моей голове, а мои следы естественно начали возникать в его.

роджер бевинс iii

Никогда не приходилось видеть себя прежде в такой конфигурации…

ханс воллман

Следствием этого стало удивление.

роджер бевинс iii

Я словно в первый раз увидел великую красоту всего, что есть в мире: дождевые капли в лесу вокруг нас падали с листьев на землю; звезды висели низко — бело-голубые, робкие; ветер приносил запах пожара, сухого дерева, речного гумуса; неодобрительное потрескивание сухостоя наполнялось усиливающимся ветром, а где-то вдалеке, пересекая ручей, впряженная в сани кляча мотнула шеей с колокольчиком.

ханс воллман

Я видел лицо его Анны и понял его нежелание оставлять ее.

роджер бевинс iii

Я жаждал мужского запаха и крепкого мужского объятия.

ханс воллман

Я знал печатную машину, любил работать на ней (знал *рабочий стол, передвижные крючья, штангу с захватами, стол под рамой*). Вспомнил мое недоумение, когда упала знакомая центральная балка. Этот ускользающий последний миг паники! Я пробил мой рабочий стол подбородком; кто-то (мистер Питтс) кричит из приемной, возле меня лежит бюст Вашингтона, расколотый на кусочки.

роджер бевинс iii

Печка тикает. В метущейся панике я перевернул стул. Кровь, текущая по канавкам между досками пола, скапливается, добравшись до кромки ковра в соседней комнате. Меня еще можно оживить. Кто не совершал ошибок? Мир добр, он прощает, он всегда предоставляет второй шанс. Когда я разбил материнскую вазу, мне позволили подмести фруктовый подвал. Когда я недобро поговорил с Софией (нашей горничной), то потом написал ей письмо, и все закончилось хорошо.

ханс воллман

Не позднее чем завтра, если только я приду в себя, она будет моей. Я продам мастерскую. Мы будем путешествовать. В самых разных многочисленных городах я буду видеть ее в новых платьях различных цветов. И платья эти будут падать и падать на пол самых разных комнат. Мы уже друзья, а станем кое-чем гораздо бóльшим; будем работать каждый день, чтобы «расширить границы нашего счастья» (как она однажды красиво сформулировала это). И… еще могут быть и дети. Я не так стар, всего сорок шесть, а она в самом расцете ее…

роджер бевинс iii

Почему мы не делали этого раньше?

ханс воллман

Я столько лет был знаком с этим парнем, но так никогда и не узнал его по-настоящему.

роджер бевинс iii

Это было в высшей степени приятно.

ханс воллман

Но не помогало.

роджер бевинс iii

Тот джентльмен ушел.
Направился в сторону белого каменного дома.

ханс воллман

Это мы его надоумили!

роджер бевинс iii

Ах, какая прекрасная ночь!

ханс воллман

Я возбудил мистера Воллмана.

роджер бевинс iii

После ухода мистера Бевинса меня тут же стало одолевать томление по нему и связанным с ним явлений, томление, сродни тоске по моим родителям, когда я впервые покинул их дом и от-

правился на ученичество в Балтимор… воистину сильное томление.

Такова была напряженность чувств нашего сопребывания в том джентльмене.

Я всегда буду желать увидеть его снова в столь же полной мере: дорогой мистер Бевинс!

ханс воллман

Дорогой мистер Воллман!

Я смотрел на него, он смотрел на меня.

роджер бевинс iii

Мы теперь вечно будем носить в себе частички друг друга.

ханс воллман

Но это было еще не все.

роджер бевинс iii

Мы теперь, казалось, хорошо знали этого джентльмена.

ханс воллман

Изолированный как от Воллмана, так и от этого джентльмена, я вдруг почувствовал, как растет во мне тело пугающего нового знания. Этот джентльмен? Его звали *мистер Линкольн*. Мистер Линкольн был *президентом*. Как такое могло быть? Как такого могло не быть? И при этом я твердо знал, что президент — мистер Тайлер[23].

роджер бевинс iii

Что мистер Полк[24] занимает это почетное кресло.

ханс воллман

И в то же время я всем сердцем понимал, что президент — мистер Линкольн. Мы находились в состоянии войны. Мы не находились в состоянии войны. Повсюду царил хаос. Повсюду царил порядок. Был изобретен аппарат для связи на расстоянии. Никакого такого аппарата не существовало. И не могло существовать. Сама мысль об этом — безумие. И все же я его видел, пользо-

---

[23] Примечания: 23

Джон Тайлер-младший (1790–1862) — десятый президент США (1841–1845). Тайлер стал первым президентом, вступившим на должность не по избранию, а как вице-президент после кончины действующего главы государства.

[24] Примечания: 24

Джеймс Нокс Полк (1795–1849) — одиннадцатый президент США (1845–1849).

вался им; моя память хранила звуки, которые он производит при работе.

Это был *телеграф*.

Бог мой!

роджер бевинс iii

В день, когда упала балка, президентом был Полк. Но теперь, я знаю (с ослепительной ясностью), что после Полка пришел *Тейлор*[25], а после Тейлора *Филлмор*[26], а после Филлмора *Пирс*[27]...

ханс воллман

А после *Пирса* пришел *Бьюкенен*[28], а после *Бьюкенена*...

роджер бевинс iii

---

[25] Примечания: 25

Закари (Захария) Тейлор (1784–1850) — двенадцатый президент США (1849–1850).

[26] Примечания: 26

Миллард Филлмор (1800–1874) — тринадцатый президент США (1850–1853).

[27] Примечания: 27

Франклин Пирс (1804–1869) — четырнадцатый президент США (1853–1857).

[28] Примечания: 28

Джеймс Бьюкенен (1791–1868) — пятнадцатый президент США (1857–1861), последний перед расколом Севера и Юга и Гражданской войной в США.

Линкольн!

ханс воллман

Президент Линкольн!

роджер бевинс iii

Железнодорожные пути теперь уходят за Буффало…

ханс воллман

Гораздо дальше!

роджер бевинс iii

Ночной чепец герцога Йоркского[29] больше не надевают. Есть что-то вроде рукавов с прорезями «Памела».

ханс воллман

В театрах теперь газовое освещение. Причем используются линейные и рамповые светильники.

роджер бевинс iii

Получается не спектакль, а настоящее чудо.

ханс воллман

---

[29] Примечания: 29

Имеется в виду белый кисейный спальный чепец с узкими алыми лентами — «Duke of York Nightcap», «ночной колпак герцога Йоркского» (*англ.*).

Это произвело настоящую революцию в театре.

роджер бевинс iii

Выражения лиц актеров теперь видны яснее.

ханс воллман

Что позволяет достичь абсолютно нового уровня правдоподобия в театре.

роджер бевинс iii

Было бы затруднительно выразить всю сложность впечатлений, произведенных на нас этими новинками.

ханс воллман

Мы развернулись и понеслись скользкóм назад к дому из белого камня, возбужденно разговаривая на бегу.

роджер бевинс iii

Волосы и многочисленные глаза, руки и носы мистера Бевинса рассекали воздух следом.

ханс воллман

Мистер Воллман нес свой огромный член в руках, чтобы не наступить на него.

роджер бевинс iii

Скоро мы неслись по следам мистера Линкольна, так близко, что ощущали его запах.

ханс воллман

Мыло, помада для волос, свинина, кофе, дым.

роджер бевинс iii

Молоко, благовония, кожа.

ханс воллман

Часть вторая

LVI

Вечер 25 февраля 1826 года был холодным, но ясным, благодатное отдохновение от той ужасной погоды, которая стояла до этого в столице. Уилли Линкольн был теперь захоронен, и все официальные мероприятия, связанные с этим, завершились. Страна перевела дыхание, надеясь, что президент может снова со знанием дела встать за штурвал страны в час, когда она более всего нуждалась в этом.

Источник:

«Духовные искания Линкольна: Главное путешествие». С. Р. Депаж.

LVII

К двум часам ночи президент еще не вернулся в Белый дом. Я подумывал, не разбудить ли мне миссис Линкольн. Впрочем, президент нередко отправлялся на верховые прогулки по вечерам один. Он, как правило, отказывался от сопровождения. Сегодня он отправился на прогулку на Маленьком Джеке — любил этого коня. Ночь была влажная и холодная. Пальто свое он не взял — оно висело на крючке. Он продрогнет к возвращению — в этом можно было не сомневаться. Хотя у него и крепкий организм. Я занял свой пост около дверей, время от времени выходил на улицу — не услышу ли стук копыт Маленького Джека. Прошло еще полчаса, а мистер Линкольн так и не появился. Я бы на его месте, подумал я, может, и ускакал бы отсюда, чтобы никогда не возвращаться, доскакал бы до своего Запада к жизни менее ответственной и менее беспокойной. Когда пробило три часа, я начал думать, что он так и сделал.

Я опять подумал, не разбудить ли мне миссис Линкольн. Но жалость не позволила мне сделать это. Она была в очень плохом состоянии. Мне казалось странным, что он оставил ее одну в такое время. Но она, я думаю, приняла много успокоительных и не знала, что его нет.

Хильярд. Там же.
Свидетельство Пола Райлса,
охранника Белого дома.

LVIII

Мэри Линкольн никогда не отличалась душевным здоровьем, и со смертью маленького Уилли закончилась ее активная жизнь жены и матери.

Источник:

«Испытания матери: Мэри Линкольн и Гражданская война». Джейн Костер.

Около двух часов дня я услышала жуткий шум из той части дома, где лежал больной ребенок. Видимо, час настал. Миссис Линкольн пробежала мимо меня, опустив голову, издавая какие-то звуки; никогда — ни до, ни после — я не слышала, чтобы такие звуки вырывались из человеческого горла.

Хильярд. Там же. Свидетельство Софи Ленокс, горничной.

Если взрыв чувств президента позволял описать его состояние, то случившееся с его женой описанию не поддавалось.

Эпштейн. Там же.

Когда она увидела бледное лицо своего мертвого мальчика, у нее начались судороги.

Кекли. Там же.

Мэри Линкольн рухнула на кровать.

Фон Дрель. Там же.

Совсем другая женщина.

Кекли. Там же.

Ей дали лауданум, но даже это сильнодействующее средство не помогло — ее ужасные крики продолжались, ее буйство неверия не утихало.

Костер. Там же.

Миссис Линкольн была слишком больна и не смогла присутствовать на похоронах.

Лич. Там же.

Мэри Линкольн оставалась в кровати десять полных дней после похорон.

Источник:

«Изменившаяся красавица: Путешествие Мэри Линкольн».
Кевин Суарни.

В течение нескольких недель после трагедии миссис Линкольн была не в состоянии выходить из своей комнаты или подниматься с постели.

Слоун. Там же.

Когда месяц спустя она, наконец, появилась, движения у нее были механические, она смотрела на нас так, будто видела в первый раз.

Хильярд. Там же. Свидетельство Д. Стрампхорта, дворецкого.

Некоторые удары слишком тяжелы для тех, кто чересчур хрупок.

Костер. Там же.

И вот она лежала там, страстно желая, чтобы все было не так, как есть; она то не верила в случившееся, то заново убеждалась, что невероятное случилось. Всегда одни и те же стены, постельные принадлежности, чашка, потолок, окна. Она не могла подняться и выйти — мир за окном стал слишком ужасен. Она пригубливала питье с лекарством — единственная ее надежда обрести покой.

Суарни. Там же.

Где ее мальчик? — все время спрашивала она. Где он? Может уже кто-нибудь его найти и немедленно привести к ней? Почему он все время где-то в *другом месте*?

Хильярд. Там же. Свидетельство Софи Ленокс, горничной.

LIX

Все пока тихо, дорогой Брат… Только огонь потрескивает и дорогая Грейс храпит из твоей старой комнаты, куда я ее положила, чтобы ей было легче ухаживать за мной в эти трудные ночи… В лунном свете видна земля напротив, вся забросанная обломками вчерашней сильной бури… Громадные ветки деревьев лежат на склепах и на могилах… Может, ты помнишь одну статую — лысый человек в римской одежде (мы еще его называли «Морти»), он стоит одной ногой на змее, еще как-то раз один молодой озорник много раз подбрасывал вверх свой свитер, пока «Морти» не подхватил его на конец своего меча… так вот, «Морти» больше нет… Или честно сказать, он уже не тот, что прежде… Упавшая ветка ударила бравого римлянина по руке, и она отвалилась, с мечом и всем, а упав, откололась голову змеи… Теперь рука, и меч, и змеиная голова лежат, собранные в кучу… И сам «Морти», словно потрясенный этим доказательством собственной бренности, стоит, чуть покосившись, на своем постаменте.

Видать, вздремнула немного… Да, уже почти

четыре… Там, по другую сторону, лошадь привязана к ограде кладбища. Такая спокойная кляча, качает головой, словно говорит: «Что ж, хотя я и оказалась тут у двора Мертвых во тьме ночной, я Лошадь и должна быть покорной».

И вот теперь меня тревожит тайна… Кто там может находиться в такой поздний час?.. Надеюсь, какой-нибудь молодой джентльмен отдает последний долг своей истинной, но потерянной любви.

Свет горит в маленькой сторожке Мандерса, он расхаживает туда-сюда перед окном, такая уж у него привычка… Ты, может, помнишь, это он приволок лестницу, чтобы снять тот самый свитер с меча «Морти»… Он теперь постарел и выглядит на свои годы, тащит на плечах тяжкий груз семейных забот… Вот он выходит из сторожки… Свет его фонаря исчезает вдали… Я думаю, он ищет нашего «полуночного гостя»… Все это очень странно… Тому, кто может подумать, что болезнь, как у меня, не позволяет чувствовать возбуждения, я бы пожелала посидеть рядом со мной у этого окна в такую ночь… Я, пожалуй, не буду спать и посмотрю, что это за гость, когда Мандерс его выведет.

Перкинс. Там же.

LX

Оставшись на крыше белого каменного дома, я решил предпринять последнюю попытку воззвать к разуму мальчика, который лежит, почти бесчувственный, у моих ног, как ошеломленный и павший паша или принц.

Мои чувства оскорбили незрелые и необдуманные действия мистера Бевинса и мистера Воллмана, которые в своей вечной погоне за любыми развлечениями оставили меня в очень плохом положении. Я работал, как какой-нибудь простой садовник, согнувшись в поясе, хватаясь за щупальца обеими руками. Я должен постоянно решать, разбираться ли мне с несколькими уже прикрепившимися или приниматься за их новообразовавшихся братьев. Но что бы я ни делал, не имело значения: мальчику было отведено не много времени.

Скоро представилась возможность для минутки откровения с ним.

Оглядывая горизонт в поисках никчемных Бевинса и Воллмана, я вместо них увидел братьев Кратчер в сопровождении, как обычно, мистера и миссис Риди, эта четверка составляла ядро той

растленной, дикой когорты, которая обитала близ флагштока.

Мы пришли посмотреть, сказал Мэтт Кратчер.

Угасание, сказал Ричард Кратчер.

Нас это интересует, сказала миссис Риди.

Мы видели это в прошлый раз, сказал Мэтт Кратчер. С той девицей.

Нам оно показалось очень бодрящим, сказал мистер Риди.

Мы вправду подзарядились, сказала миссис Риди.

Всем необходимо подзаряжаться, сказал мистер Риди.

В этой вонючей дыре, сказал Мэтт Кратчер.

Не судите нас, сказал мистер Риди.

Или судите, сказала миссис Риди.

Мы от этого наглеем, сказал Мэтт Кратчер.

Каждому свое, сказал Ричард Кратчер, подступая к миссис Риди.

Может быть, сказала миссис Риди, запуская руку в карман его штанов.

Теперь их группа превратилась во внимательную ненасытную шайку: отвратительные хищники, привлеченные бедственным положением мальчика. А вскоре они занялись каким-то странным делом, сплелись руками и словно

превратились в одно отвратительное существо, что вкупе с двигающимися конечностями и ритмическим дыханием производило отчетливо механическое впечатление.

Что скажешь? — спросил я у мальчика. Это хорошее место? Здоровое место? Тебе эти люди кажутся разумными и достойными подражания?

Как бы то ни было, вы ведь здесь, сказал мальчик.

Я — другой, сказал я.

Не такой, как я?

Не такой как все, ответил я.

Чем не такой? — спросил он.

И я чуть было не сказал ему.

преподобный беверли томас

LXI

Потому что я не такой, как все, да.

В отличие от *этих* (Бевинса, Воллмана, десятка других наивных простачков, среди которых я здесь обитаю), я прекрасно знаю, что я есть.

Я не «хвораю», я «не лежу на полу в кухне», я «не лечусь посредством хворь-ларя», не «жду, когда меня оживят».

Нет.

Даже там, в конце, в нашей гостевой комнате с видом на кирпичи дома Реднелла по соседству, за который цепляется цветущая виноградная лоза (июнь был в самом начале), устойчивое и благодарное состояние разума, которое я пытался культивировать всю жизнь посредством моего служения, привело меня в состояние согласия и покорности, и я прекрасно знал, что я есть.

Покойник.

Я почувствовал желание уйти.

Я ушел.

Да: одновременно став причиной и (трепетным) наблюдателем (изнутри) душераздирающего огнезвука, связанного с явлением взрыва свето-вещества (ощущение, которое я даже не берусь

описать), я пошел.

И обнаружил, что иду по высокогорной тропе, а впереди два человека, которые, как я понял, ушли всего за считанные секунды до меня. На одном был похоронный костюм, очень дешевый, и он посматривал то в одну, то в другую сторону, как турист, и, что довольно странно, напевал себе под нос, из чего можно было заключить, что он пребывает в состоянии бессмысленного счастья, упрямого неведения. Хотя он и был мертвец, но относился к этому, казалось, так: Ха-ха, и что это все такое, а? Другой, с рыжей бородой, в желтом купальном костюме, двигался с сердитым видом, словно чтобы поскорее попасть куда-то, где он очень не хотел оказаться.

Первый человек был из Пенсильвании, второй из Мэна (из Бангора или окрестностей); много времени проводил в полях и часто наведывался на берег, где часами сидел на камнях.

На нем был купальный костюм, потому что он утонул, когда купался.

Я откуда-то знал это.

Периодически, спускаясь по той тропинке, я оказывался и *здесь*. Был в моей могиле; со страхом выпрыгивал из моей могилы при виде того, что лежит в моем гробу (чопорного вида мощи с

высохшим лицом); оставался над моей могилой, нервно прохаживался по ней скользкóм.

Моя жена и прихожане прощались со мной, когда я смотрел на их слезы, то словно чувствовал, как в меня вонзаются маленькие зеленые кинжалы — в буквальном смысле кинжалы. С каждым рыданием кинжал покидал скорбящего и прилетал в меня, очень болезненно вонзаясь в плоть.

А потом я возвращался туда, на ту тропу к двум моим друзьям. Внизу вдалеке лежала долина, и я почему-то знал: мы идем туда. Уже стала видна каменная лестница. Мои спутники замедлили шаг, оглянулись. Узнали во мне священника (меня похоронили в облачении) и словно начали спрашивать: Идти нам дальше?

Я показал: да, идти.

Из долины внизу: какое-то песнопение, возбужденные голоса, звон колоколов. Эти звуки успокаивали меня; мы проделали наш путь, прибыли на место, теперь могли начаться празднества. Я был исполнен счастья оттого, что мою жизнь сочли достойной столь пышного прощания.

А потом, к моему раздражению, я снова оказался здесь; моя жена и прихожане теперь разъ-

езжались в экипажах, посылая в меня время от времени зеленые кинжалы, сила удара которых не уменьшалась по мере удаления уезжающих. Вскоре мои провожающие пересекли Потомак и уже поглощали похоронную трапезу у Преве. Я знал об этом, еще расхаживая туда-сюда перед могилой. Я запаниковал от перспективы увязнуть *здесь*, мечтая лишь о том, чтобы присоединиться к моим друзьям *там*, на той лестнице. *Это* место теперь стало абсолютно непривлекательным: костехранилище, слякотная земля, мусорная свалка, печальные останки обескураживающего и чрезвычайно материального ночного кошмара, от которого я только начал отходить.

Мгновенно (с этой самой мыслью) я снова оказался *там* с моими друзьями, сходил со ступеней на выжженный солнцем луг, на котором стояло большое сооружение, не похожее ни на что из виденного мною прежде, — оно состояло из переплетенных досок и клиньев чистейшего алмаза, искрящегося целой радугой цветов, которые мгновенно изменялись с каждой малейшей переменой в качестве солнечного света.

Мы приблизились рука об руку. Вокруг нас собралась толпа и повела нас. Почетный караул, стоявший у дверей, засветился улыбками при

нашем приближении.

Дверь распахнулась.

Перед нами был выложенный алмазами проход, по нему можно было приблизиться к единственному алмазному столу, за которым сидел человек, и я не сомневался: это принц — не Христос, а прямой посланник Христа. Комната напоминала склад Хартли, место, которое я знал мальчишкой: громадное открытое пространство, высокие пугающие потолки, тем более страшные, если рядом была исполненная власти фигура (самого Хартли в те ранние дни, теперь ставшего посланником Христа), сидящая близ источника тепла и света (тогда очага, а теперь неровного топаза, горящего изнутри на подставке чистого золота).

Мы поняли, что должны выстроиться в прежнем порядке.

Наш рыжебородый друг, нелепый в своем купальном костюме, пошел первым.

С обеих сторон, шагая точно в ногу с ним, по мере того как он приближался к столу, двигались два существа прекрасной внешности: высокие, стройные, а их ноги были как лучи солнечно-желтого света.

Как ты жил? — спросил один из них.

Только говори правду, сказал другой, одновременно они с двух сторон прикоснулись к его голове своими.

Оба засветились от удовольствия, увидев то, что им открылось внутри.

Мы можем подтвердить? — спросил тот, что справа.

Конечно, сказал наш рыжебородый друг. И я надеюсь, вы так и сделаете.

Желтоногий, находившийся справа, пропел единственную радостную ноту, и несколько более мелких его версий *вытанцевались* из него (я использую это слово, чтобы обозначить исключительную грацию их движений), держа большое зеркало, края которого были инкрустированы драгоценными камнями.

Желтоногий слева пропел *свою* единственную радостную ноту, несколько меньших вариантов его самого вывалились из него, покатились, держа весы, вперед в самой изящной последовательности всех вообразимых гимнастических движений.

Быстрая проверка, сказал посланник Христа со своего места за алмазным столом.

Существо справа подняло зеркало перед рыжебородым. Существо слева потянулось к груди

рыжебородого и быстро и странно извиняющимся движением вытащило его сердце и положило его на весы.

Существо справа проверило зеркало. Существо слева проверило весы.

Очень хорошо, сказал посланник Христа.

Мы счастливы за тебя, сказало существо справа, и у меня нет слов, чтобы описать звук радости, который разнесся тогда по тому, что, как я теперь понимаю, было громадным королевством, протянувшимся во всех направлениях от этого места.

Громадный ряд алмазных дверей в дальнем конце зала открылся, за ними обнаружился еще более громадный зал.

Я заметил там, внутри, шатер из чистейшего белого шелка (хотя такое описание унижает его — то был не земной шелк, а более высокая, более идеальная ткань, рядом с которой наш шелк — жалкая имитация), внутри которого вот-вот должен был начаться великий пир, а на возвышении сидел наш хозяин, великолепный король, а рядом с ним стоял пустой стул (не простой — с золотой обивкой, если золото можно свить из света, и каждая частица этого света излучала радость и звук радости), и этот стул, как я понял, предназначался для нашего рыжебородого друга.

Королем в шатре был Христос; Христом был (теперь я это понял) и тот принц/посланник, что сидел за столом в чужом обличье, или вторичной эманации.

Я не могу это объяснить.

Рыжебородый прошел через алмазную дверь своей характерной покачивающейся походочкой, и дверь за ним закрылась.

Никогда за все мои почти восемьдесят лет жизни не чувствовал я большего или более горького контраста между *счастьем* (счастьем, которое я испытывал даже при одном взгляде на шатер с такого большого расстояния) и *печалью* (я не был в шатре, и даже несколько секунд вне его пределов казались ужасающей вечностью).

Я начал плакать, как и мой друг из Пенсильвании в кладбищенской одежде.

Но его слезы хотя бы уравновешивались предвкушением, потому что он был следующим, его разделение с тем местом, таким образом, будет короче моего.

Он шагнул вперед.

Как ты жил? — спросило существо справа.

Говори правду, остерег второй, и оба чуть прикоснулись своими головами к его.

Они отскочили в стороны, потом подбежали

к двум серым каменным вазам по обе стороны большого зала, и их стало рвать — две струи яркой цветной жидкости брызнули в вазы.

Их меньшие версии бросились за полотенцами, и двое принялись отирать рты.

Мы можем подтвердить? — сказал тот, что справа.

Постой, то, что ты видел, сказал другой. Есть там что-то…

Но было слишком поздно.

Существо справа пропело единственную зловещую ноту, и появилось несколько меньших версий его самого, только искалеченных, гримасничающих, они несли зеркало, измазанное фекалиями. Существо слева пропело свою (мрачную, зычную) ноту, и из него вывалились несколько его малых версий, покатились вперед с весами, совершая судорожные неловкие движения, которые почему-то казались обвинительными.

Быстрая проверка, твердо сказал принц-Христос.

Не уверен, что полностью понял инструкции, сказал человек в кладбищенской одежде. Если мне будет позволено…

Существо справа подняло зеркало перед человеком в кладбищенской одежде, а существо слева

ловким агрессивным движением вытащило сердце из груди человека в кладбищенской одежде и положило на весы.

Ай-ай, сказал посланник-Христос.

Звук ужасного негодования и скорби пронесся по королевству.

Распахнулись алмазные двери.

Я в недоумении моргнул, увидев, какие изменения произошли внутри. Шатер теперь был не из шелка, а из плоти (забрызганный, порозовевший от пролитой крови); пиршество было не пиршеством — на длинных столах в шатре лежали многочисленные распростертые человеческие оболочки в различной стадии свежевания, вместо Христа там был зверь с окровавленными руками, длинными клыками в балахоне цвета серы, изгвазданном кусками внутренних органов. Еще были видны три женщины и согбенный старик, оплетенные веревками из (их собственных) кишок (ужасно!), но самым жутким был крик радости, когда моего друга в кладбищенской одежде притащили к ним, и то, что бедняга все еще улыбался, словно заискивал перед своими мучителями, перечисляя благие дела, которые совершил в Пенсильвании, и многочисленных добрых людей, готовых поручиться за него, в

особенности из окрестностей Уилкс-Барри, если только их можно вызвать, а его в это время уже схватили и потащили к разделочному столу несколько сопровождающих, состоящих исключительно из *огня* (их огненное прикосновение мгновенно сожгло его кладбищенский костюм), отчего, когда они его схватили, боль его была так велика, что он утратил способность сопротивляться и вообще двигаться, только его голова на миг повернулась в моем направлении, а глаза, наполненные ужасом, встретились с моими.

Алмазные двери захлопнулись.

Настала моя очередь.

Как ты жил? — спросило существо справа.

Вблизи оно было похоже на мистера Приндла из моей старой школы, чьи тонкие губы садистки вытягивались, когда он методически нас порол.

Говори правду, предупредил другой голосом моего запойного дядюшки Джина (всегда такого грубого со мной; однажды он, напившись, сбросил меня с лестницы амбара), и они с обеих сторон приложили свои головы к моей.

Я постарался полностью впустить их, ничего не утаивать, ничего не скрывать, предоставить им настолько правдивый отчет о моей жизни, насколько это было в моих силах.

Они отскочили от меня даже с еще большей яростью, чем в случае с моим предшественником, а их более мелкие версии прискакали с еще большими серыми каменными сосудами, мои желтоногие судьи склонились над ними, и их сотрясли судороги рвоты.

Я посмотрел на посланника Христа.

Его глаза были опущены.

Можно подтвердить? — спросило существо слева. Справа появилось зеркало в фекалиях. Слева весы.

Быстрая проверка, сказал посланник Христа.

Я развернулся и побежал.

Меня не преследовали. Не знаю почему. Они бы легко могли меня поймать. Конечно, могли бы! Я бежал, рядом с моими ушами свистели огненные плети, и я понял из их шепотка, слова, этими плетьми произносимые:

Никому не говори об этом.

Иначе по твоем возвращении тебе достанется еще больше.

(По моем *возвращении*? — подумал я, и в мое сердце вонзилось щепка ужаса, так до сих пор там и сидит.)

Я бежал дни, недели, месяцы назад по той тропе, пока как-то ночью не остановился передохнуть.

Я заснул и проснулся… здесь.

Снова здесь.

И я благодарен. Глубоко благодарен.

С тех пор я все время здесь и, как мне и сказали, воздерживаюсь говорить что-либо кому-либо.

Какой в этом смысл? Для любого из нас *здесь* всякие изменения, конечно, запоздали. Дело сделано. Мы тени, нематериальные, и поскольку тот суд взвешивает то, что мы сделали (или чего мы не делали) в том предыдущем (материальном) мире, то корректировка остается вне наших возможностей. Наша работа там закончена, мы только ждем расплаты.

Я долго и напряженно размышлял, что могло стать причиной столь ужасного наказания для меня.

Не знаю.

Я не убивал, не крал, не злоупотреблял, не обманывал; я не был совратителем, всегда старался быть милосердным и справедливым; верил в Господа и всегда стремился быть как можно лучше, жить по Его воле.

И все же был проклят.

Может, дело в моем (кратком) периоде сомнений? Или в том, что я иногда испытывал вожделение? Или дело в моей гордыне, когда я

противился вожделению? Или в нерешительности, которую я демонстрировал, не следуя путем вожделения? Или в том, что я растратил жизнь, пытаясь казаться, а не быть праведником? Или в семейных делах допустил какую-то невнимательность, просмотр или ошибку, а теперь не могу вспомнить? Или дело в моем высокомерии (бесконечном!), ведь я верил, что, живя *там* (в границах моего разума и тела), могу вообразить, что произойдет *здесь*? Или это был грех, находящийся настолько далеко за пределами моего понимания, что даже сейчас я не осознаю его и потому готов согрешить снова?

Не знаю.

Много раз меня одолевало искушение выболтать правду мистеру Бевинсу и мистеру Воллману: *Страшный суд ожидает вас*, хотелось мне сказать им. *Остановка здесь — лишь задержка. Вы мертвы и никогда не сможете вернуться в то предыдущее место. С рассветом, когда вы должны занимать свои места в своих телах, вы не замечали, в каком они пребывают отвратительном состоянии? Неужели вы и в самом деле верите, что эти ужасные останки могут снова куда-то вас отнести? Но более того* (если мне позволено сказать): *вам не разрешат оставать-*

ся здесь вечно. Никому из нас не разрешат. Мы бунтуем против воли Господа, и со временем мы должны быть сломлены и уйти.

Но я, как мне и было сказано, хранил молчание.

Пожалуй, это худшая из моих мук: запрет говорить правду. Говорить я могу, но никогда о главном. Бевинс и Воллман считают меня самоуверенным заполошным педантом, занудным стариком; стоит мне что-нибудь им посоветовать, как они закатывают глаза, но как же мало знают они: мой совет основан на горьком и большом опыте.

И вот я трушу и отступаю, прячусь здесь, зная все это время (самое ужасное), что, хотя мне и неведомо, какой грех я совершил, моя надгробная плита стоит, как и в тот ужасный день. Я с тех пор ничего не сделал, чтобы поправить ее. Потому что делать тут нечего, в этом месте, где никакое действие не может иметь значения.

Ужасно.

Совершенно ужасно.

Возможно ли, чтобы чей-то опыт отличался от моего? Может ли кто-то попасть в какое-то другое место? И приобрести там совершенно иной опыт? То есть возможно ли, чтобы виденное мной было

только игрой моего воображения, моих верований, моих надежд, моих тайных страхов?

Нет.

Это было настоящее.

Настоящее, как и деревья, раскачивающиеся сейчас надо мной; настоящее, как светлая гравийная дорожка внизу; настоящее, как чахнущий, оплетенный щупальцами, едва дышащий мальчик у моих ног, плотно связанный, словно пленник диких индейцев, жертва моего небрежения (забывшись в воспоминаниях, я давно перестал освобождать его от пут); настоящее, как мистер Воллман и мистер Бевинс, которые то ли бегут скользкóм по тропе и выглядят счастливее (гораздо счастливее), чем я видел их когда-либо прежде.

Мы сделали это! — сказал Воллман. — Вправду сделали!

Это сделали мы! — сказал Бевинс.

Мы вошли и убедили парня! — сказал Воллман.

Движимые общей радостью, они вместе запрыгнули на крышу.

И в самом деле: чудо из чудес, они вернули того джентльмена. Он вошел на полянку под нами, держа замок, замок от белого каменного дома,

каковой он (хотя и согнутый горем) подбрасывал в руке, как яблоко.

Луна ярко освещала землю, позволяя мне впервые хорошо разглядеть его лицо.

И какое же это было лицо.

преподобный эверли томас

LXII

Нос тяжелый, немного похожий на римский, щеки худые и морщинистые, кожа бронзовая, губы полные, рот широкий.

Источник:

«Личные воспоминания об Аврааме Линкольне во время Гражданской войны». Джеймс Р. Гилмор.

Глаза у него темно-серые, очень выразительные, они меняются в зависимости от настроения.

Источник:

«Жизнь Авраама Линкольна». Айзек Н. Арнольд.

Глаза у него были серого цвета — яркие, блестящие, проницательные.

Источник:

«Фотографии Линкольна: Полный альбом». Ллойд Остендорф. Свидетельство Мартина П. С. Риндлауба.

Впалые серо-карие глаза, под густыми бровями, словно в кольце глубоких и темных морщин.

Источник:

«Личные воспоминания о мистере Линкольне».
Маркиз де Шанбрюн.

Глаза у него были голубовато-карие.

Источник:

«Информаторы Херндона».
Под редакцией Дугласа Л. Уилсона и Родни О. Дэвиса.
Свидетельство Роберта Уилсона.

Глаза у него были голубовато-серые, но всегда в глубокой тени верхних век, необычно тяжелых.

Источник:

«Шесть месяцев в Белом доме: История одной фотографии».
Ф. Б. Карпентер.

Добрые голубые глаза с нависающими, полуопущенными веками.

Источник:

«С Линкольном от Вашингтона до Ричмонда в 1865 г.».
Джон С. Барнс.

Я бы сказал, что глаза президента Линкольна были голубовато-серые, точнее серовато-голубые, потому что, хотя у меня и нет абсолютной уверенности, голубой луч был виден всегда.

Из документов
Рут Пейнтер Рэндалл.
Свидетельство Эдварда Далтона Марчанта.

Печальнее глаз я никогда в жизни не видел.
Источник:

«Меланхолия Линкольна: Как депрессия бросила вызов
президенту и способствовала его величию».
Джошуа Вольф Шенк. Свидетельство
Джона Уидмера.

Ни одна из фотографий не дает представления об этом человеке.
Источник: «Геральд». Город Утика.

Те его фотографии, что мы видим, дают о нем представление разве что наполовину.

Шенк.
Там же. Свидетельство
Орландо Б. Фиклина.

На отдыхе я не видел печальнее лица. Бывали дни, когда я не мог смотреть на него без слез.

Карпентер. Там же.

Но когда он улыбался или смеялся…

Остендорф.
Там же. Свидетельство
Джеймса Майнера.

Оживленное, оно светлело, как зажженный фонарь.

Источник:

«Линкольн, Человек». Донн Пайатт.
Свидетельство журналиста.

В выражении лица Линкольна грустного и Линкольна оживленного было большее различий, чем я видел у какого-либо другого человека.

Источник: Уилсон и Дэвис. Там же.

Свидетельство Хораса Уайта.

Волосы у него были темно-каштановые без всякого намека на лысину.

Источник:

«Истинная история Марии,
жены Линкольна». Кэтрин Хелм.

Свидетельство сенатора Джеймса Харлана.

Волосы у него были черные, все еще без всякой седины.

Источник:

«Главное о вопросах войны». Натаниэль Готорн.

Его волосы, обильно посеребренные, хотя и с преобладанием каштановых; борода у него поседела сильнее.

Источник:

«Портрет президента Линкольна, написанный дамой из Висконсина». Корделия А. П. Харви. «Висконсинский исторический журнал».

Улыбка у него была необыкновенно любезная.

Источник:

«Воспоминания о Гражданской войне: С вождями в Вашингтоне и в жизни в шестидесятые годы». Чарлз А. Дана.

Уши у него были большие, неправильной фор-

мы.

Источник:

«Авраам Линкольн: медицинское заключение».
Авраам М. Гордон.

Когда он пребывал в хорошем настроении, я всегда ждал, что он начнет хлопать ими, как добродушный слон.

Источник:

«Десять лет моей жизни».
Принц Феликс Зальм-Зальмский.

Нос у него был крупнее обычного, но он казался еще больше из-за худобы лица.

Источник:

«Философия здравого смысла Авраама Линкольна».
Эдвард Дж. Кемпф.

Нос у него довольно длинный, но он и сам *длинный*, так что соблюдение пропорций является необходимостью.

Источник:

«Мэри Линкольн: Биография брака».
Рут Пейнтер Рэндалл. Свидетельство солдата.

И Смиялся то же так, что почти никаму было ни смишно а такие ниловкие движения ни были характерны ни для ково они привлекали Всеобщее внимания от выдержаного Старика до Школьника когда на несколько Менут он становился Спакоен и задумчив как Судья на Скамье.

Уилсон и Дэвис.
Там же. Свидетельство
Абнера Эллиса.

Я думаю, что уродливее человека в жизни не видел.

Источник:

«Повседневная жизнь
Авраама Линкольна:
Биография великого американского
президента с абсолютно новой
точки зрения с привлечением
бесценных новых материалов».
Фрэнсис Ф. Браун.
Свидетельство преподобного
Джорджа К. Нойса.

Когда я впервые увидел мистера Линкольна, то подумал, что это самый неказистый человек, с каким я встречался.

Источник:

«Мой день и поколение».
Кларк Е. Карр.

Самый уродливый человек, какого видели мои глаза.

Источник:

«Фотографии Авраама Линкольна».
Фредерик Хилл Мезерв
и Карл Сэндберг.
Свидетельство полковника
Теодора Лаймана.

Самый неказистый человек, какого я видел.

Пайатт. Там же.

Не только самый уродливый человек, какого я видел, но и самый неотесанный и неловкий в манерах и умении держаться.

Источник:

«Линкольн». Дэвид Герберт Дональд.
Свидетельство солдата.

Он никогда не был красивым, но теперь еще с каждым месяцем становился все более нескладным и похожим на покойника.

Источник:

«Вашингтон Линкольна: Воспоминания журналиста, который знал всех». У. А. Кроффат.

Пробыв пять минут в его обществе, вы забывали, что он неказистый и неловкий.

Источник:

«Геральд». Город Утика.

Что касается его лица и осанки, так уникально выкованных природой, то мнения об этом, казалось, зависят более чем обычно от предрасположенности наблюдателя.

Источник:

«Письма Сэма Хьюма». Под редакцией Кристала Барнса.

Мне он никогда не казался уродливым, потому что его лицо, светившееся безграничной добротой и симпатией к человечеству, носило печать интеллектуальной красоты.

Зальм-Зальмский. Там же.

Оно светится хорошим юмором, щедростью и интеллектом, заставляет глаза задерживаться на нем, пока вы чуть ли не начинаете воображать, что оно красиво.

Источник:

«Зарисовки с обочины, Север и Юг».
Лилиан Фостер.

Соседи говорили, что мистер Линкольн покажется мне уродливым, тогда как на самом деле он самый красивый из всех, кого мне доводилось видеть.

Источник:

«Воспоминания
об Аврааме Линкольне
известных людей,
живших в одно время с ним».
Аллен Торндайк Райс.

Я никогда не видел более вдумчивого лица, я никогда не видел более благородного лица.

Райс.
Там же.
Свидетельство Дэвида Локка.

А какой надрыв в этом лице! — изможденном, изборожденном неисчезающими морщинами, с выражением одиночества, словно у души, до глубин печали и горечи которой не в состоянии добраться никакое человеческое сострадание. Уходя, я уносил с собой впечатление, что видел не столько президента Соединенных Штатов, сколько самого печального человека в мире.

Браун. Там же.

LXIII

Когда мистер Линкольн брал цепочку и вешал на нее замок, каждое движение, казалось, требовало от него невероятных усилий.

роджер бевинс iii

Но дверь оставалась приоткрытой, хворь-тело его мальчика находилось внутри, и потому он, казалось, не мог противиться желанию войти в последний раз.

преподобный эверли томас

Спрыгнув с крыши, мы последовали за ним внутрь.

ханс воллман

Близость хворь-тела словно поколебала прежнюю решимость мистера Линкольна, он вытащил ларь из ниши в стене, опустил его на землю.

преподобный эверли томас

Казалось, что заходить дальше он не собирается.

роджер бевинс iii

(Да и то, что сделал, тоже не собирался.)

преподобный эверли томас

Вот только он опустился на колени.

ханс воллман

А встав на колени, он, казалось, не мог противиться желанию открыть ларь в последний раз.

преподобный эверли томас

Он открыл его, заглянул внутрь, вздохнул.

роджер бевинс iii

Протянул руку, поправил прядь волос.

ханс воллман

Слегка передвинул лежавшие одна на другой руки.

роджер бевинс iii

Парнишка закричал с крыши.

ханс воллман

Он совершенно о нем забыл.

роджер бевинс iii

Я вышел, запрыгнул наверх, повозился некоторое время, чтобы освободить его. Он был в плохом состоянии: потерял дар речи, будучи крепко опутан.

И тут мне пришло в голову: если я не могу его *поднять*, то вдруг сумею *столкнуть вниз*.

И я оказался абсолютно прав: он совершенно не обезобразился ниже спины.

Я пробрался руками через тестообразный, все еще формирующийся щиток, нащупал его грудь, а потом хорошенько его толкнул, и он полетел вниз, издав крик боли, пробил крышу и оказался в белом каменном доме.

ханс воллман

Мальчик упал через потолок на землю рядом с отцом.

А сразу же за ним — мистер Воллман.

роджер бевинс iii

Который, стоя на коленях, принялся подталкивать мальчика вперед.

Иди-иди, слушай внимательно. Может, узнаешь что-нибудь полезное.

Мы слышали, как недавно твой отец высказывал одно пожелание, сказал мистер Бевинс.

О том, где, как он надеется, ты находишься, сказал мистер Воллман.

В каком-нибудь светлом месте, сказал мистер Бевинс.

Свободном от страданий, сказал мистер Волл-

ман.

Наслаждаешься новой формой бытия, сказал мистер Бевинс.

Иди, сказал мистер Воллман.

Следуй этим словам, сказал мистер Бевинс. Узнай, чего он хочет от тебя.

преподобный эверли томас

Парнишка неуверенно поднялся на ноги.

ханс воллман

Явно плохо себя чувствуя из-за болезни.

роджер бевинс iii

Старческой походкой он поплелся к отцу.

преподобный эверли томас

Он никогда прежде не входил намеренно в этого человека, только случайно.

ханс воллман

И теперь, казалось, делал это неохотно.

роджер бевинс iii

LXIV

А тем временем толпа вновь собиралась вокруг белого каменного дома.

роджер бевинс iii

Известие о его втором визите быстро распространилось.

преподобный эверли томас

Каждое мгновение прибывали все новые и новые.

ханс воллман

Настолько велико было их желание присутствовать при этом чрезвычайном событии.

роджер бевинс iii

Все жаждали хоть как-то принять участие в судьбоносном мгновении, которое неуклонно надвигалось.

ханс воллман

Они оставили всякие попытки делать вид, что говорят по очереди, многие отчаянно взывали с того места, где находились, кое-кто бесстыдно бросался к открытой двери, чтобы прокричать свою историю.

роджер бевинс iii

В результате вышла какофония.

преподобный эверли томас

LXV

Пожар тот устроил я.

энди торн

Если тока есть хоть малый шанец, я краду.

джанис п. дуайтсон

Я даю ей олмазы и жемчук разбиваю серца жены и детей и продаю дом из под нас чтобы купить больше олмазов и жемчуга а она брасает меня ради мистера холлифена с его большими желтыми смеющимися лошадиными зубами и громадным торчащим брюхом?

роберт г. твистингс

Шестьдесят акров с хорошим доходом и куча свиней и тридцать голов крупного скота и шесть отличных лошадей и каменный дом из булыжника зимой уютный как колыбель и милая жена которая с восторгом смотрит на меня и три милых мальчика которые ловят каждое мое слово и милый фруктовый сад дающий груши яблоки сливы персики а отцу по-прежнему наплевать на меня?

ланс дернинг

Единственно мне не нравится, что я глупа! Всю мою жизнь все относятся ко мне так, будто я глупа. Так оно и есть! Я глупа. Мне даже шитье не по уму. Моя тетушка, которая меня воспитала, целыми часами показывала мне, как нужно шить. Делай это вот так, детка, говорила она. И я делала. Один раз. В следующий раз, когда мне нужно было сделать, как она показывала, я только сидела с поднятой иглой. А тетушка говорила господи боже дитя я тебе в стомиллионный раз показываю. Что бы она мне ни показывала. Видите, я не могу запомнить! Что это было. То что тетушка мне показывала я забыла. Когда молодой человек приходит ухаживать, он говорит всякие слова как например про вительство, а я отвечаю да, о, да, про вительство, моя тетушка как раз учит меня шить. И он бледнеет. Кто хочет любить или содержать такую дуру. Если только она не красива. А я не красива. Так, простушка. Вскоре я буду слишком стара для молодых людей, чтобы приходить и скучать тут, вот и все. И у меня зубы желтеют и некоторые выпадают. Но даже если вы одинокая старая леди, если вы глупы, радости мало. Всегда на вечеринке или где сиди себе тихо у камина, улыбайся, как счастливая, зная, что никто с тобой не хочет говорить.

мисс тамара дулитл

Таскал трубы по семьдесят фунтов вверх на Сватт-Хилл… Домой приходил руки исцарапаны и все в крови… Возил гравий девятнадцать часов подряд… И вот, что я получил?.. Эдна и девочки ходят туда сюда, платья заляпанные, ухаживают за мной… Всегда работал без устали, весело… Как получшеет сразу вернусь… Только моему левому ботинку нужно подошву поменять… И нужно взять, что мне Догерти должен… Эдна об этом не знает… И, боюсь, так оно и останется… А денежки теперь очень нужны… Работать-то я не могу… Если будете так добры сказать Эдне… Чтобы она могла взять… Очень они теперь нужны… Я-то ведь болен и прикован, и от меня им мало проку.

тобин «барсук» мюллер

Мистер Джонс Мелбурн и в самом деле отвел меня в отдаленную часть надела и нехорошо потрогал меня. Я был всего лишь мальчик. А он — преосвященство. Я не произнес (и не мог произнести) ни одного слова протеста. Никогда. Никому. Я хочу сказать об этом сейчас. Я хочу сказать об этом и еще сказать…

веспер йоганнес

Двигаясь на ощупь, появились мистер Декруа и профессор Блумер, они грубо оттолкнули в сторону мистера Йоганнеса, с трудом протиснулись в дверь, соединенные бедрами после стольких лет взаимной лести.

преподобный эверли томас

Я в свое время совершил много открытий прежде не известных в научном пантеоне, за которые мне никогда так и не воздали по заслугам. Я упоминал, насколько тупы были мои ровесники? Мои исследования по важности намного превосходили их. Но они считали, что это их исследования превосходили мои. Они считали меня незначительной фигурой. Тогда как я прекрасно знал, что я фигура довольно крупная. Я написал восемнадцать блестящих томов, каждый из них — совершенно новая почва для таких тем, как…

Тысяча извинений.

К сожалению, я временно не способен вспомнить точные сферы моих исследований.

Я, однако, вспоминаю окончательный позор, когда, после моего ухода и перед тем, как меня переместили сюда (пока я задерживался, возбужденный, в этой знакомой древесине), мой дом был выпотрошен, мои бумаги перенесены на свободный участок и…

профессор эдмунд блумер

Не перевозбуждайтесь, сэр.

Когда вы двигаетесь так резво, мне тут в нашем соединении становится больно.

лоуренс т. декруа

И сожгли!

Они сожгли мои блестящие неопубликованные труды.

профессор эдмунд блумер

Эй, там, послушайте. Вы знаете, что стало с моей фабрикой солений и маринадов? Чтобы не менять тему? Она стоит. Этим я, по крайней мере, горжусь. Хотя маринованных огурцов там больше не делают. Теперь это что-то вроде судостроительного заведения. А название «Маринады Декруа» теперь напрочь…

лоуренс т. декруа

Как это несправедливо! Моя работа, мои прорывные труды, улетели в клубах…

профессор эдмунд блумер

Я чувствую то же самое, вы меня понимаете, я о моей фабрике. Там кипела жизнь в свое время. Звучал утренний гудок, и из ближайших домов выходили семь сотен моих преданных…

лоуренс т. декруа

Спасибо, что согласились признать это несправедливым. Не многие так остро проницательны. Так интуитивно благожелательны. К моей работе. Я верю, вы бы признали во мне великого человека, каким я и был. Если бы мы только встретились! Если бы вы были редактором какого-нибудь из ведущих научных журналов моих дней. Вы могли бы опубликовать мои труды. И постарались, чтобы мне воздали должное. В любом случае я вас благодарю от всего сердца за признание меня одним из самых продвинутых мыслителей своего времени. Я в некоторой мере удовлетворен, будучи наконец признанным в качестве лучшего из умов своего поколения.

профессор эдмунд блумер

Послушайте, вы пробовали мои маринованные огурчики? Если вы ели соленые огурчики в окрестностях Вашингтона в начале века, то скорее всего это были «Декруа вырви глаз».

лоуренс т. декруа

На склянках были красно-желтые ярлычки, если не ошибаюсь. И на каждом изображение росомахи в жилетке?

профессор эдмунд блумер

Да! Это были мои огурчики! Вам они нравились?

лоуренс т. декруа

Очень.

профессор эдмунд блумер

Огромное спасибо за высокую оценку мои огурчиков. Спасибо за ваши слова о том, что из всех огурчиков, выпускавшихся в стране в то время, мои были гораздо лучше остальных.

лоуренс т. декруа

Они были похожи на мои труды: они также в то время превосходили все остальные в мире. Вы так не считаете? Мы сойдемся в этом вопросе?

профессор эдмунд блумер

Думаю, сойдемся.
Думаю, мы уже сошлись.
Во многих случаях прежде.

лоуренс т. декруа

Я надеюсь, вы в скором времени снова напомните мне о том, какого высокого мнения вы были о моих трудах. Меня трогает, что вы так восхищались мною. И, возможно, в скором будущем я снова скажу о том, как прекрасны были ваши огурчики, если это доставляет вам удовольствие. Я буду счастлив сделать это. Вы этого достойны. Вы, такой преданный, человек, который так восхищался мною.

профессор эдмунд блумер

Странно, не правда ли? Посвятить всю жизнь определенному делу, пренебрегая другими сторонами жизни, только для того, чтобы в конце увидеть, как от твоего дела не остается ничего, а продукт твоего труда начисто забыт.

лоуренс т. декруа

К счастью, к нам это не относится.

Как мы (в очередной раз) напомнили себе: наши выдающиеся достижения продолжают жить!

профессор эдмунд блумер

А теперь на дверь налегли Бэроны, протиснулись между этих двух, на короткое время разбив их соединение.

ханс воллман

Опа.

профессор эдмунд блумер

Больно же!

лоуренс т. декруа

За разделение и за новое воссоединение!

профессор эдмунд блумер

Сэр.
Преподобный.

эдди бэрон

Мы не дошли до конца.

бетси бэрон

Вы нас спугнули.
Прежде.

эдди бэрон

И потому.

бетси бэрон

Так вот, как я и говорил:

В ж*** их! Эти ё****ы неблагодарные змеи не имеют никакого трекля**** права винить нас ни в какой их х****, пока они не побывают в нашей ё***** шкуре, а ни один из этих маленьких г****** в не побывал и минуты в нашей ё***** шкуре.

эдди бэрон

Может, у нас и было слишком много вечеринок. Может, поэтому они никогда и не приходят повидаться с нами.

бетси бэрон

Дети эти родились от сморщенной старухи и сморщенного старика, которые ни х** не понимали, как радоваться этой трекля**** жизни, как надо на х** веселиться! Ты знаешь, что такое «вечеринка»? Это праздник. Ты знаешь, что такое «праздновать»? Веселиться, на х**. Радоваться, на х**. Вот мы и пили по глотку этого ё****** эля! Наливали немного трекля**** вина!

эдди бэрон

Опия чуток иног…

бетси бэрон

Ну, может, и пробовали этой х****, чтобы не обидеть… как его. Кто его приносил? Кто начал всю эту…

эдди бэрон

Бенджамин.

бетси бэрон

Ах, Бенджамин, Бенджи! Помнишь его ё***** усы? Помнишь, мы его как-то раз у Макмуррея повалили и держали, пока все не сбрили?

эдди бэрон

Я один раз делала с Бенджи двуспинного зверя[30].

бетси бэрон

А кто не делал? Ха-ха! Нет, хотя я лично не делал с Бенджи этого ё***** двуспинного зверя, насколько мне помнится, но были случаи, когда среди общего… ммм… веселья было х** поймешь кто с кем делает этого трекля**** двуспинного зверя…

эдди бэрон

---

[30] Примечания: 30

Эта метафора восходит к трагедии Шекспира «Отелло» и имеет в виду сексуальное соединение.

А потом из толпы раздался оглушительный крик…

преподобный эверли томас

И пошел недовольный ропот…

роджер бевинс iii

И многие начали кричать, говорить, нет, нет, это было неподобающе, требовали, чтобы «негритосы»…

преподобный эверли томас

«Черные обезьяны…»

ханс воллман

«Проклятые дикари…»

роджер бевинс iii

Вернулись немедленно туда, откуда они заявились.

преподобный эверли томас

Случай судьбоносный, и они не должны его испортить.

ханс воллман

Пусть и они используют свой шанс, прокричал кто-то из толпы. В этом месте мы все равны.

Говори за себя, прокричал кто-то другой.

И мы услышали звуки ударов.

преподобный эверли томас

Но нескольких мужчин и женщин черного цвета, смело последовавших за Бэронами из общей могилы по другую сторону забора…

роджер бевинс iii

Никак было не разубедить.

ханс воллман

И они, казалось, настоят на своем.

преподобный эверли томас

LXVI

Я всегда во всех своих проявлениях пытался подняться на вершину, погрузиться там в себя, в те высокие добродетели, оставшись без которых можно пасть воистину глубоко, а, погрязнув в своих невзгодах, чего можно ждать.

элсон фарвелл

Что за х****ю он несет?

эдди бэрон

Скажи это попроще, Элсон. Чтобы они поняли твою х****.

бетси бэрон

Рожденный не по своей воле для несчастливой судьбы, в чем была бы радость, если бы, оседлав печальную судьбу нераскаянным, я только покорствовал, но другое дело, что я всегда вместо этого был счастлив возложить на свои плечи нелегкую ношу, постоянно лихорадочно использовал любую возможность самосовершенствования, например, читал книги (откуда я многие минуты похищал, самозабвенно накапливая обширные выдержки на листах, собранных благодаря небрежению мистер Иста), чтобы набираться мудрости: находить и исследовать, что есть в моей душе лучшего и лучезарного, как то: чистые салфетки и скатерти, мягкие движения (как в танце), сверкающие вилки, высоко поднятые посреди разговора под радостный победительный смех.

элсон фарвелл

Милейший м***к, но заплетает жуткую х***ю.

эдди бэрон

Его бедро из нашей ямы? Прямо в мое бедро.

бетси бэрон

Его ж*** упирается мне в плечо, вот сюда.

эдди бэрон

Мы не возражаем. Он наш друг.

бетси бэрон

Он один из них, но все же наш друг.

эдди бэрон

Всегда вежливый.

бетси бэрон

Знает свое место.

эдди бэрон

Я чувствовал, что, приближая себя к тем более высоким меридианам, я выставлю напоказ мои наиболее яркие стороны, и достаточно скоро (спешили мои надежды), Исты, сердечно обсуждающие мои виды на будущее в некой комнате постоянного сияния, решат ко всему прочему *повысит*ь меня до дома, и тут же мои страдания, которые за прошедшие годы выградуировались, вызубрились и выгневились, заслуженно журя мою возвышенную чувствительность, будут преобращены, и под радостные крики я получу ту жизнь, которая, будучи более нежной (то есть меньше укоров, больше добрых улыбок), будет, ах…

элсон фарвелл

Смягчена.

эдди бэрон

Он всегда в этом месте забывает слово «смягчена».

бетси бэрон

Смягчена, да.

Смягчит мои прежние несчастья.

элсон фарвелл

Вот оно.

бетси бэрон

Чем безумнее он становится, тем лучше говорит.

эдди бэрон

Но увы.

Как выяснилось.

Мои прежние несчастья не были смягчены.

Отнюдь не были.

Как-то раз нас вывезли из Вашингтона за город на фейерверк. Заболевая, я споткнулся на тропинке и не смог встать, и под ярко светившим солнцем, как я корчился на…

Ах.

элсон фарвелл

Как «корчился на тропе, но никто не подошел».

бетси бэрон

Как я корчился на тропе, но никто не подошел. Пока наконец младший ребенок Иста, Реджинальд, проходя мимо, не спросил: Элсон, ты не заболел? И я ответил, что заболел, сильно. И он сказал, что немедленно пришлет кого-нибудь ко мне.

Но никто так и не пришел. Мистер Ист не пришел, миссис Ист не пришла, ни один из других детей Иста не пришел, даже мистер Частерли, наш жестокий самодовольный надсмотрщик, не пришел.

Я думаю, Реджинальд мог бы прийти, но в том возбуждении, в каком все находились из-за фейерверка, забыл.

Забыл обо мне.

О том, который знал его с рождения.

И лежа там…

Черт побери.

элсон фарвелл

Лежа там, ты понял «с силой откровения».

эдди бэрон

Лежа там, я понял с силой откровения, что я (Элсон Фарвелл, лучший мальчик, любимый сын моей матери) был так жестоко обманут (цветные ракеты теперь взрывались над головой приобретали форму Старой Славы[31], или гуляющего цыпленка, или зелено-золотой кометы, словно празднуя ту Шутку, что сыграли надо мной, и каждый новый взрыв вызывал новые возгласы удовлетворения жирных избалованных детей Иста), и я сожалел о каждом мгновении примирения, и улыбок, и оживленного ожидания, и желал всем сердцем (там, в проникающем сквозь листву свете луны, который в мои последние мгновения весь превратился в тьму), чтобы здоровье вернулось ко мне, хотя бы только на час, чтобы я мог исправить мою большую ошибку, избавиться от всякого подобострастия, и заискивания, и сюсюканья, и мыслей о карьерном росте, и вернулся бы к этим всегда счастливым Истам и измолотил, исполосовал, изорвал и уничтожил их, разнес в пух и прах тот шатер, и сжег тот дом, и таким образом утвердил бы за собой…

Ох.

элсон фарвелл

---

[31] Примечания: 31
Название флага США.

«Малую толику человеческого, потому что только животное…»

бетси бэрон

Малую толику человеческого, да, потому что только животное смогло бы вынести то, что без малейших возражений вынес я; никакое животное не согласилось бы перенять манеры своих хозяев и таким образом получить надежду на вознаграждение.

Но было слишком поздно.

Теперь слишком поздно.

И всегда будет слишком поздно.

Когда мое отсутствие на следующий день было замечено, они отправили назад мистера Частерли, и он, найдя меня, не счел нужным принести меня домой, он договорился с одним немцем, который бросил меня на телегу с несколькими другими…

элсон фарвелл

Этот трекл**** фриц украл полкраюхи хлеба у моей жены.

эдди бэрон

Хороший был хлеб.

бетси бэрон

Тогда-то мы и познакомились с Элсоном.

эдди бэрон

На той телеге.

бетси бэрон

И с тех пор дружим.

эдди бэрон

Я никогда не уйду отсюда, пока не отомщу.

элсон фарвелл

Ни х** ты не отомстишь, приятель.

эдди бэрон

В том, что произошло с тобой, есть свой урок, Элсон.

бетси бэрон

Если ты не белый, не пытайся быть белым.

эдди бэрон

Если бы я мог вернуться в то предыдущее место, то теперь отомстил бы за себя.

Уронил бы полку в спальне на жирную голову маленького Реджинальда; устроил бы так, чтобы миссис сломала себе шею на лестнице; устроил бы так, чтобы одежда на мистере загорелась, когда он сидел бы у ее паралитической кровати; наслал бы чуму на этот дом и убил всех детей, даже малютку, которого я прежде очень…

элсон фарвелл

Что ж, должен сказать, Элсон, — и прости, что прерываю — я не пережил таких ужасов, о которых ты рассказываешь.

Мистер Коннер, и его добрая жена, и все его дети и внуки были для меня как *семья*. Меня никогда не разделяли с моей собственной женой или детьми. Мы хорошо питались, нас никогда не били. Нас поселили в небольшом, но милом желтом домике. С учетом всего это было очень неплохо. Все люди работают в условиях некоторого ограничения их прав; абсолютной свободы не существует. Я просто жил (как я чувствовал, по большей части) *жизнью, о которой любой другой человек может только мечтать*. Я обожал жену и наших детей. И делал то, что делал бы любой работник: ровно то, что было выгодно им и позволяло жить вместе в радости всем нам, то есть я старался делать все, чтобы быть добрым и

достойным слугой для людей, которые, к нашему счастью, и сами были добрыми и достойными.

Конечно, всегда бывают минуты, когда получаешь приказание, когда тоненький недовольный голос в каком-то отдаленном углу твоей головы начинает возражать. Тогда ты должен *игнорировать* этот голос. Не то чтобы этот голос звучал вызывающе или особенно сердито, просто это тоненький *человеческий* голос говорит: я хочу делать то, что я хочу делать, а не то, что ты мне говоришь.

И должен сказать, этот голос никогда не удавалось заглушить.

Хотя с годами он становился все тише.

Но я не должен слишком уж сетовать по этому поводу. У меня было много счастливых мгновений свободы. Днем по средам, например, когда я получал два свободных часа для себя, и целый день каждое третье воскресенье, если не возникало чего-нибудь срочного. Должен признать, мои радости во время этих свободных часов были довольно простыми, почти детскими: *Пойду и поговорю с Редом. Пойду к пруду, посижу немного. Пойду по этой тропинке, а не по той.* И никто не закричит «Томас, поди сюда», или «Томас, будь добр, этот поднос», «Томас, эту грядку нужно про-

полоть, позови-ка Чарлза и Вайолет, поставь их на работу, старина».

Если, конечно, в таком перерыве не было необходимости. Тогда они, естественно, должны были прервать меня. Даже днем в среду. Или в воскресенье. Или в любой день, как бы поздно ни было. Когда я делил с женой интимные моменты. Или забывался глубоким сном. Или молился. Или сидел в уборной.

И все же были у меня минуты. Мои свободные, никем не прерываемые, предоставленные только мне минуты.

Но странно: именно воспоминания о *таких* минутах и беспокоят меня больше всего.

То есть мысль о том, что жизнь других людей полностью состоит из таких моментов.

томас хэвенс

И как же случилось, что вы оказались в нашей яме, сэр?

элсон фарвелл

Я был в городе. С поручением. И вдруг боль в груди, и…

томас хэвенс

И вас не искали?

элсон фарвелл

Очень даже искали!

До сих пор ищут, я уверен.

Моя жена, прежде всего мистер и миссис Коннер в полной мере оказывают ей помощь.

Просто… пока они меня не нашли.

томас хэвенс

Этого парня решительно отвела в сторону молодая мулатка в белом халате и кружевном чепце с синей каемкой, ее всю трясло; она отличалась столь необыкновенной красотой, что среди белых соискателей возник ропот.

роджер бевинс iii

Давай, Литци. Сейчас или вообще в ж*** никогда.

бетси бэрон

##########

литци райт

Молчание.

эдди бэрон

Как всегда.

бетси бэрон

Ни х** себе, как с ней поработали, а? Чтобы так надежно заткнуть ей глотку.

эдди бэрон

К мулатке подошла толстая негритянка в годах, во всех отношениях женщина крупная и бесконечно веселая в том предыдущем месте, от чьей веселости здесь не осталось и следа, одна синюшность и хмурость; и ноги у нее были стоптаны до костей, за собой она оставляла два кровавых следа, а когда она ухватила руками (тоже протертыми до костей) бедра мулатки, чтобы поддержать ее, на той тоже остались кровавые следы в двух местах на белом халате, и мулатка продолжала бубнить и трястись.

преподобный эверли томас

################

литци райт

То, что с ней сделали, с ней делали много раз и многие. Тому, что с ней делали, невозможно было противиться, и она не противилась, иногда противилась, а это приводило иногда к тому, что ее отправляли в какое-нибудь куда худшее место,

иной раз ее сопротивление просто преодолевалось силой (кулаком, коленом, ударом доской и еще чем-то). То, что делали с ней, делали снова и снова. Или только один раз. То, что с ней делали, никак не влияло на нее или очень сильно на нее влияло, доводило до нервных срывов, исторгало из нее слова ненависти, заставляло прыгать с моста, перекинутого через Кедровый ручей, погружало в упрямое молчание. То, что делали с ней, делали большие мужчины, маленькие мужчины, мужчины-хозяева, мужчины, которые случайно проходили мимо поля, на котором она работала, сыновья-подростки мужчин-хозяев или мужчин, которые проходили случайно, трое кутил, которые выскочили из дома и, перед тем как уехать, увидели ее за колкой дров. То, что делали с ней, делали постоянно, словно некое зловещее посещение церкви; это делали с ней без всякой регулярности; это никогда с ней не делали, ни разу, но только постоянно пугали: угрозами и по разрешению; а делали с ней вот что: трахали в миссионерской позе; трахали анально (а ведь бедняжка даже не подозревала, что такое возможно); вытворяли с ней и всякие маленькие извращения (под хор грубых слов ошеломленных сельских мужей, которые прежде и представить

не могли, чтобы такое делали с женщинами их расы), делали это с ней так, словно никого не было вокруг, только он, мужчина, который делал это, а она была не более чем (теплой, безмолвной) восковой куклой; а делали с ней то, что каждому хотелось, и если кому-то хотелось сделать это с ней как бы чуть-чуть, что ж, и это было возможно, люди делали это, оно делалось, это делалось, и делалось, и делалось…

миссис фрэнсис ходж

Лейтенант Стоун (с криком: «Назад, ОСКОЛКИ, назад, говорю») быстро двигался во главе группы плечистых белых мужчин (Пти, Дейли и Бернс среди них), которые грубо оттолкнули черных соискателей от белого каменного дома, грозя им упавшими ветками, которые держали горизонтально на уровне груди.

роджер бевинс iii

Крики ярости доносились со стороны черного контингента.

ханс воллман

Ах, сказал мистер Хэвенс. Здесь — как там?

миссис фрэнсис ходж

Не так нах** грубо!

эдди бэрон

Мы их знаем. Нормальные ребята!

бетси бэрон

Пти, Бернс и Дейли, широкие красные лица, искаженные яростью, угрожающе надвигались на Бэронов, вынудив пару скромно отступить и скрыться в толпе.

ханс воллман

По сигналу лейтенанта Стоуна патруль ринулся вперед, прижал черный контингент к вселяющей ужас металлической ограде.

преподобный эверли томас

(Которая в них вовсе не так уж и вселяла ужас.

Поскольку она производила пагубное воздействие только на тех из нас, кто жительствовал в ее границах.)

ханс воллман

И потому они загнали себя в тупик: лейтенант Стоун и патруль из-за тошноты не могли продвинуться достаточно далеко, чтобы изгнать черный контингент за ограду, а те, кто достиг пределов готовности воспротивиться такому натиску, продолжали держаться на своих позициях по *эту* сторону.

преподобный эверли томас

А тем временем десятки (белых) соискателей бросились, воспользовавшись случаем, на место, освободившееся перед белым каменным домом, выстанывая свои истории в дверь, и в конечном счете среди этого хора отчаяния невозможно стало различать отдельные голоса.

ханс воллман

LXVII

Мистер Линкольн ничего этого, конечно, не слышал.

Для него это был безмолвный склеп в глухой ночи.

преподобный эверли томас

И вот наступил критический момент.

роджер бевинс iii

Мальчик и отец должны вступить во взаимодействие.

ханс воллман

Взаимодействие должно приободрить мальчика; должно позволить ему или воодушевить его на уход.

роджер бевинс iii

Иначе все было напрасно.

преподобный эверли томас

Почему ты задерживаешься? — спросил мистер Воллман у мальчика.

роджер бевинс iii

Тот глубоко вздохнул, приготовился, казалось, войти, наконец, и получить наставление.

ханс воллман

LXVIII

Но тут: вот невезение.

роджер бевинс iii

Темноту прорезал свет фонаря.

ханс воллман

Мистер Мандерс.
Ночной сторож.

роджер бевинс iii

Он подошел, оглядываясь, как всегда оглядывается, когда среди нас: пугливый, несколько смущенный собственной пугливостью, он торопится вернуться в свою сторожку.

преподобный эверли томас

Мы симпатизировали Мандерсу, который во время таких обходов собирал все свое мужество, кричал нам приветливо, заверял, что дела «там» идут, как всегда, то есть люди едят, занимаются любовью, ссорятся, рождаются, напиваются, враждуют, все движется стремительно. Иногда по ночам он упоминал своих детей…

роджер бевинс iii

Филиппа, Мэри, Джека.

ханс воллман

И докладывал нам, как они поживают.

роджер бевинс iii

Мы ценили эти рассказы больше, чем можно было ожидать, с учетом шутливого духа, в котором они до нас доносились.

ханс воллман

Придя сегодня, он позвал некоего «мистера Линкольна», время от времени разнообразя форму обращения и выкрикивая «мистер президент».

преподобный эверли томас

Хотя нам нравился Мандерс…

ханс воллман

Время он выбрал самое неудачное.

преподобный эверли томас

Ужасное.

роджер бевинс iii

Хуже не придумаешь.

ханс воллман

Он зовет моего отца, сказал мальчик, который стоял на слабых ногах у стены близ двери.

Твой отец президент? — иронически спросил преподобный.

Да, ответил мальчик.

Президент чего? — спросил преподобный.

Соединенных Штатов, сказал мальчик.

Это правда, сказал я преподобному. Он президент. Много времени прошло. Есть такой штат — Миннесота.

Мы воюем, сказал мистер Воллман. Воюем сами с собой. Пушки значительно усовершенствованы.

Солдаты квартируют в Капитолии, сказал я.

Мы все это видели, сказал мистер Воллман.

Когда были там с ним, сказал я.

роджер бевинс iii

Мистер Мандерс вошел в дверь, и в ограниченном пространстве его фонарь засиял.

ханс воллман

То, что прежде было темным, теперь ярко сверкало; на каменных стенах мы могли разглядеть трещинки и выбоины, на пальто мистера Линкольна — складки.

роджер бевинс iii

Бледное, изможденное хворь-тело паренька.

ханс воллман

Которое лежало в…

преподобный эверли томас

В хворь-ларе.

ханс воллман

Ах, сказал Мандерс. Вот где вы. Сэр.

Да, сказал мистер Линкольн.

Очень сожалею, что помешал, сказал Мандерс. Я думал… я думал, вам понадобится свет. На обратном пути.

Мистер Линкольн довольно медленно поднялся и пожал руку мистеру Мандерсу.

роджер бевинс iii

Казалось, что ему не по себе.

ханс воллман

Был, вероятно, смущен тем, что его застали здесь.

преподобный эверли томас

Стоящим на коленях перед хворь-ларем своего сына.

ханс воллман

Открытым хворь-ларем.

преподобный эверли томас

Взгляд мистера Мандерса невольно переместился с мистера Линкольна на содержимое хворь-ларя.

ханс воллман

Мистер Линкольн спросил, каким образом мистер Мандерс найдет без света путь назад. Мистер Мандерс ответил, что, хотя он, будучи в некотором роде слабонервным, все же и предпочитает свет, он знает это место как свои пять пальцев. Мистер Линкольн сказал, что, если мистер Мандерс даст ему еще несколько мгновений, то они смогут вернуться вместе. Мистер Мандерс согласился и отошел в сторону.

роджер бевинс iii

Катастрофа.

преподобный эверли томас

Они совершенно не взаимодействовали.

ханс воллман

Пока не произошло ничего такого, что могло бы пойти на пользу мальчику.

роджер бевинс iii

Но он так и не отозвался.

ханс воллман

Так и стоял, продолжая опираться о стену, замерев от страха.

преподобный эверли томас

Но потом мы увидели, что это вовсе не страх.

Стена за ним разжижилась, сквозь нее просунулись щупальца, и теперь четыре или пять обвились вокруг его талии: ужасный шевелящийся пояс, крепко удерживающий его.

роджер бевинс iii

Нам требовалось время, чтобы его освободить.

ханс воллман

Мы должны были как-то задержать джентльмена.

преподобный эверли томас

Я посмотрел на мистера Бевинса.

Он посмотрел на меня.

ханс воллман

Мы поняли, что необходимо сделать.

роджер бевинс iii

У нас была способность. Убеждать.

ханс воллман

Мы только что делали это, еще и часа не прошло.

роджер бевинс iii

Мистер Бевинс был моложе, имел множество (очень сильных) рук, тогда как я, обнаженный и постоянно встречавший препятствия в виде сильных недугов, плохо годился для требовавшей больших усилий работы по освобождению паренька.

И потому я вошел внутрь, в мистера Линкольна, один.

ханс воллман

LXIX

И Господи Боже как же ему было плохо.

Он пытался попрощаться, сформулировав что-то позитивное, не желая расставаться навсегда в мрачном настроении, чтобы парнишка как-то это не почувствовал (хотя он и говорил себе, что парень уже за пределами того состояния, в котором что-то чувствуют); но его переполняли печаль, вина и сожаление, а больше он ничего не испытывал. Поэтому он медлил, надеясь, что душа его обретет хоть какое-нибудь утешение, которое он мог бы сохранить.

Но ничего такого не появлялось.

Он был расстроен, более холоден, чем прежде, и печальнее, и когда он направил свои мысли вовне в поисках утешения своей жизни *там*, и воодушевления от своих планов и высокого уважения, которое он заслужил, никакого утешения не нашел, напротив: казалось, что все о нем не такого уж высокого мнения, да и достиг он не бог весть чего.

ханс воллман

LXX

По мере того как число погибших росло и достигло невообразимых цифр, а скорбь накладывалась на скорбь, страна, которая прежде почти не знала жертв, стала обвинять мистера Линкольна в том, что он проявил нерешительность и некомпетентность в роли верховного главнокомандующего.

Источник:

«Непопулярный мистер Линкольн: История президента Америки, которого осуждали чаще других». Ларри Тагг.

Презднт идиот.

Источник:

«Записки Джорджа Б. Макклеллана о Гражданской войне». Под редакцией Стивена Сиарса.

Тщеславный, слабый, неразвитый, лицемерный, невоспитанный, неприятный в общении, а когда говорит с вами, наносит вам удары прямо под ребра.

Источник:

«Военные годы». Карл Сандберг. Свидетельство Шеррарда Клеменса.

Явно человек из актерского состава низшей квалификации, совершенно неадекватный в условиях кризиса.

Источник:

«Явление Линкольна: Пролог к Гражданской войне 1859–1861 гг.». Аллан Невинс. Свидетельство Эдварда Эверетта.

От его речей мухи дохли. Они обратили в бегство все представления о величии.

Тагг. Там же. Свидетельство конгрессмена Чарлза Фрэнсиса Адамса.

Как ни посмотри, слабейший из всех когда-либо избиравшихся.

Клеменс. Там же.

Останется в памяти потомков, как человек, который не замечал знаков времени, не понимал ни историю, ни интересы своей страны… у которого не было никакой склонности к политике. Не разработав никакого плана, он вверг свою страну в войну; этот человек потерпел крах, не имея оправданий, и растерял всех друзей.

Тагг.
Там же. «Морнинг пост», Лондон.

Народ в течение девятнадцати месяцев шел по вашему зову и отдавал сыновей, братьев, мужей и деньги. И каков результат? Вы хоть в какие-то мгновения осознаете, что опустошение, печаль, скорбь, которые возобладали в стране, это дело рук ваших? Что молодые люди, которые были искалечены, изуродованы, убиты, навсегда остались инвалидами, пострадали из-за вашей слабости, нерешительности и недостатка нравственного мужества?

Тагг.
Там же. Письмо от С. У. Оуки.

Деньги утекают, десятки тысяч людей ждут, их перегруппировывают без всякой мысли, они бесцельно маршируют по дорогим мостам, наведенным для такого случая, возвращаются назад

по тем же мостам, которые после этого разбирают. И все безрезультатно.

Источник: «Письма юниониста». Тобиан Клиарли.

Если ты не уйдешь в Отставку, мы запустим паука тебе в штаны, перевернем все у тебя вверх дном будь ты хоть бог или всемогущее черт побери васкресенье раждества отправляйся в ад и пацелуй меня в Жопу отсоси член и назови мои яйцы своим дядюшкой Хером черт бы подрал дурака и чертова Эйба Линкольна, который хотел бы чтобы ты был проклят извини меня за употребление таких нехороших слов о тебе но ты заслужил потому что ты будь ты проклят всего лишь Черножопый нигер.

Источник:

«Дорогой мистер Линкольн».
Под редакцией Харольда Холцера.

Если моя жена хочет уйти от меня, то могу ли я силой оружия заставить ее оставаться в нашем «союзе»? В особенности, если она более яростный боец, чем я, лучше организована и полна решимости освободиться от меня?

Источник:

«Голоса разделенной земли».
Под редакцией Бейнса и Эдгара.
Свидетельство П. Маллона.

Выложить тела в линию; пройти из конца в конец; посмотреть на всех отцов, мужей, братьев, сыновей; прикинуть заплаченную цену и подумать (как делают наши военные, тайно зубоскалящие на сей счет, а все они это делают), что эта мрачная шеренга погубленных — лишь начало приливной волны смертей молодых людей, которая непременно вскоре обрушится на нас.

Источник:

«Филд-газетт», Аллентаун.

Мир, сэр! Сотворите мир — крик человека, который раздается по меньшей мере со времен Спасителя. Стоит ли не замечать его сейчас? Благословенны миротворцы, сказано в Священном Писании, и мы должны исходить из того, что верно и противоположное: Прокляты поджигатели войны, как бы они ни верили в справедливость своего дела.

Источник:

«Труз-сентинел», Кливленд.

Мы не Соглашались и никогда не Согласимся сражаться за Ниггеров, на каторых нам насрать.

Источник:

«Забытые голоса Гражданской войны».
Под редакцией Дж. Б. Стрейта.
Письмо нью-йоркского пехотинца Линкольну.

Вы захватили власть, сделались диктатором, установили новую единоличную форму правления, которая должна попирать права человека. Ваше правление предвещает страшные времена, когда все наши свободы будут утрачены ради нерушимости власти. Отцы-основатели смотрят на нас с недоумением.

Источник:

«Негодяй Линкольн».
Р. Б. Арнольдс.
Свидетельство
Даррела Камберленда.

Перед нами дилемма: что делать, когда его власть должна продлиться еще два года и когда существование нашей страны находится под угрозой, пока его не сменит человек, наделенный здравым смыслом. Как трудно при желании спасти страну выносить некомпетентного человека.

Источник:

«Переоценка Линкольна», Дэвид Герберт Дональд. Письмо Джорджа Банкрофта Фрэнсису Либеру.

Если Эйб Линкольн будет переизбран на еще один четырехлетний срок такого же ужасного управления, мы надеемся, что ради всеобщего блага найдется смелый человек, который вонзит кинжал в грудь тирана.

Источник: «Демократ Ла-Кросса».

Старый Эйб Линкольн

Будь проклята твоя проклятая старая горящая в огне богом проклятая душа в аду и будь проклята твоя проклятая богом семья в аду и божье проклятие на них проклятых и будь прокляты твои проклятые богом друзья в аду будь прокляты их богом проклятые души проклятие на них будь они прокляты.

Холцер. Там же.

LXXI

Ну и что с того.

Никто из тех, кто хоть когда-либо сделал что-либо достойное, не обошелся без проклятий в свой адрес. Что же касается конкретного дела (что же касается его), то я, по крайней мере, выше всяких…

Так думал мистер Линкольн.

Но потом его (*наши*) глаза закрылись, и лицо исказилось от печального воспоминания.

ханс воллман

LXXII

Безжалостные слова осуждения в те жуткие дни звучали снова и снова, люди доверительно говорили друг другу, что спасти жизнь мальчика можно было бы, полностью оградив его от влияния родителей.

Источник:

«Муки прерии: Психология Линкольна». Джеймс Спайсер.

Уилли так радовался маленькому пони, что хотел кататься на нем каждый день. Погода стояла переменчивая, мальчик сильно простудился, простуда перешла в горячку.

Кекли. Там же.

Почему, спрашивали люди, мальчик катается на пони без куртки, когда дождь льет как из ведра?

Спайсер. Там же.

Все, кто знал детей Линкольна лично и видел, как они носятся по Белому дому, словно два дикаря, могут подтвердить тот факт, что в этом доме постоянно царил бедлам, а отсутствие всяких

ограничений путали с родительской любовью.

Источник:

«Случайный Иегова: Уилл, Фокус и Большая Нужда». Редактор-составитель Кристен Тоулбранд.

[Линкольн] никак не управлял своей семьей. Его дети делали, что душа пожелает. Он одобрял многие их проделки, ни в чем не ограничивая. Никогда не укорял их, не выговаривал по-отцовски.

Источник:

«Жизнь Линкольна». Уильям Х. Херндон и Джесси У. Уэйк.

Он всегда говорил «[Я] рад, что мои дети свободны — счастливы и не ограничены родительской тиранией. Любовь — это цепь, которой ребенка привязывают к родителям».

Источник:

«Информаторы Херндона». Под редакцией Дугласа Л. Уилсона и Родни О. Дэвиса. Свидетельство Мэри Линкольн.

Дети бросали книги… Пустые ведра с пеплом…

угольный пепел… чернильницу… бумаги… золотые перья… письма и проч. и проч. в кучу и плясали на ней. Линкольн ничего не говорил, он совершенно не замечал или вообще был слеп к недостаткам детей. Если бы они на***** в шляпу Линкольна и натерли дерьмом его ботинки, он бы рассмеялся и решил, что это ловко сделано.

Источник:

«Херндон о Линкольне: письма». Под редакцией Дугласа Л. Уилсона и Родни О. Дэвиса. Письмо Джесси К. Уэйку.

Они могли пронестись мимо него по каким-нибудь своим делам, а он даже не отрывался от работы. Потому что Линкольн (забудем обо всей последующей агиографии) был человеком честолюбивым… чуть ли не маниакально честолюбивым.

Источник:

«Они знали его». Под редакцией Леоноры Морхаус. Свидетельство Теодора Бласгена.

[Любой] человек, который думает, что Линкольн сидел и смиренно ждал, когда люди призовут его, имеет весьма ошибочное пред-

ставление о Линкольне. Он всегда рассчитывал, всегда планировал. Его амбиции были маленьким моторчиком, не знавшим покоя.

Источник:

«Внутренний мир Авраама Линкольна». Майкл Берлингейм. Свидетельство Уильяма М. Херндона.

Человек вроде меня, который давно принял решение забыть обо всех мирских страстях ради более скромных радостей дома и семьи и принять как следствие этого решения менее яркую общественную жизнь, может только представлять черные тучи, которые собирались над головой того, кто задумывался о том, что *могло бы* произойти, если бы все его внимание было соответствующим образом сосредоточено на делах домашних.

Источник:

«Мудрые слова и избранные письма от Дедушки». (Неопубликованная рукопись под редакцией Саймона Гранда, используется с разрешения.) Норман Дж. Гранд.

Когда умирает ребенок, то муки родительские могут не знать конца. Когда мы любим и объект нашей любви маленький, слабый, беззащитный, который в нас и только в нас видел защиту; и когда таковая защита по какой-то причине не сработала, какое утешение (какое оправдание, какое извинение) мы можем придумать для себя?

Никакого.

Подобные мысли будут преследовать нас всю жизнь.

Если мы даже убедим себя в необоснованности самообвинений, то следом возникнут новые сомнения, а за ними — другие.

Милланд. Там же.

LXXIII

Самобичевание и чувство вины — вот две фурии, которые преследуют дом, где умирает такой ребенок, как Уилли Линкольн; а в данном случае вина была столь велика, что вполне можно было найти, на кого ее возложить.

Эпштейн. Там же.

Многие обвиняли Линкольнов в бессердечии за то, что они устроили прием во время болезни Уилли.

Брайни. Там же.

По прошествии времени воспоминания о том торжественном вечере, вероятно, оказались окрашены болью.

Лич. Там же.

Обнаружив, что Уилли становится все хуже, миссис Линкольн решила отменить приглашения, перенести прием на другой день. Мистер Линкольн решил, что приглашения лучше не отменять.

Кекли. Там же.

Уилли метался в горячке вечером пятого числа, а его мать одевалась к приему. Каждый новый вдох давался ему со все бóльшим трудом. Она видела, что его легкие не справляются, и была испугана.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

По крайней мере [Линкольн] говорил, что нужно проконсультироваться с доктором, прежде чем предпринимать какие-то шаги. Поэтому пригласили доктора Слоуна. Он объявил, что Уилли становится лучше, и сказал, что имеются все надежды на скорое выздоровление.

Кекли. Там же.

Доктор заверил Линкольна в том, что Уилли выздоровеет.

Источник:

«Гиппократы президента».
Дебора Чейз.
Свидетельство Джошуа Фривелла.

В доме звучала торжественная бравурная музыка в исполнении флотского оркестра, и на горячечный мозг мальчика это действовало, как дразнилка здорового сверстника.

Слоун. Там же.

Если прием и не ускорил смерть мальчика, то наверняка усилил его страдания.

Мейз. Там же.

В одной грязной вашингтонской газетке, называвшейся «Сплетни и ристалища», появилась карикатура, на которой мистер и миссис Линкольн перекидываются бокалами с шампанским, а маленький мальчик (с крохотными крестиками вместо глаз), перед тем как забраться в разверстую могилу, спрашивает у отца: «Папа, еще бокальчик, прежде чем я уйду?»

Источник:

«Корабль без руля: Когда президенты совершают ошибки».
Морин Х. Хеджес.

Шум, веселье, сумасшедший пьяный смех, маленький мальчик в тяжелой горячке, он чувствует себя совершенно одиноким, он пытается прогнать фигуру в капюшоне у дверей!

Спайсер. Там же.

«Папа, еще бокальчик, прежде чем я уйду?»
«Папа, еще бокальчик, прежде чем я уйду?»

«Папа, еще бокальчик, прежде чем я уйду?»

Хеджес. Там же.

Доктор заверил Линкольна, что мальчик поправится.

Чейз. Там же.

Свидетельство Джошуа Фривелла.

Линкольн прислушался к словам доктора.

Стрейнджер. Там же.

Линкольн не смог переубедить доктора.

Спайсер. Там же.

Заключив, что нет никакой необходимости перестраховываться, президент решил продолжить прием.

Хеджес. Там же.

Прием с благословения президента продолжался, а маленький мальчик наверху ужасно страдал.

Чейз. Там же.

Свидетельство Джошуа Фривелла.

LXXIV

Снаружи донесся крик совы.

Я почувствовал запах, поднимающийся от *нашего* костюма: лен, пот, ячмень.

Я ведь собирался больше не приходить сюда.

Так думал мистер Линкольн.

И все же я здесь.

Посмотреть в последний раз.

Он сел на корточки перед хворь-ларем.

Опять его личико. Ручки. Вот они. Навсегда останутся. Вот так. Никакой улыбки. Больше никогда. Губы плотно сжаты. Он не похож (нет) на спящего. Он обычно спал с открытым ртом, и во сне его лицо меняло выражение, а иногда он что-то бормотал, произносил какие-то глупые словечки.

Если история Лазаря не выдумка, то нет никаких препятствий к тому, чтобы условия, которые возникли тогда, не возникли здесь и сейчас.

И потом произошло нечто необычное: мистер Линкольн попытался заставить хворь-тело подняться. Заставив свой разум успокоиться, он открыл его для того, что, возможно, существует,

но о чем он не знает, и что могло бы позволить (заставить) подняться хворь-телу.

Он чувствовал себя глупо, он даже не верил, что такое может…

Но все же этот мир велик и может случиться все что угодно.

Он смотрел на хворь-тело, на палец одной из рук в ожидании малейшего…

Пожалуйста пожалуйста пожалуйста.

Но нет.

Это суеверие.

Ничего не получится.

(Сэр, вернитесь к здравомыслию.)

Я ошибался, когда решил, что его состояние улучшилось и стабилизировалось и он останется со мной навсегда. Никогда его состояние не было ни достаточно хорошим, ни стабильным, а всегда — переменчивым, как недолговечная вспышка энергии. Я не мог не знать об этом. Разве он не выглядел на один манер сразу после рождения и на другой — в четыре, иначе — в семь и совсем по-иному — в девять? Он никогда не оставался тем же, менялся от мгновения к мгновению.

Появился из ничего, обрел форму, был любим, был всегда обречен превратиться в ничто.

Только я не думал, что это случится так

скоро.

Или что он уйдет раньше нас.

У двух изменяющихся существ, которые должны исчезнуть, возникло чувство друг к другу.

Два облачка дыма испытали взаимное влечение.

Я принял его за нечто вечное, а теперь должен платить за это.

Я не столь крепок, и Мэри не крепка, и сами здания и памятники здесь, и этот большой город нельзя считать нерушимыми, как нельзя считать нерушимым и большой мир вокруг. Все меняется, изменения происходят в это самое мгновение.

(Вы утешились?)

Нет.

(Пора.

Уходить.)

Меня так отвлекли глубокие мысли мистера Линкольна, что я совершенно забыл о своей цели.

Но теперь вспомнил.

Останься, подумал я. Очень важно, чтобы ты остался. Пусть Мандерс возвращается один. Сядь на пол, устройся поудобнее, и мы приведем мальчика в тебя, и кто может знать, что за результат

будет получен после такого воссоединения, воссоединения, которого вы оба так страстно желаете.

И тогда я как мог более точно предоставил его в двух образах, когда он *остается*: он сидит; он доволен тем, что сидит; сидит удобно, находя успокоение в том, что остался, и так далее и тому подобное.

Пора уходить.

Подумал мистер Линкольн.

Он чуть приподнялся, сидя на корточках, вроде собираясь уходить.

Когда он приковылял ко мне и упал, я обхватил его, поцелуями осушил слезы. Когда никто с ним не играл в гостях у Престера, я подошел к нему с яблоком и разрезал его. На всех.

И это сработало.

Это и его искренность.

А вскоре он оказался в центре внимания и стал заводилой в играх.

А теперь я должен оставить его, беспомощного, в этом ужасном месте?

(Ты увяз в этом. Помочь ему невозможно. Старый мистер Грасс в Сангамоне сорок дней подряд ходил на могилу жены. Поначалу это вызывало восхищение, но вскоре мы уже подшучивали над ним, а его лавка прогорела.)

Потому решено:

Решено: мы должны, мы теперь должны…

(Потому что, как бы ни были тяжелы твои раздумья, ты придешь к тому, что считаешь правильным. Смотри.

Вниз.

На него.

На это.

Что оно есть? Без лукавства ответь себе.

Это он?) Нет.

(Что это?)

Это то, что было его оболочкой. Главное (то, что родилось, за что мы его любили) исчезло. Хотя это было частью того, что мы любили (мы любили то, как он, это сочетание искры и оболочки, выглядел, ходил, скакал, смеялся и дурачился), вот это, то, что здесь, это меньшая часть того обожаемого попрыгунчика. Но искра погасла, а без нее то, что лежит здесь, — всего лишь…

(Подумай его. Не трусь. Позволь себе подумать это слово.)

Я бы не хотел.

(Оно истинно. Оно поможет.)

Я не хочу его произносить, чувствовать его и действовать соответственно.

(Неправильно создавать фетиш из этого.)

Я пойду, я ухожу, меня больше не надо убеждать.

(Но произнеси его, ради истины. Произнеси слово, которое зреет в тебе.)

Ах, мой маленький мальчик.

(Искра погасла, а без нее то, что лежит здесь, — всего лишь…

Произнеси это.)

Мясо.

Возмутительное.

Совершенно возмутительное умозаключение.

Я попробовал еще раз, вкладывая в это все свои силы:

Останься, молил я. Не думай, что ему нельзя помочь. Еще как можно. Ты способен дать ему много хорошего. Ты даже можешь быть полезен ему в большей мере сейчас, чем когда-либо в том, предыдущем месте.

Потому что его вечность повисла на ниточке, сэр. Если он останется, то его охватит такой ужас, что вы и представить себе не можете.

Поэтому: помедлите, задержитесь, не спешите уходить, присядьте, устраивайтесь, как дома, отдохните, а устроившись, почувствуйте удовлетворение.

Я вас умоляю.

Я думал, это поможет. Нет. Мне больше не нужно смотреть на это. Когда захочу посмотреть на Уилли, я сделаю это в своем сердце. Как и подобает. Там, где он по-прежнему нетронутый и цельный. Если бы я мог посоветоваться с ним, то он бы одобрил, я знаю; сказал бы мне, что если я уйду и никогда не вернусь, это будет правильно. В нем было столько благородства. Его сердце больше всего ценило великодушие.

Это так хорошо. Маленький мой мальчик. Всегда знал, что правильно. И меня побуждал поступать правильно. Так я и сделаю. Хоть это и тяжело. Все дары преходящи. Я против воли расстаюсь с этим даром. И спасибо тебе за него, Господь. Или мир. Спасибо тому, кто подарил мне его, я смиренно благодарю тебя, и надеюсь, что оценил его по заслугам, и молюсь о том, чтобы и впредь ценить его по заслугам.

Любовь, любовь я знаю, что ты такое.

ханс воллман

LXXV

Мы преуспели в том, чтобы отодрать щупальцы на поясе ногтями и острым камнем, который раньше нашли поблизости.

преподобный эверли томас

Почти все! — крикнул я мистеру Воллману.

роджер бевинс iii

Но было слишком поздно.

преподобный эверли томас

Мистер Линкольн закрыл хворь-ларь.

(Мое сердце упало.)

роджер бевинс iii

Поднял ларь, понес его к выемке в стене, задвинул туда.

(Все было потеряно.)

преподобный эверли томас

И вышел в дверь.

роджер бевинс iii

LXXVI

В притихшую теперь толпу.

преподобный эверли томас

Которая смиренно расступилась, чтобы пропустить его.

роджер бевинс iii

Ушел? — воскликнул мальчик.

Мы уже освободили его. Он оттолкнулся от стены и, сделав несколько нетвердых шагов, опустился на пол.

преподобный эверли томас

И щупальца тут же снова принялись опутывать его.

роджер бевинс iii

LXXVII

Идем, сказал я мистеру Бевинсу. Мне одному справиться не удалось. Я думаю, мы должны вдвоем попытаться. Остановить его.

ханс воллман

Преподобный, сказал мне мистер Бевинс. Вы не присоединитесь к нам? Даже один дополнительный ум может сыграть свою роль.

В особенности, такой мощный ум, как ваш, сказал мистер Воллман.

Много лет назад я присоединился к моим друзьям в осуществлении l'occupation[32] одной расставшейся молодой пары, которая проникала в это место после закрытия. Мы в тот раз заставили эту пару предаться прелюбодейству. И соединиться вновь. Год или около того спустя после примирения молодой муж вернулся на это место в поисках того любовного соединения. Мы в любопытстве снова осуществили l'occupation и выяснили, что причины ссоры, которые расстроили их брак в первый раз, в усло-

---

[32] Примечания: 32
Захват (*фр.*).

виях благотворного климата семейной жизни процветали и множились и недавно привели к самоуничтожению его молодой жены с помощью яда.

Таким образом, нужно сказать, что после того вмешательства у нас осталась кровь на руках.

И тогда я дал обет никогда больше не участвовать в подобных деяниях.

Но моя симпатия к мальчику и моя уверенность в том, что недостаточное внимание к нему и стало причиной его несчастья, заставили меня отказаться от этого обета и присоединиться к моим друзьям.

преподобный эверли томас

Мы втроем выбежали из белого каменного дома и понеслись скользкóм со всей скоростью, на какую были способны, быстро сокращая расстояние между нами и мистером Линкольном.

роджер бевинс iii

А потом прыгнули.

ханс воллман

В президента.

роджер бевинс iii

Толпа роилась вокруг нас.

ханс воллман

Несколько личностей посмелее, вдохновленные нашим примером, тоже стали входить.

преподобный эверли томас

Делая сначала разведывательные пробежки по президенту, или слегка, по касательной, дотрагиваясь до него, или вбегая в него, а потом выбегая, как баклан ныряет в воду, чтобы ухватить рыбу.

ханс воллман

Смельчак мистер Кохос, бывший котельный мастер, догнав мистера Линкольна, вбежал в него сзади и остался в нем, в точности, шаг за шагом, повторяя его движения.

роджер бевинс iii

Да проще простого! — сказал Кохос, и его голос звучал пронзительно от дерзости такого поступка.

преподобный эверли томас

И это придало нам храбрости.

ханс воллман

Скоро все это превратилось во всеобщее движение.

роджер бевинс iii

Никто не хотел остаться в стороне.

ханс воллман

Многие вскакивали друг в друга…

преподобный эверли томас

Входили друг в друга…

ханс воллман

Образовывали множественные соединения…

роджер бевинс iii

Сжимались по необходимости…

ханс воллман

Чтобы поместились все.

роджер бевинс iii

Вошла и миссис Кроуфорд, ее, как всегда, лапал мистер Лонгстрит.

ханс воллман

Вошел пронзенный мистер Бойсе; вошел Энди Торн; вошли мистер Твистингс и мистер Дернинг.

роджер бевинс iii

Вошел негритянский контингент, освободившись от лейтенанта Стоуна и его патруля; Стоун и его патруль остались снаружи — их оскорбляла мысль о близости с теми персонами.

преподобный эверли томас

Бэроны теперь были внутри; внутри были и мисс Дулитл, мистер Йоганнес, мистер Барк, и Тобин «Барсук» Мюллер.

роджер бевинс iii

И многие другие.

ханс воллман

Всех и не перечислишь.

преподобный эверли томас

Столько проявлений воли, воспоминаний, жалоб, желаний, столько грубой жизненной силы.

роджер бевинс iii

Теперь нам пришло в голову (когда Мандерс, высоко держа фонарь, повел президента в рощу), что мы можем обуздать эту мощную силу, заставить ее послужить нашей цели.

ханс воллман

То, чего мистер Воллман не мог добиться в одиночку…

роджер бевинс iii

Может получиться, если все мы объединим усилия.

преподобный эверли томас

И вот, когда свет фонаря исчез в стороне, я попросил, чтобы все, кто находится внутри, призвали мистера Линкольна *остановиться*.

ханс воллман

(Мы сначала *остановим* его и, если это удастся, попытаемся *отправить его назад*.)

преподобный эверли томас

Все охотно согласились.

роджер бевинс iii

Польщенные тем, что к ним обратились хоть с какой-то просьбой, готовые участвовать в любой малости.

преподобный эверли томас

Стоп! — подумал я, и все присоединились ко мне, и каждый выражал это побуждение на его или ее собственный манер.

роджер бевинс iii

Помедли, остановись, прервись.

ханс воллман

Воздержись, прекрати, приостанови всякое движение вперед.

И тому подобное.

преподобный эверли томас

Какое удовольствие. Какое это было удовольствие находиться там. Всем вместе. Объединенными одной целью. Внутри всем вместе, но и еще внутри друг друга, что давало возможность получать представление о чужих мыслях и о мыслях мистера Линкольна. Как это было хорошо — делать общее дело вместе!

роджер бевинс iii

Мы думали.

ханс воллман

Мы все думали.

преподобный эверли томас

Как один. Одновременно.

ханс воллман

Один массовый ум, объединенный позитивным намерением.

роджер бевинс iii

Все эгоистичные помыслы (остаться, благоденствовать, сохранить силы) на время забылись.

преподобный эверли томас

Какие свежие ощущения.

ханс воллман

Освободиться от всего этого.

роджер бевинс iii

Обычно мы были так одиноки.
Делали все, чтобы остаться.
Боялись ошибиться.

ханс воллман

Мы не всегда были так одиноки. Послушайте, в том прежнем месте…

преподобный эверли томас

Мы теперь вспомнили…

ханс воллман

Все мгновенно обрели память…

преподобный эверли томас

И вдруг я мысленно *погрузился в прошлое*: появление в церкви, отправка цветов, выпечка вкусностей, которые приносил Тедди, рука на плече, черное облачение, многочасовое ожидание в больнице.

роджер бевинс iii

Леверуорт говорит Бурмейстеру доброе слово в самый трудный час банковского скандала; Фербах достает кошелек, чтобы сделать щедрое пожертвование доктору Перлу, потому что в Западном районе случился пожар.

ханс воллман

Группа из наших держится за руки и идет на прибойную волну поискать утонувшего беднягу Чонси; звук монеток, падающих в полотняный мешочек с грубовато сделанным ярлычком Нашим Беднякам; группа из наших на коленях пропалывает кладбище в темноте; позвякиванье громадного зеленого супного котла, который мы с моим дьяконом вытаскиваем тем несчастным проституткам в Овечьей роще.

преподобный эверли томас

Мы, счастливые дети, собрались толпой вокруг огромного чана с кипящим шоколадом, и дорогая мисс Бент помешивала его, что-то приветливо приговаривая, словно мы были котятами.

роджер бевинс iii

Бог мой, как это прекрасно! Увидеть, насколько ты умножился!

ханс воллман

Как же мы забыли? Про все эти счастливые мгновения?

преподобный эверли томас

Чтобы остаться, ты должен все время глубоко размышлять о первопричинах, которые побуждают тебя остаться; даже жертвуя всем остальным.

роджер бевинс iii

Ты должен все время ловить возможности, чтобы рассказать свою историю.

ханс воллман

(Если тебе *запрещено* ее рассказывать, ты должен снова и снова продумывать.)

преподобный эверли томас

Но это немало стоило нам, теперь мы это понимали.

роджер бевинс iii

Но теперь, после этого благословенного массового со-проживания…

преподобный эверли томас

Мы вдруг обнаружили (словно цветы, с которых убрали камни), что нас вернули к нашему естественному состоянию.

роджер бевинс iii

Так сказать.

ханс воллман

Ощущение было хорошее.

преподобный эверли томас

Это правда.

ханс воллман

Очень хорошее.

роджер бевинс iii

И, казалось, к тому же пошло нам на пользу.

преподобный эверли томас

Я оглянулся и заметил, что мистер Воллман вдруг оказался *одетым*, его член сморщился до нормальных размеров. Одежды его выглядели, что уж скрывать, решительно *неряшливо* (фартук печатника, ботинки в чернилах, разные носки), но все-таки это было чудо.

роджер бевинс iii

Почувствовав, что мистер Бевинс смотрит на меня, я оглянулся и увидел, что он больше не представляет собой невыносимого для глаз скопища глаз, носов, рук и прочего, что это красивый молодой человек приятной наружности: два глаза, один нос, две руки, румяные щеки, красивая черноволосая голова в том месте, которое прежде в таком изобилии прорастало глазными яблока-

ми, что волосы становились избыточными.

Иными словами, привлекательный молодой человек с надлежащим числом всего, что полагается.

ханс воллман

Извините, сказал, несколько смущаясь, преподобный. Могу я задать вопрос? Как я выгляжу?

Прекрасно, сказал я. В своей тарелке.

Ни малейшего страха, сказал мистер Воллман.

Брови на надлежащей высоте, сказал я. Глаза не слишком большие.

Волосы больше не торчат во все стороны, сказал мистер Воллман.

Рот больше не буквой «О», сказал я.

роджер бевинс iii

И мы были не единственными, кто выиграл от этой счастливой благодати.

преподобный эверли томас

По причинам нам неизвестным, Тима Миддена всегда преследовала более крупная версия его самого, которая постоянно наклонялась над ним, нашептываля обескураживающие слова; теперь этот бегемот исчез.

ханс воллман

Мистер Декруа и профессор Блумер рассоединились и, как бы близко к другу они ни шли после этого, больше уже не сочленялись.

роджер бевинс iii

Клерк Мистер Тадмилл, которого выгнали с позором за то, что он не туда подшил важный документ, и это привело к банкротству фирмы, после этого никуда не мог устроиться на работу, начал пить, потерял дом, наблюдал, как его жену поместили в хворь-ларь по причине чрезмерных тревог, а их детей распределили по разным сиротским приютам в свете его все более беспутного образа жизни, обычно являлся согнутым почти до самой земли скорбью и напоминал скобку с печальным украшением из белых волос, дрожал всем телом, двигался с крайней осторожностью, страшился совершить даже малейшую ошибку.

Но теперь мы увидели энергичного, молодого белобрысого человека с цветком в петлице, только занявшего новую должность, полного высоких надежд.

преподобный эверли томас

Мистер Лонгстрит прекратил свое лапание, разрыдался, стал просить прощения у миссис Кроуфорд.

роджер бевинс iii

(Просто я одинок, дорогая моя.)

сэм «пай-мальчик» лонгстрит

(Если хотите, я могу поделиться с вами названиями некоторых из наших диких цветов.)

миссис элизабет кроуфорд

(Я с радостью их выслушаю.)

сэм «пай-мальчик» лонгстрит

Верна Блоу и ее мать Элла, которые обычно являли себя практически одинаковыми старухами (хотя обе умерли во время родов, а потому в том предыдущем месте так никогда и не состарились), теперь предстали перед нами (обе толкали перед собой по детской коляске) снова молодыми, совершенно очаровательными.

ханс воллман

Бедняжка Литци, многократно изнасилованная, обрела способность говорить, и первыми сказанными ею словами были слова благодарности миссис Ходж, которая заступалась за нее в течение всех этих немых и одиноких лет.

элсон фарвелл

Миссис Ходж, милая женщина, приняла благодарности Литци, рассянно кивнув, с удивлением глядя на собственные только что восстановившиеся руки и ноги.

томас хэвенс

Несмотря на все чудесные трансформации, произошедшие с нами, мистер Линкольн шел не останавливаясь.

роджер бевинс iii

Абсолютно.

ханс воллман

Напротив.

преподобный эверли томас

Казалось, он идет быстрее обычного.

роджер бевинс iii

Намереваясь как можно скорее оставить это место.

ханс воллман

Ах, боже мой, пробормотала Верна Блоу, чья вернувшаяся девичья красота поразила меня до глубины души даже в миг колоссального поражения.

роджер бевинс iii

LXXVIII

Я позвал Холостяков, которые сразу же появились и зависли наверху, роняя вниз (столь трогательно и наивно выражая внимание) крохотные выпускные шапочки; я им объяснил, что мы в отчаянном положении, и попросил пройти по территории и призвать на помощь всех, кого только смогут.

Что именно им говорить? — спросил мистер Кейн.

Нельзя сказать, что мы «мастера слова»! — сказал мистер Фуллер.

Говорите им, что мы пытаемся спасти мальчика, сказал мистер Воллман. Его единственный грех в том, что он ребенок, а создатель этого места по каким-то неведомым нам причинам счел, что быть ребенком и любить собственную жизнь в достаточной мере, чтобы хотеть остаться здесь, в этом месте, есть страшный грех, заслуживающий самого сурового наказания.

Скажите им, мы устали быть ничем, ничего не делать, ничего не значить ни для кого, жить в состоянии постоянного страха, сказал преподобный.

Не уверен, что мы сможем запомнить все это, сказал мистер Кейн.

Похоже, это серьезное задание, сказал мистер Фуллер.

Мы полагаемся на мистера Липперта, сказал мистер Кейн. Он ведь старший из нас.

роджер бевинс iii

Хотя, по правде говоря, мы Трое были одногодками, поскольку все пришли в это Место в разгар своего двадцать восьмого Года (никем не любимые и холостые, как и поныне), на самом деле я — *формально* — был старейшим членом нашей маленькой Партии, поскольку появился здесь первым (и в Одиночестве) и провел девять лет, прежде чем ко мне Присоединился мистер Кейн (который попал сюда в результате несвоевременного происшествия в виде Индейского Копья, попавшего ему в задницу), после чего мистер Кейн и я, пробыли Неразделимым Дуэтом почти одиннадцать лет, пока этот Молокосос, мистер Фуллер, совершив неразумный пьяный Прыжок с силосной башни в Делавере, не превратил наш Дуэт в Трио.

И мне, когда я Поразмыслил, представилось, что совершенно не в наших Интересах ввязываться в это Дело, поскольку оно не имеет к нам никакого

отношения и, вероятно, Угрожает самой нашей Свободе и делает нас заложниками Гибельных Обязательств, а кроме того ограничивает нас в наших Попытках делать во все времена То, что нам Нравится, а также может оказать Вредоносное Воздействие на нашу способность Оставаться.

Горько сожалею, прокричал я сверху. Мы не хотим и потому не станем!

стэнли «перфессор» липперт

Теперь Холостяки закидали нас сверху котелками: черными, мрачными, похоронными, словно, несмотря на их привычную легкость, они понимали всю тяжесть момента и, хотя и не имели умысла задерживаться, сожалели, что не в их силах быть более полезными.

преподобный эверли томас

Но их печаль продлилась недолго.

ханс воллман

Они искали любви (или так говорили себе); а потому должны были постоянно пребывать в движении: окрыленные надеждой, веселые, оживленные, в постоянных поисках и оглядываниях.

роджер бевинс iii

Искали они новоприбывших или пропущенных староприбывших, чья ни с чем не сравнимая красота могла бы оправдать потерю их так высокоценимой свободы.

преподобный эверли томас

И теперь они отправились дальше.

ханс воллман

«Перфессор» Липперт впереди, я за ним — мы устроили веселые гонки по территории.

джин «мошенник» кейн

Быстро перелетали над холмами и тропинками, проносились на скорости через хворь-дома, сараи и деревья. И даже через одного оленя того другого царства.

джек «болтун» фуллер

Олень перепугался при нашем почти одновременном входе и выходе, встал на дыбы, словно укушенный пчелами.

джин «мошенник» кейн

LXXIX

В разочаровании мы один за другим стали покидать мистера Линкольна.

роджер бевинс iii

Приняв позу эмбриона и вываливаясь наружу.

ханс воллман

Выпрыгивая с гимнастической сноровкой.

роджер бевинс iii

Или просто потихоньку замедляясь, чтобы президент мог оставить их позади.

ханс воллман

Каждый падал на тропинку, распростершись, и стонал от разочарования.

преподобный эверли томас

Все это было сплошным вздором.

роджер бевинс iii

Химерой.

преподобный эверли томас

Сладким самообманом.

роджер бевинс iii

Наконец, миновав Дж Л. Бэгга с его *Теперь Он Живет Вечном в Свете*, даже наша тройка упала без сил.

ханс воллман

Сперва Бевинс, потом Воллман, потом я.

преподобный эверли томас

Упали друг за другом вдоль тропинки близ мемориала Муиров.

ханс воллман

(Несколько ангелов, суетящихся над двойней, — мальчиками в матросках, лежащими бок о бок на каменной плите.)

роджер бевинс iii

(Феликс и Лерой Муир.
Погибли в море.)

преподобный эверли томас

(Плохой был мемориал. Казалось, ангелы собирались прооперировать юных моряков. Но не знали, как начать.)

ханс воллман

(Кроме того, по какой-то причине на операционном столе лежали два весла.)

роджер бевинс iii

Только тогда мы вспомнили о парнишке и о том, что он, вероятно, сейчас чувствует.

ханс воллман

И поднялись, несмотря на усталость, и двинулись назад.

роджер бевинс iii

LXXX

И хотя это совместное массовое сопребывание вышибло из меня много лишнего (назойливое, туманное умственное облако деталей моей жизни теперь висело надо мной: имена, лица, таинственные коридоры, давно забытые запахи еды, узоры ковров, которых не было в моем доме, отчетливые очертания столовых приборов, игрушечная лошадка без одного уха, осознание, что мою жену звали *Эмили*), оно не принесло мне понимания самой существенной истины, которую я искал: почему я оказался проклятым. Я остановился на тропе, отстав от остальных, отчаянно пытаясь сконцентрировать мысли на этом облаке и вспомнить, кем я был и какое зло творил, но это не увенчалось успехом, и потому мне пришлось поторопиться, чтобы догнать друзей.

преподобный эверли томас

LXXXI

Парнишка лежал без движения на полу белого каменного дом, по шею в панцире, который, казалось, уже полностью затвердел.

ханс воллман

Гнилостный запах дикого лука висел над окрестностями, усиливался, сгущался, переходя в другой, более зловещий запах, для которого нет названия.

преподобный эверли томас

Он лежал, смирившись, глядя на нас затуманенным взором.

роджер бевинс iii

Все было кончено.

преподобный эверли томас

Парнишка должен принять свое лекарство.

ханс воллман

Мы собрались вокруг, чтобы попрощаться.

роджер бевинс iii

Представьте наше удивление, когда вдруг прозвучал женский голос, приглашавший к переговорам, говоривший, что «ОН» не будет возражать, если мы пожелаем перевести мальчика назад на крышу, чтобы он мог отбывать свое (вечное) погребение там.

преподобный эверли томас

Имейте в виду, это не наш выбор, послышался низкий голос с небольшой шепелявостью. Нас вынудили.

роджер бевинс iii

Казалось, эти голоса исходят из самого панциря.

ханс воллман

Который словно состоял из *людей*. Людей, вроде нас. Какими мы были. Прежних людей, каким-то образом сморщившихся и вдавленных в саму ткань этой структуры. Тысячи крохотных корчащихся тел не больше горчичного семени, искаженные малюсенькие лица взирали на нас.

преподобный эверли томас

Кто они? Кем они были прежде? Как получилось, что их «вынудили»?

роджер бевинс iii

Мы это не будем обсуждать, раздался женский голос. Не будем. Были совершены ошибки, уточнил низкий голос.

ханс воллман

Мой совет? — это был уже третий, с британским акцентом, голос. Не убивайте целый полк ваших врагов.

Никогда не вступайте в заговор с любовницей, чтобы избавиться от живого ребенка, прозвучал шепелявый бас.

роджер бевинс iii

Вместо того, чтобы убивать того, кого любите, ядом, имейте решимость терпеть его, сказала женщина.

преподобный эверли томас

Сексуальные отношения с детьми не допускаются, послышался голос старика, судя по произношению, вермонтца.

ханс воллман

Когда кто-то из них начинал говорить, на панцире на мгновение расцветало лицо говорившего, отмеченное страданием и скорбью.

преподобный эверли томас

Мы здесь повидали много странного.

роджер бевинс iii

Но ничего более странного не видели.

ханс воллман

Где вы… в Аду? — спросил преподобный.

Не в худшем из них, ответил британец.

По крайней мере нас не принуждают раскалывать себе черепа гроздью отверток, сказала женщина.

Пылающий бык не содомитствует с нами, добавил шепелявый бас.

роджер бевинс iii

Каким бы ни был мой грех, он должен быть, чувствовал я (молился), несущественным по сравнению с грехами *этих*. Тем не менее я принадлежал к их роду. Разве нет? Когда я вошел, казалось, что для присоединения к ним.

Как я многократно повторял в проповедях, наш Господь — грозный Господь, и таинственный, Он непредсказуем, но судит так, как Сам считает

нужным, а мы для Него — агнцы, на которых он смотрит без любви, но и без злоумышления; кто-то отправляется на бойню, кого-то Он выпускает попастись в луга по Своему капризу и по причинам, которые мы не в состоянии понять ввиду нашего скудоумия.

Мы должны только *принимать*; принимать суд Его и наше наказание.

Но применительно ко мне это учение не казалось верным.

Ах, как я хворал, хворал сердцем.

преподобный эверли томас

Ну, так что выбираете? — спросил британец. Здесь? Или на крыше?

ханс воллман

Все взгляды устремились на мальчика.

роджер бевинс iii

Который дважды моргнул, но ничего не сказал.

ханс воллман

Может быть, сказал мистер Бевинс. Может быть, в ваших силах сделать исключение.

И из панциря донесся звук горького смеха.

Он замечательный ребенок, сказал мистер

Воллман. Замечательный ребенок с множеством…

Мы делали это прежде со многими, многими замечательными детьми, сказала женщина.

Правила есть правила, сказал британец.

Но позвольте узнать, сказал мистер Бевинс, почему должны существовать разные правила для детей и всех остальных? Мне кажется, это несправедливо.

Из панциря послышались гневные упреки на разных языках, и многие звучали для нас как чистая тарабарщина.

Пожалуйста, не говорите нам о справедливости, попросила женщина.

Справедливость, ба, сказал вермонтец.

Это я убила Элмера? — спросила женщина.

Ты, подтвердил британец.

Убила, сказала женщина. Неужели я родилась с такими склонностями и желаниями, которые заставили меня после всей моей прежней жизни (за время которой я ровно никого не убила) сделать *именно это*? Да, такой я родилась. *Моя* ли в том вина? Было ли это *справедливо? Хотела* ли я родиться беспутной, алчной, не сильно любящей людей, хотела ли я, чтобы Элмер так меня раздражал? Нет. Но так уж получилось.

И вот ты здесь, сказал британец.

И вот я здесь, совершенно верно, сказала она.

И вот я тоже здесь, сказал вермонтец. Разве я просил, чтобы меня родили с желанием заниматься сексом с детьми? Я за собой такого не помню в материнском чреве. Разве я не боролся с этим желанием? Решительным образом боролся. Сильно. Изо всех сил. Никто из родившихся с таким желанием не боролся с ним с такой силой, как я. Покинув предыдущее место, разве я не пытался доказать свою невиновность тем, кто преследовал меня?

Я полагаю, пытался, сказала женщина.

Конечно, пытался, негодующе сказал вермонтец.

И как они реагировали? — спросил британец.

Не очень хорошо, ответил вермонтец.

У нас было достаточно времени подумать обо всем этом, сказала женщина.

Слишком много, сказал вермонтец.

Слушайте, пропел шепелявый бас. Когда мы с Мэри прикончили ребенка, то считали, что сделали это во благо. Честно! Мы любили друг друга; ребенок был тут ни при чем; он мешал нашей любви; замедленное развитие этого существа (ребенка) препятствовало естественному прояв-

лению нашей любви (мы не могли отправиться в путешествие, не могли пообедать вне дома, почти никогда не имели ни малейшей степени приватности), и потому казалось (нам в то время), что исключение отрицательного влияния, коим был ребенок (путем отпускания его в воды Фернис-Крик), освободит нас, даст возможность любить сильнее, жить более полноценно, а его избавит от страдания, неизбежного по причине его вечной неполноценности; к тому же, освобождая ребенка от страданий, мы увеличивали всеобщее счастье.

Вам это так представлялось, сказал британец.

Да, представлялось, воистину представлялось, сказал шепелявый бас.

Вам и сейчас так представляется? — спросила женщина.

Не в такой мере, печально ответил шепелявый бас.

Значит, ваше наказание дает требуемый результат, сказала женщина.

преподобный эверли томас

Мы были такими, какими были! — пролаял шепелявый бас. Как мы могли быть другими? Или, будучи такими, как могли *поступать* иначе? Мы *были* такими *в то время*, и пришли в это место

не из-за живущего в нас зла, но по причине состояния нашего знания и нашего опыта *до того момента*.

Потому, что таково веление Судьбы, Фатума, сказал вермонтец.

Потому что время движется только в одном направлении, и мы рождаемся на его обочине, испытываем то влияние, которое испытываем, чтобы делать то, что мы делаем, сказал шепелявый бас.

А потом нас за это жестоко наказывают, сказала женщина.

Наш полк понес жестокие потери от белуджи[33], сказал британец. Но потом удача улыбнулась нам, и многие из них сдались нам, вышли с белым флагом и… что скрывать, отправились в яму, и солдаты стреляли по моей команде (и никто, заметьте, не горевал по этому поводу), а потом мы бросили их белый флаг на тела этих дикарей и засыпали их. Разве я мог поступить иначе? Притом что время течет только в одном направлении, а я родился таким, каким родился? Притом что у меня вспыльчивый нрав и свои представления о мужественности и чести, и

[33] Примечания: 33

Один из этносов в Афганистане. Эта отсылка к первой англо-афганской войне 1838–1842 гг.

учитывая случай со мной в школе, когда меня избили чуть не до смерти трое парней, братьев, старше меня, а когда держишь винтовку в руках, возникает такое прекрасное чувство, а наши враги выглядели столь презренными? Как я мог (как могли мы все) сделать что-либо иное, а не то, что мы сделали?

И этот аргумент убедил их? — спросила женщина.

Ты, прекрасно знаешь, женщина, что не убедил! — сказал британец. Ведь я здесь.

Мы все здесь, сказал вермонтец.

И всегда будем, сказал британец.

И ничего с этим не поделаешь, сказал шепелявый бас.

И ничего с этим никогда невозможно сделать, сказала женщина.

роджер бевинс iii

Оглянувшись, я увидел выражение, промелькнувшее на лице преподобного, — решительность, вызов.

ханс воллман

Соединиться с *этими*, которые так пассивно принимают свои грехи, даже с гордостью, без следа раскаяния?

Я это не в силах вынести. Но может ли быть, чтобы даже теперь у меня не осталось ни малейшей надежды?

(Возможно, думал я, *это* вера: вера в то, что наш Господь всегда чувствителен к самым малым добрым намерениям.)

преподобный беверли томас

Хватит, сказал вермонтец.

За дело, сказала женщина. Мы уже и без того потратили на этого слишком много сил.

А перед этим, помнишь, была? сказал британец. Девочка? Гораздо более сговорчивая.

Замечательный ребенок, сказала женщина. Абсолютно пассивный.

Никаких проблем с ней не было, сказал британец.

Делали с ней то, что хотели, сказал шепелявый бас.

Правда, у нее и всей этой «помощи» не было, сказал британец.

Верно, сказал брит. Никто ей ничуточки не помог.

Молодой человек? сказала женщина. Так что — *здес*ь? Или на крыше?

роджер бевинс iii

Парнишка молчал.

ханс воллман

На крыше, сказал преподобный. Если не возражаете.

Прекрасно, сказала женщина.

Панцирь сразу же отвалился, и мальчик оказался на свободе.

роджер бевинс iii

Окажите мне честь, позвольте отнести его туда? сказал преподобный.

Конечно, сказала женщина.

ханс воллман

Я нагнулся, подхватил мальчика.

Побежал.

Из склепа в ночь.

Побежал скользкóм.

Бежал скользкóм, как ветер.

К тому единственному месту, которое давало ему хоть самую малую надежду обрести убежище.

преподобный беверли томас

LXXXII

Радость, радость!
Чрезвычайно смелый ход!

роджер бевинс iii

Ублюдок! — устало прокричала женщина.

ханс воллман

Мистер Воллман и я побежали скользкóм из белого каменного дома следом за преподобным.

роджер бевинс iii

За нами взорвалась низкая волна, словно передвигающаяся стена высотой до колена, состоявшая из того вещества, в котором в то мгновение обитались демонические существа (трава, земля, надгробье, статуя, скамья)…

ханс воллман

Которая сейчас обогнала нас…

роджер бевинс iii

(Нас подняло, словно детей прибойной волной, а потом снова опустило.)

ханс воллман

…подхватила преподобного.

роджер бевинс iii

Он же, ошарашенный и сбитый с толку светопреставлением, которое взбудоражило все вокруг него, спустился вниз по небольшому холму около сарая садовника.

ханс воллман

Теперь впереди показалась часовня, и мы вдруг угадали его намерения.

роджер бевинс iii

Демонические существа разделились, так сказать, на две боевые единицы и быстро понеслись, обходя преподобного с двух сторон, а потом, совершив перекрестный маневр на уровне коленей, подсекли его.

ханс воллман

Он, падая, чтобы защитить мальчика, инстинктивно перекатился на спину и самортизировал силу удара.

роджер бевинс iii

И они поймали его.

ханс воллман

Поймали их.

Им нужен был мальчик, но вместе с мальчиком они схватили и преподобного.

роджер бевинс iii

Они неистовствовали и явно были не способны (или не заинтересованы) более проводить различие между преподобным и парнишкой.

ханс воллман

Когда мы добежали до преподобного и мальчика, они уже были надежно привязаны друг к другу внутри быстро твердеющего нового панциря.

роджер бевинс iii

Из панциря доносились жуткие крики преподобного.

ханс воллман

Они меня схватили! — кричал он. Даже меня! Я должен… должен быть отпущен! Господи милосердный! Разве не должен? Неужели я навеки останусь в таком положении…

Уходите, да, конечно, спасайтесь, дорогой друг! — прокричал я. Уходите!

Но я не хочу! — прокричал он в ответ. Я боюсь!

Его голос, придушенный, отрывистый, свидетельствовал о том, что панцирь уже покрыл его рот, а потом, казалось, проник даже в его мозг,

отчего он начал бредить.

Этот дворец, кричал он в самом конце. Этот ужасный алмазный дворец!

роджер бевинс iii

Затем из панциря до нас донесся знакомый, но всегда леденящий кровь огнезвук, связанный с явлением взрыва световещества.

ханс воллман

И преподобный ушел.

роджер бевинс iii

Уход преподобного привел к временному образованию пустоты внутри панциря…

ханс воллман

Мистер Воллман пнул эту штуку со страшной силой, отчего она вогнулась внутрь.

роджер бевинс iii

Когда мы в ярости набросились на нее, раздирая и царапая ногтями, я чувствовал, что демонические существа смотрят на нас искоса изнутри, ошеломленные нашим неистовством, нашей воскресшей человеческой предрасположенностью к действиям, порожденным ненавистью. Мистер Бевинс погрузил внутрь руку по локоть. Я с другой стороны смог пробить панцирь длинной веткой, а потом нажал на нее коленями, а мистер Бевинс смог запустить в него обе руки полностью. Бевинс от усилия крякнул, начал тащить и вскоре, словно новорожденный жеребенок (такой же мокрый и встрепанный), парнишка выкарабкался наружу и с секунду мы могли ясно видеть внутри разломанного панциря отпечаток лица преподобного, которое, счастлив отметить, в эти последние мгновения не стало снова тем лицом, которое у нас столько времени ассоциировалось с ним (сильно испуганное, брови высоко подняты, рот открыт в идеальном «О» ужаса), скорее, его внешность теперь обрела выражение робкой надежды… словно он отправлялся в неизвестное место, довольный тем, что он, как бы то ни было, находясь здесь в этом месте, сделал все, что мог.

ханс воллман

Мистер Воллман схватил мальчика и бросился прочь.

Демонические существа, вытекавшие из обломков панциря в землю, пустились в погоню.

Вскоре голени мистера Воллмана оказались оплетены, как кандалами, и он упал на колени, а демонические существа, снова превратившись в щупальца, принялись быстро подниматься по его ногам и туловищу, а потом поползли по рукам.

Я мигом подбежал, выхватил мальчика и бросился прочь.

Но не прошло и нескольких секунд, как догнали и меня.

роджер бевинс iii

Я вскочил, подбежал, выхватил мальчика у мистера Бевинса, ринулся к часовне и, прежде чем меня снова догнали, успел упасть лицом вперед сквозь северную боковую стену.

Я знаю это место, пробормотал парнишка.

Надеюсь, сказал я. Мы все его знаем.

Для многих из нас часовня служила нашими воротами, нашим местом высадки, последним местом, где к нам относились серьезно.

ханс воллман

Земля вокруг часовни пришла в движение.

Даже здесь? — сказал я. У святейшего из мест?

Свято, несвято, нам все равно, сказал британец.

У нас тут работа, сказал вермонтец.

Мы обязаны, сказала женщина.

Заходи, выгони его, сказал британец.

Вы только напрасно тянете время.

Мы собираем силы, сказал британец.

Еще чуть-чуть — и мы будем внутри, сказала женщина.

И наша месть тоже, сказал вермонтец.

Выгони его оттуда, отрезал шепелявый.

роджер бевинс iii

Мистер Бевинс только чуть-чуть вошел внутрь сквозь стену, и тут же из темноты в передней части часовни донесся отчетливый мужской кашель, и мы поняли, что мы не одни.

На одном из стульев в переднем ряду сидел мистер Линкольн; вероятно, он сидел на этом самом месте во время службы днем ранее.

ханс воллман

LXXXIII

Том когда мы подошли к воротам, през-нт увидел часовню и сказал он думает что может зайти и посидеть немного в тихом месте если я не возражаю и признался мне ему кажется его мальчик все еще здесь с ним и он никак не может отделаться от этого чувства но возможно если посидеть несколько минут молча в этом месте молитв ему это поможет.

Отклонил мое предложение фонаря сказав что ему не понадобится потому что он прекрасно видит в темноте и всегда видел и прошел через это самое пространство только вчера заполненное многими сотнями которые стояли на лугу под дождем в черных плащах с открытыми зонтами и под звуки печального органа изнутри и я вернулся в сторожку где сейчас и нахожусь пишу это а во дворе несчастная маленькая лошадка стучит копытами по булыжнику мостовой словно близость хозяина заставляет ее исполнять на месте приготовительный танец к долгому пути домой

През-нт все еще еще в часовне.

Мандерс. Там же.

LXXXIV

Витражные окна пропускали мало света, но все же достаточно, чтобы внутрь пробивался тусклый лунный свет.

ханс воллман

Окрашивавший все в синеватые тона.

роджер бевинс iii

После вчерашней службы унесли все стулья, кроме нескольких первых рядов, да и они стояли в беспорядке.

ханс воллман

Мистер Линкольн сидел ко входу спиной, выставив перед собой ноги, сжимая руками колени, опустив голову.

На мгновение мне показалось, что он спит.

Но потом, словно почувствовав наше появление, он поднял голову и огляделся.

роджер бевинс iii

Любопытствующие личности из другого угла территории входили внутрь сквозь стены часовни, как вода проникает сквозь протекшую дамбу.

Входи, сказал я парнишке.

ханс воллман

Мальчик моргнул дважды.
Вошел.

роджер бевинс iii

Усевшись на колени отца.

ханс воллман

Как он, вероятно, часто делал в том предыдущем месте.

роджер бевинс iii

Сидя один в другом, они занимали одно и то же физическое пространство, ребенок — уменьшенная копия мужчины.

ханс воллман

LXXXV

(Папа // Я здесь
Что я
Если скажешь мне уйти // Я уйду
Если скажешь мне остаться // Я останусь
Я жду совета // Сэр)
Я слушал ответ папы
Лунный свет набухал все становилось голубоватым Мозг папы был пуст // пустпустпуст
А потом
Не могу поверить, что все это и в самом деле
Он начал вспоминать // Пересматривать // Разное // Обо мне
Связанное с моей болезнью
Как звали ту женщину, чью дочь поразила молния. На лугу Понса. Перед этим, проходя по нему, она с дочерью разговаривала о персиках. О разных сортах персиков. Кто какой предпочитает. Несколько ночей после этого ее видели на сенокосном лугу Понса, она бормотала что-то о персиках в поисках того момента их беседы, к которому она могла бы вернуться во времени и, вернувшись к их разговору, оттолкнуть девочку и самой подставиться под роковой удар молнии.

Она не в силах была принять случившееся, снова и снова переживала его.

Теперь я понимаю.

В тот день он принес пять камней на подносе. Хотел узнать научное название каждого. Камни все еще лежат на том подносе. На подоконнике в коридоре около его комнаты. (Я думаю, что никогда не смогу убрать их.)

Ближе к сумеркам я увидел, что он сидит на ступеньках, а поднос лежит на его коленях.

Да, я себя сегодня чувствую похуже, сказал он.

Я приложил руку ему ко лбу.

Горячий.

уилли линкольн

LXXXVI

Горячка, которую диагностировали как простуду, перешла в тиф.

Лич. Там же.

Тиф развивается медленно и жестоко на протяжении недель, лишая жертву пищеварительной функции, вызывая прободение кишечника, кровотечения и перитонит.

Эпштейн. Там же.

Подрывающие его силы симптомы болезни делали свое дело — высокая температура, диарея, мучительные боли, внутреннее кровотечение, рвота, изнеможение, бред.

Гудвин. Там же.

Болеутоляющие могли облегчать мучительные брюшные боли; бредовые состояния могли уносить ребенка в райские кущи сладких снов, а возможно — в лабиринт кошмаров.

Эпштейн. Там же.

Пациент бредил и не узнавал страдающее любящее лицо высокого человека, который склонялся над ним.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

Президент возвращался домой после очередного дня служения стране и принимался расхаживать по комнате, он сжимал голову руками, когда слышал мучительные стоны свего несчастного мальчика.

Флагг. Там же.

«Добрые короткие слова, у которых та же суть, что и у великих и святых деяний», постоянно срывались с его губ.

Источник:

«Линкольн, каким я его знал».
Гарольд Холцер. Свидетельство
Элизабет Тодд Гримсли.

У Линкольна было нежнейшее сердце для всех, кто попадал в беду, будь то человек, животное или птица.

Холцер. Там же.
Свидетельство
Джошуа Фрайя Спида.

Он обладал большим и добрым сердцем. Он был полон нежных чувств, был очень человечен.

Уилсон и Дэвис. Там же.
Свидетельство Леонарда Суэтта.

Я никогда в жизни не встречал человека, который, казалось, был так готов служить другим.

Холцер. Там же.
Свидетельство
Джона Х. Литтлфилда.

Он определенно не умел ненавидеть.
Источник:

«Авраам Линкольн:
Истинная история великой жизни».
Уильям Херндон и Джесс У. Уэйк.

Как страдания любимого ребенка, вероятно, мучили этого столь чувствительного от природы человека.

Флагг. Там же.

Уилли Линкольн бился и стонал, и сделать ничего было нельзя.

Хильярд. Там же.
Свидетельство
Д. Стрампхорта, дворецкого.

Горящие щеки, безумные блуждающие глаза, тихие стоны отчаяния, казалось, говорили о сильных мучениях и желании избавиться от них, снова стать самим собой — счастливым маленьким мальчиком.

Хонер. Там же.

Маленький Уилли ужасно метался, он сбросил с себя золотую с алым простыню. И она комом легла на пол.

Стернлет. Там же.

Желтые бордюры, золотые кисточки и бахрома не могли рассеять мрак королевского декора, напротив, напоминали посетителям, что темнота и смерть приходят даже к принцам.

Эпштейн. Там же.

Теперь глаза затуманились, всякое беспокойное движение закончилось. Эта неподвижность казалась самой страшной из всего. Теперь он был сам по себе. Никто не мог помочь ему или замедлить его уход в самое последнее земное путешествие, которое вроде бы уже началось.

Хонер. Там же.

На его лбу выступил предсмертный пот.

Кекли. Там же.

В комнате Смерти, перед тем как пресечься дыханию, время, кажется остановливается совсем.

Стернлет. Там же.

Президент мог только стоять и смотреть широко раскрытыми глазами, не имея никакой власти в этой новой жестокой реальности.

Хонер. Там же.

LXXXVII

Постой, сказал парнишка.

Он сидел там, внутри отца, на его маленьком лице застыло выражение испуга, его, казалось, скорее расстраивало, чем утешало то, что он слышал.

Выходи, приказал я.

Я не понимаю, сказал он.

Выходи немедленно, сказал я.

ханс воллман

LXXXVIII

Тело бальзамировали 22 февраля доктора Браун и Александер, помогал им доктор Вуд.

Источник:

«Традиции времен Линкольна: Бюллетень фонда „Жизнь Линкольна“».
№№ 1511, 1964.

Ни Браун, ни Александер лично не бальзамировали Уилли; эту задачу выполнил их главный бальзамировщик Генри П. Каттелл.

Источник:

«Похищение тела Линкольна».
Томас Дж. Кроуэлл.

Главным гробовщиком был Франк Т. Сэндс. Видимо, он и предложил такую меру предосторожности, как покрыть грудь покойного зелеными и белыми лепестками резеды (Reseda odorata), обладающей чрезвычайно сильным приятным ароматом.

Эпштейн. Там же.

Использовался метод Санье из Парижа.

«Традиции времен Линкольна».
Там же.

Санье был первым, кто использовал хлорид цинка.

Источник:

«Замедление смерти: Бальзамирование в девятнадцатом веке и культ бессмертия».
Стив Уэдж и Эмили Уэдж.

Инъекция пяти кварт двадцатипроцентного раствора хлорида цинка в подколенную артерию позволила не только сохранить тело как минимум на два года, но и вызвала удивительную трансформацию, придав телу вид светящегося белого мрамора.

Кроуэлл. Там же.

Относительно метода Санье были сделаны самые невероятные заявления. Так, например, некоторые утверждали, что останки стали «оболочкой в виде статуи; скульптурой».

«Традиции времен Линкольна».
Там же.

Для проведения процедуры собрали стол на

козлах. Ковры в Зеленой комнате скатали и пол защитили большим квадратом ткани, обычно используемой для палаток.

Источник:

«Помощник доктора: Воспоминания Д. Рута».
Донован Г. Рут.

Эта процедура не требовала обескровливания тела. Мальчика раздели, сделали рассечение левого бедра. Хлорид цинка закачали с помощью металлического насоса малого диаметра. Точка входа потребовала лишь минимального сшивания, потом тело одели.

Уэдж и Уэдж. Там же.

Мать пребывала в подавленном состоянии, и погребальные одежды, которые прислали нам в огромной шляпной коробке, выбирал отец.

Рут. Там же.

Уилли облачили в обычную одежду, которую надевают каждый день, — брюки, тужурка, белые носки и туфли. Белая рубашка с воротником, выложенным поверх тужурки, и манжетами, завернутыми на рукава.

Источник:

«Авраам Линкольн: от скептика до пророка».
Уэйн С. Темпл. «Иллинойс стейт джорнал», 7 июля, 1871 г.

Мы все, прислуга, много раз видели этот маленький серый костюм на мальчике, когда он был жив.

Хильярд. Там же. Свидетельство Стрампхорта, дворецкого.

Маленький Уилли, безвременно потерянный, был облачен в один из его старых коричневых костюмов, белые носки и низкие туфли, словно никчемная марионетка.

Эпштейн. Там же.

Он лежал с закрытыми глазами — каштановые волосы разделены на пробор, как при жизни, — бледный в смертном сне; но в остальном не изменившийся, потому что он был облачен словно для вечера, а в одной руке — руки его были сложены на груди — держал пучок восхитительных цветов.

Уиллис. Там же.

Вошел президент посмотреть, но слишком рано. Стол на козлах все еще стоял. Дженкинс как раз складывал материю. Инструмент нашей профессии по-прежнему был виден в открытой коробке. Насос продолжал похрипывать. Я чувствовал себя виноватым из-за того, что так получилось. Все должно было произойти иначе. Президент заметно побледнел, поблагодарил нас и быстро вышел из комнаты.

Рут. Там же.

LXXXIX

Мальчик сидел совершенно неподвижно, глаза его были широко раскрыты.

роджер бевинс iii

XC

Уилли Линкольна похоронили в день, когда бушевал сильнейший ветер, сносивший крыши с домов, разрывавший в клочья флаги.

Лич. Там же.

В процессии, направлявшейся на кладбище Оук-Хилл в Джорджтауне, в катафалк, на котором лежал маленький мальчик, знавший в жизни только радость, были впряжены две белые лошади. В карету, где сидел усталый и убитый горем президент, были впряжены черные лошади.

Рэндалл. Там же.

Порывы ветра срывали крыши с высоких домов, разбивали стеклянные окна, сносили палатки военных, превращали слякотные улицы в каналы, а каналы в стремнины. Порывы ветра уничтожили несколько церквей и множество сараев, вырвали с корнем деревья, разбили светопрозрачные фонари на Библиотеке Конгресса; волны залили Длинный мост через Потомак в Александрию.

Эпштейн. Там же.

Отец, не видя разрушений, ехал дальше.

Лич. Там же.

Кареты похоронной процессии растянулись на несколько кварталов, и им потребовалось немало времени, чтобы всем подняться на высоты Джорджтауна и к прекрасному кладбищу Оук-Хилл с его дубовой кроной.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

Когда голова кортежа достигла кладбища Оук-Хилл с Вашингтон-стрит, сочли необходимым (из-за большой длины поезда) часть экипажей завернуть на Хай-стрит через Бридж-стрит. Поднявшись по склону холма мимо нового Высокого водосборника, процессия свернула на Роуд-стрит и двинулась на восток к кладбищу, на котором в склепе У. Т. Кэррола, на участке 292 предполагалось захоронить тело Уильяма Уоллеса Линкольна.

Источник:

«Эссе на смерть Уилли Линкольна».
Матильда Уильямс, куратор
Библиотечной ассоциации Пибоди.

Теперь все остановились, и сотни людей, выйдя из экипажей, двинулись через ворота на кладбище к красивой маленькой готической часовне красного камня с голубыми витражными окнами.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

В какой-то момент выглянуло солнце, свет стал проникать внутрь через маленькие окна, заливая все голубоватым сиянием, словно на дне моря, отчего молитва ненадолго прервалась, и присутствующих охватил священный трепет.

Смит-Хилл. Там же.

Здесь, над гробом, прочел еще несколько молитв доктор Герли.

Кунхардт и Кунхардт. Там же.

Мы можем быть уверены — а потому и скорбящие родители и все дети печали тоже могут быть уверены, — что их недуг пришел не из праха, а их беда возникла не из земли.

Это испокон века заведенный порядок их Отца и их Господа. Чудны дела Твои, могут сказать они, но все же это Его дела, и пока они скорбят, Он говорит им, как сказал когда-то Господь Иисус своим ученикам, когда они были встревожены Его деяниями: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»[34].

Герли. Там же.

И вот этот человек с отягощенным заботами умом, которым восхищается мир, с тяжелым грузом на сердце, и в мыслях он пошатнулся, получив удар судьбы, отнявшей у него ребенка!

Уиллис. Там же.

Президент поднялся, подошел к гробу и замер перед ним в одиночестве.

Источник:

«Темные дни». Фрэнсин Кейн.

Напряжение и скорбь в часовне, казалось, были осязаемы. Президент, проводивший последние драгоценные секунды со своим мальчиком, склонил голову — в молитве, слезах или оцепенении, — этого мы сказать не могли.

Смит-Хилл. Там же.

---

[34] Примечания: 34
От Иоанна 13:7.

Издалека донесся крик. Наверное, рабочего, руководившего расчисткой кладбища после катастрофической бури.

Кейн. Там же.

Президент отвернулся от гроба, казалось, ему удалось сделать это только усилием воли, и я подумал о том, как должно быть тяжело человеку оставить собственное дитя тут, во мраке и одиночестве, — он бы никогда этого не сделал, пока нес ответственность за живого ребенка.

Источник:

Частная переписка мистера Сэмюэля Пирса.
С разрешения его наследников.

За последние несколько дней он, казалось, сильно состарился. На него были обращены полные сочувствия глаза многих людей и молитвы; он словно пришел наконец в себя, покинул часовню с выражением жестокой муки на лице, но так и не позволив себе заплакать.

Смит-Хилл. Там же.

Я подошел к президенту и, взяв его за руку, высказал самые глубокие соболезнования.

Он, казалось, не слушал.

Его лицо выражало лишь мрачную озабоченность.

Уилли умер, сказал он, словно это только что пришло ему в голову.

Пирс. Там же

XCI

Парнишка встал.

ханс воллман

Выйдя, таким образом, из мистера Линкольна.

роджер бевинс iii

Повернулся к нам.

ханс воллман

Выражение удивления на его бледном круглом лице.

роджер бевинс iii

Позвольте, я скажу вам кое-что? — проговорил он.

Как он мне понравился в это мгновение. Такой странный паренек: длинные локоны, кругловатый выступающий живот, манеры взрослого.

Вы не хвораете, сказал он.

ханс воллман

Внезапно все вокруг заволновались, занервничали.

роджер бевинс iii

То, что там, в моем ларе, сказал он, не имеет ко мне никакого отношения.

ханс воллман

Отдельные личности начали протискиваться к двери.

роджер бевинс iii

Вернее сказать, имеет. Или *имело*. Но теперь я… я что-то отдельное. От него. Не могу это объяснить.

ханс воллман

Прекрати об этом говорить, сказал мистер Воллман. Прошу тебя, немедленно прекрати.

Для того, чем мы хвораем, есть название, сказал мальчик. Вы его знаете? Знаете ли вы его по-настоящему?

роджер бевинс iii

Многие теперь предпринимали попытки убежать, отчего в дверях образовался затор.

ханс воллман

Это довольно удивительно, сказал мальчик.

Прекрати, сказал мистер Воллман. Пожалуйста, прекрати. Ради блага всех нас.

Мы мертвы, сказал мальчик. Эй, все, мы мертвы!

роджер бевинс iii

И вдруг у нас за спинами, словно удары молнии, раздались три последовавших один за другим знакомых (но всегда леденящих кровь) огнезвука, связанных с явлением взрыва световещества.

ханс воллман

Я не осмеливался оглянуться, чтобы и увидеть, кто ушел.

роджер бевинс iii

Мертвы! — прокричал парнишка чуть ли не радостно, неторопливо выйдя в середину. Мертвы, мертвы, мертвы!

То самое слово.

То ужасное слово.

ханс воллман

Перди, Барк и Элла Блоу молотили руками по оконному переплету, словно пойманные птицы, ослабленные и обессиленные бездумным заявлением парнишки.

роджер бевинс iii

Верна Блоу стояла внизу, умоляя мать спуститься.

ханс воллман

Вот послушай, сказал мистер Воллман мальчику. Ты ошибаешься. Если то, что ты говоришь, правда, то кто тогда говорит тебе вот эти слова?

Кто их *слышит*? — сказал я.

Кто говорит с тобой сейчас? — сказал мистер Воллман.

С кем говорим мы? — сказал я.

роджер бевинс iii

Но заставить его замолчать не получалось.

ханс воллман

Каждой своей неосмотрительной фразой он убивал годы работ и тяжких трудов.

роджер бевинс iii

Это сказал отец, сообщил мальчик. Он сказал, что я мертв. Стал бы он так говорить, если бы это не было правдой? Я только что слышал эти его слова. То есть я слышал, как он вспомнил, что произнес эти слова.

Мы не нашлись с ответом.

ханс воллман

Нам и в самом деле не казалось (поскольку мы уже в достаточной степени успели его узнать), что мистер Линкольн будет лгать о чем-то столь важном.

Должен сказать, я задумался.

В мои первые дни здесь, я только теперь вспомнил, мне короткое время казалось, что я…

роджер бевинс iii

Но потом вы увидели правду. Увидели, что двигаетесь, говорите, думаете, а потому, вы, вероятно, всего лишь *хвораете,* страдаете от какой-то прежде неизвестной болезни и никак не можете быть…

ханс воллман

Я задумался.

роджер бевинс iii

Я был послушным, сказал парнишка. Или пытался. Я хочу быть послушным и теперь. Хочу идти туда, куда положено. Куда я должен был направиться с самого начала. Папа сюда не вернется. И никому из нас никогда не позволят возвратиться в то предыдущее место.

ханс воллман

Он вдруг запрыгал от радости, как малыш, ко-

торому невтерпеж.

Послушайте, присоединяйтесь ко мне. Все! Что здесь оставаться? Тут ничего нет. С нами покончено. Неужели вы не понимаете?

роджер бевинс iii

Перди, Барк и Элла Блоу у оконного переплета ушли под втройне ослепительное явление взрыва световещества.

ханс воллман

А следом внизу поспешила и Верна Блоу, не желая выносить (как вынуждена была выносить столь долго в том, предыдущем, месте) существование без матери.

роджер бевинс iii

Я так и знал! — закричал парнишка. Я знал, что-то со мной не так!

ханс воллман

Кожа его, казалось, стала тонкой, как пергамент; дрожь прошла по его телу.

роджер бевинс iii

Его оболочка (как иногда случается с теми, кто должен вот-вот уйти) начала мигать, переходя из одного его состояния в другое — как он переходил в том предыдущем месте: фиолетовый новорожденный, визжащий голенький младенец, пухлощекий малыш, мальчик в горячке на хворь-кровати.

ханс воллман

Потом, без всяких изменений в размерах (то есть все еще в размерах ребенка) он продемонстрировал свои различные *будущие* оболочки (оболочки, в которые он, увы, так никогда и не воплотился):

Нервничающий молодой человек в свадебном костюме;

Обнаженный муж с мокрым пахом от недавних наслаждений;

Молодой отец, выпрыгивающий из кровати, чтобы зажечь свечу при крике ребенка;

Скорбящий вдовец с седой головой;

Согбенный старик со слуховой трубкой, сидя на пеньке, отмахивается от мух.

роджер бевинс iii

А он все это время, казалось, не замечал этих изменений.

ханс воллман

Ах, это было хорошо, печально сказал он. Там было так хорошо. Но назад пути нет. К тому, кем мы были. Все, что мы можем сделать, — это то, что мы должны сделать.

роджер бевинс iii

Потом, глубоко вздохнув, закрыв глаза…

ханс воллман

Он пошел.

роджер бевинс iii

Парнишка пошел.

ханс воллман

Никогда прежде ни мистер Воллман, ни я не находились так близко к явлению взрыва световещества и сопровождающему его знакомому, но всегда леденящему кровь огнезвуку.

роджер бевинс iii

Последовавший взрыв сбил нас с ног.

ханс воллман

Мы посмотрели, прищурившись, с пола, и в последний раз мимолетно увидели бледное детское лицо, два сжатых в ожидании кулака и выгнутую спинку.

роджер бевинс iii

И он ушел.

ханс воллман

Его маленький серый костюм задержался на короткое мгновение.

роджер бевинс iii

XCII

Я Уилли // Я Уилли // Я даже еще

Я не

Уилли

Не уилли но каким-то образом

Меньше

Больше

Все теперь // Разрешается // Мне теперь все разрешается // Все теперь легколегколегко разрешается мне

Встать с кровати отправиться на вечеринку разрешается

Конфетки-пчелки разрешаются

Кусочки торта разрешаются!

Пунш (даже ромовый пунш) разрешается!

Пусть оркестр играет громче!

Раскачиваться на люстре разрешается, плыть под потолком разрешается, подойти к окну и выглянуть разрешается разрешается разрешается!

Вылететь из окна разрешается, разрешается (все смеющиеся гости радостно выстраиваются за мной, просят, пожалуйста, да, лети) (говоря ой, ему теперь гораздо лучше, он вообще не выглядит больным!)!

Все то, что имел тот прежний парнишка (уилли), теперь должно быть возвращено (с радостью возвращается), потому что оно никогда не было моим (никогда его), а потому и не отбирается, вовсе нет!

Как я (который был уилли, но теперь перестал быть (всего лишь) уилли) возвращаюсь

К такой красоте.

уилли линкольн

XCIII

Мистер Линкольн, сидевший на стуле, вздрогнул.

роджер бевинс iii

Словно мальчик, вдруг проснувшийся в классе во время урока.

ханс воллман

Огляделся.

роджер бевинс iii

На миг, казалось, засомневался: где это он.

ханс воллман

Потом поднялся на ноги и поспешил к двери.

роджер бевинс iii

Уход парнишки освободил его.

ханс воллман

Он двигался так быстро, что прошел через нас, прежде чем мы успели расступиться.

роджер бевинс iii

И опять на миг мы познали его.

ханс воллман

XCIV

Его мальчик ушел; его мальчика больше не было.

ханс воллман

Его мальчика нигде не было; его мальчик был повсюду.

роджер бевинс iii

Здесь для него больше ничего не осталось.

ханс воллман

То есть его мальчик находился *здесь* в той же мере, в какой он находился в *любом другом месте*. В *этом* месте больше не было ничего особенного.

роджер бевинс iii

Оставаться здесь и дальше было бы ошибкой с его стороны, вроде скатывания в яму.

ханс воллман

Его приход сюда вообще был отклонением от маршрута, слабостью.

роджер бевинс iii

Его разум поначалу склонялся к скорби, к тому факту, что мир полон скорби; что все живут под тем или иным бременем скорби; что все страдают; что, куда бы ты ни посмотрел в этом мире, ты должен стараться помнить, что все страдают (никто не удовлетворен; всюду несправедливость, пренебрежение, непонимание), а потому ты должен делать все, что в твоих силах, чтобы облегчить груз тех, с кем соприкасаешься; понять, что твоя скорбь не представляет собой чего-то особенного, отнюдь, от нее в той или иной мере страдают или будут страдать многие и многие во все времена, в любое время, и эту скорбь не должно продлевать или преувеличивать ее значение, потому что, предаваясь ей, ты никому не будешь полезен, а поскольку твое положение в мире дало тебе возможность приносить либо немалую пользу, либо существенный вред, тебе не следует хандрить, если ты можешь преодолеть себя.

ханс воллман

Все пребывают, или пребывали, или вскоре будут пребывать в скорби.

роджер бевинс iii

Такова природа вещей.

ханс воллман

Хотя на первый взгляд кажется, что все люди разные, на самом деле это не так.

роджер бевинс iii

В душе у каждого страдания; наш неизбежный уход, многочисленные потери, которые мы переживаем, пока движемся к концу.

ханс воллман

Мы должны попытаться увидеть друг друга под таким углом зрения.

роджер бевинс iii

Под углом зрения страдающих, обреченных на уход существ…

ханс воллман

Которые вечно становятся жертвой неодолимых обстоятельств, а наград в виде радости получают ничтожно мало.

роджер бевинс iii

Его сочувствие в это мгновение распространялось на всех, распределялось, согласно строгой логике всем поровну.

ханс воллман

Он уходил отсюда сломленный, устрашенный, усмиренный, униженный.

роджер бевинс iii

Готовый поверить во что угодно об этом мире.

ханс воллман

Утративший вследствие этой потери часть присущей ему твердости.

роджер бевинс iii

А потому довольно могущественный.

ханс воллман

Ослабленный, уничтоженный, изменившийся.

роджер бевинс iii

Милосердный, терпеливый, ошеломленный.

ханс воллман

И все же.

роджер бевинс iii

И все же.

Он вел войну. Хотя те, с кем он вел войну, тоже были страдающими ограниченными существами, он должен…

ханс воллман

Уничтожить их.

роджер бевинс iii

Убить их, лишить средств к существованию и вернуть в лоно.

ханс воллман

Он должен (мы должны, полагали мы) сделать все, что в *наших* силах, помня о множестве лежащих на бескрайних полях по всей земле убитых и раненых солдат, сквозь тела которых прорастают сорняки, чьи глаза выклеваны или истлевают, чьи губы уродливо вытянуты, вокруг кого разбросаны письма, напитанные дождем/напитанные кровью/покрытые снежной коркой, мы должны сделать так, чтобы не лечь вместе с ними, а идти этим трудным путем, на который уже все равно встали, чтобы мы не ошибались, не ошибались еще больше (мы и без того совершили множество горьких ошибок), и этими своими ошибками не уничтожали новых и новых мальчиков, каждый из которых был кому-то дорог.

Неуничтожитьновых, неуничтожитьновых,

чувствовали мы, *мы должны пытаться неуничтожитьновых*.

Мы обязаны обуздать свою скорбь, она не должна управлять нами и сделать нас никчемными, погрузить в эту канаву еще глубже.

роджер бевинс iii

Мы должны ради всеобщего блага скорейшим образом закончить ее и…

ханс воллман

Убивать.

роджер бевинс iii

Убивать более эффективно.

ханс воллман

Действовать решительно.

роджер бевинс iii

Чтобы текла кровь.

ханс воллман

Чтобы враг истекал кровью, пока к нему не вернется здравый смысл.

роджер бевинс iii

Скорейший способ остановить ее (а потому самое большое милосердие) может быть самым кровавым.

ханс воллман

Мы должны положить конец страданиям, причинив новые страдания.

роджер бевинс iii

Мы утратили боевой дух, растерялись, стали предметом осмеяния, у нас почти ничего не осталось, мы терпели неудачу за неудачей, мы должны предпринять что-то, чтобы остановить наше падение и стать самими собой.

ханс воллман

Мы должны победить. Должны победить это.

роджер бевинс iii

Сердце его упало при мысли о новой крови.

ханс воллман

Заслуживал ли он этого. Заслуживал ли стольких смертей. На поверхностный взгляд он был пустой формальностью (всего лишь Союз), но если копнуть глубже, то он оказывался чем-то большим. Как следует жить людям? Как могут выживать люди? Он вспомнил теперь того

мальчика, каким был (прятался от отца, чтобы читать Баньяна[35]; выращивал кроликов, чтобы заработать несколько монеток; слушал, каждый день, как собравшиеся в городе суровые, исхудалые люди вели тяжелые разговоры — о том, как пережить голод; отпрыгивал в сторону, когда кто-нибудь из тех, кому повезло больше в этой жизни, весело катил мимо в экипаже), как он чувствовал себя странным и необычным (и в то же время умным, умнее других), длинноногим, всегда переворачивал что-нибудь, как его обзывали (Абезьян-Линкольн, Паук, Мавр-а-хам, Каланча), но еще и думал тихонько, там, в глубине души, что настанет день, и он, может быть, получит то, чего действительно заслуживает. А потом, когда он отправился в путь, чтобы получить заслуженное, дорога оказалась свободна — соображал быстро он, люди любили его за путаные речи и яростную целеустремленность; и персиковые сады, и стога сена, и молоденькие девочки, и древние дикие луга едва не сводили его с ума своей красотой, и странные животные двигались ленивыми стадами вдоль заиленных рек, пересечь которые можно было только с помо-

[35] Примечания: 35

Джон Баньян (1628–1688) — английский писатель, баптистский проповедник.

щью какого-нибудь старого гребца-отшельника, чей язык едва походил на английский. И все это, все это изобилие принадлежало *всем*, чтобы все им пользовались, все было, казалось, сотворено здесь, чтобы научить человека быть свободным, внушить ему мысль, что он может быть свободным, что любой человек, любой свободный белый человек, может прийти из такого беспросветного места, из какого пришел *он* (он помнил звук, сопровождающий соитие, из хижины Кейна, куда заглянул через открытую дверь и увидел две пары ног в носках и малыша, который, чтобы не упасть, хватался за ноги одного из предающихся похоти), и даже молодой парень, который видел *такое* и жил среди *таких*, может подняться в этой стране настолько высоко, насколько высоки будут его амбиции.

Но против этого — все, кто вообразил себя королями, готовые выхватить яблоко из твоих рук и заявить, что сами его вырастили, хотя то, что имели, они получали без всяких трудов или несправедливым путем (природа этой несправедливости, вероятно, состоит в том, что они родились более сильными, более умными, более энергичными, чем другие); они, выхватив это яблоко, ели его с такой гордостью, что, казалось,

думали, будто они не только его вырастили, но и породили саму идею этого фрукта, и цена этой лжи угнетала сердца простого люда (мистер Беллуэй прогоняющий своих детей с сангамонской террасы, когда он и отец проходили мимо с тяжелым мешком зерна, висевшим между ними).

Из-за моря жирные короли смотрели и радовались, что нечто, начавшееся так хорошо, полетело под откос (как внизу, на юге, смотрели похожие короли), а если оно полетело под откос, то полетело и все остальное, навсегда, и если кто-то когда-либо и надумает начать все заново, то что ж, ему следует сказать (и сказать твердо): Чернь не может управлять подобными себе.

Но чернь могла. Чернь будет.

Он научит чернь управлять.

И Союз будет завоеван.

роджер бевинс iii

Наш Уилли не хотел бы, чтобы эта тщетная и бесполезная скорбь помешала нашей попытке.

ханс воллман

В *наших* мыслях парнишка стоял на вершине холма, весело махал нам, призывая быть смелыми и решиться.

роджер бевинс iii

Но (*мы* резко остановились) не выдавали ли мы желаемое за действительное? Не выклянчивали ли мы (чтобы обрести силы продолжать) у нашего мальчика благословение, которое не имели никакой возможности подтвердить?

Да.

Выклянчивали.

ханс воллман

Мы должны сделать это и верить в то, что сделали, иначе мы погибли.

роджер бевинс iii

А мы не должны погибнуть.

ханс воллман

Но мы должны продолжать.

роджер бевинс iii

Мы увидели все это в то мгновение, которое потребовалось мистеру Линкольну, чтобы пройти сквозь нас.

ханс воллман

А потом он вышел из двери и исчез в ночи.

роджер бевинс iii

XCV

Мы, черные, не ходили в церковь с другими.

Мы из собственного опыта знали, что белые люди не очень любят, когда мы заходим в их церкви. Если только не для того, чтобы взять на руки ребенка, поддержать, помахать опахалом пред старой дамой.

И тут из двери, прямо на меня вышел этот высокий белый человек.

Я не шелохнулась, он прошел сквозь меня, и я разобрала что-то вроде *Я не остановлюсь, нет. С Божьей помощью. Хотя и кажется, что пролитие крови — совсем против Божьей воли. На чьей стороне тут может быть Бог. Он нам показал. Он мог предотвратить это. Но не предотвратил. Мы должны смотреть на Бога не как на Него (некоего обычного парня, воздающего каждому по делам его), а как на НЕЧТО — огромное животное, недоступное нашему пониманию, ему что-то нужно от нас, и мы должны дать ему это, а управлять мы можем только нашим настроением в момент отдачи и конечной целью нашей жертвы. А какой цели наша жертва должна служить по мнению НЕЧТО? Я не знаю.*

Чего хочет это НЕЧТО — пока, кажется, что крови, еще больше крови, и изменить положение дел, превратить то, что ***есть****, в то,* ***каким*** *это желает видеть воля НЕЧТО. Но что представляет собой это новое государство, я не знаю и терпеливо жду, когда мне станет ясно, хотя те три тысячи павших смотрят на меня злыми глазами, машут взволнованно мертвыми руками, спрашивают: Какую еще цель в конечном счете преследует это существо, чтобы сделать наши страшные жертвы оправд…*

Потом он прошел сквозь меня, и я порадовалась.

У ворот стоял мистер Хэвенс, прямо на пути этого человека, как только что стояла я, но он сделал то, на что у меня не хватало отваги (и желания).

миссис фрэнсис ходж

XCVI

Не знаю, что на меня нашло. Я никогда в том предыдущем месте не был безрассудным человеком. Какая вдруг у меня возникла необходимость в этом? Мистер Коннер, и его добрая жена, и все их дети и внуки были для меня как семья. Меня никогда не разделяли с моей собственной женой или детьми. Мы хорошо питались, нас никогда не били. Нас поселили в небольшом, но милом желтом домике. С учетом всего это было очень неплохо.

Поэтому я не знаю, что на меня нашло.

Когда этот джентльмен проходил сквозь меня, я почувствовал сродство.

И решил остаться ненадолго.

В нем.

И вот мы двигались вместе с ним, я шаг за шагом повторял его движения. А это было нелегко. При его длинных ногах. Я вытянул свои ноги, чтобы были, как у него, вытянул всего себя, и мы стали одного размера и *прыг* на коня, и (простите меня) радость снова оказаться на коне переполнила меня, и я… я остался. В нем. Ах, какая это была радость! Делать то, что мне хотелось. Без

приказа, без испрашивания разрешения. Потолок дома, в котором я провел всю жизнь, слетел, если можно так выразиться. Мне мгновенно стали ведомы бесконечные дороги Индианы и Иллинойса (целые города в их завершенных планах, суть гостеприимства их домов, хотя я ни в одном из этих штатов прежде не бывал), и я почувствовал, что этот джентльмен… нет, боже праведный, не скажу, какая — как мне показалось — у него должность. Я начал побаиваться, что занимаю место в человеке настолько высокого ранга. Тем не менее мне было там вполне удобно. И вдруг мне захотелось, чтобы он *узнал* меня. Мою жизнь. Узнал *нас*. Нашу судьбу. Не знаю, почему я так почувствовал, но почувствовал. Он не испытывал ко мне никакой вражды, вот как я могу об этом сказать. Вернее, прежде у него была подобная вражда, и следы ее до сих пор сохранились, но вследствие того, что он изучил ее, не скрывал, она в некоторой мере уже поистрепалась. Он был открытой книгой. *Открывающейся* книгой. Которая только что открылась чуть пошире. Открылась скорбью. И нами. Всеми нами, белыми и черными, кто недавно побывал в нем. Это, казалось, повлияло на него. Заметно повлияло. Сделало его еще печальнее. *Мы* это сделали. Все

мы, белые и черные, своей печалью сделали его еще печальнее. И теперь, хотя это и звучит странно, он *своей* печалью делал еще печальнее *меня*, и я думал, Что ж, сэр, если мы хотим устроить вечер печали, то у меня в запасе найдется печаль, о которой, я думаю, человеку, наделенному такой властью, как вы, будет интересно узнать. И тогда я принялся из всех сил думать о миссис Ходж, и Элсоне, и Литци, и обо всех, о ком я слышал во время нашего долгого пребывания в той яме, об их многочисленных бедах и падениях, а еще вспомнил и несколько других нашей расы, которых я знал и любил (мою мать, мою жену, наших детей Пола, Тимоти, Глорию; Рэнса Пи, его сестру Би, четырех маленьких Кушманов), и все, что *им* пришлось вынести, думая: Сэр, если вы наделены такой властью, какой вы, как я чувствую, наделены, и расположены к нам так, как мне кажется, вы и расположены, сделайте что-нибудь для нас, чтобы мы могли сделать что-нибудь для себя. Мы готовы, сэр; мы злы, мы способны, наши надежды сжались такой тугой пружиной, что мы можем стать убийцами или святыми: освободите нас, сэр, отпустите нас, позвольте нам показать, на что мы способны.

томас хэвенс

XCVII

Элсон и Литци стояли у церковной двери, слушали.

Теперь, держась за руки, они притрусили скользко́м.

Этот маленький белый мальчик? — сказала Литци.

Сказал, что мы умерли, сказал Элсон.

миссис фрэнсис ходж

Боже мой, сказала миссис Ходж.

элсон фарвелл

Все эти годы в нашей яме я лелеяла мечту, что когда-нибудь Аннализа и Бенджамин, мои дети…

Что? Присоединятся ко мне? В один прекрасный день присоединятся ко мне? Здесь? Это было нелепо.

Я вдруг поняла, насколько нелепо.

Бедная я, бедная.

Бедная я, столько лет.

Никогда они не присоединятся ко мне здесь. Они состарятся и умрут, и упокоятся *там*, в тех далеких местах, куда их увезли (когда их увезли от меня). *Сюда* они не вернутся. И вообще, зачем

мне это? Я этого хотела, пока только ждала, веря, что я *приостановлена на время*. Но теперь, теперь, когда я…

Теперь, когда узнала, что мертва, я захотела для них только одного: чтобы они отправились туда, куда им *следует*. Прямо туда. Где бы оно ни находилось. И, почувствовав это, я поняла, что и сама должна отправиться туда.

Я посмотрела на Литци так, как смотрела на нее прежде, словно говоря: Что скажешь, леди?

Я сделаю то, что будете делать вы, миссис Ходж, сказала Литци. Вы всегда были мне как мать.

миссис фрэнсис ходж

Но грустно.

Ко мне только-только вернулся голос, и вот уже пора уходить.

литци райт

Элсон? — сказала я.

Нет, сказал он. Если такие понятия, как *доброта, братство, искупление*, существуют и их можно обрести, то ради этого иногда требуется кровь, месть, животный ужас прежнего преступника, устранение бессердечного угнетателя. Я собираюсь остаться. Здесь. Пока не отомщу. Кому-нибудь.

(Такой милый мальчик. Такой гордый. Такой яркий.)

Мы умерли, сказала я.

Вот он я, сказал он. Я здесь.

Больше я ничего не стала говорить, потому что, если он хотел остаться, я не должна ему препятствовать.

Мы все должны делать то, что хотим.

Готова? — спросила я у Литци.

Словно в память о прежних временах она подмигнула мне обоими глазами, а это всегда означало: Да.

миссис фрэнсис ходж

XCVIII

Дорогой брат, постскриптум… Написала то, что выше, пошла в кровать… Немного спустя меня разбудил стук копыт… Позвала Грейс, и она мне помогла сесть в кресло-каталку и подкатила к окну… И кого, представь себе, я увидела, если не самого мистера Л… Клянусь тебе… Он уезжал и казался таким сутулым и усталым в седле… Я открыла окно и прокричала «доброму старому Мандерсу», чтобы подтвердил… В самом ли деле это през-нт… И какова должна быть степень его сердечных страданий, чтобы приходить сюда в такой холодный и жестокий час ночи?

Теперь я должна попросить Грейс помочь мне вернуться в кровать… Стараюсь как могу обращаться к ней только при крайней необходимости, потому что она в последнее время не расположена ко мне… Все время в дурном настроении, никогда больше не смеется со мной… словно устала от меня, и кто может ее винить… мало радости быть на побегушках у того, кто так обездвижен… И я не могу ее винить, потому что боли у меня недавно усилились и мое хорошее настроение часто портится… но она не друг… Я постоянно

должна напоминать себе об этом… Она нанята, чтобы заботиться обо мне… И это ВСЁ.

Брат, когда ты вернешься домой? Я знаю, ты занят своими собственными делами… но не могу поверить, что ты не чувствуешь одиночества… Или, может, ты очаровал какую-нибудь леди из прерий… Твоя сестра устала, одинока и больна… Неужели ты меня больше не любишь, неужели больше не хочешь увидеть меня?.. Пожалуйста, приезжай домой… Не хочу тебя тревожить… Говорю это не ради того, чтобы заставить тебя вернуться, но чувствую себя теперь так плохо. Слабость, и мысли скачут, и есть не могу… Разве мы, которые так любим друг друга, не должны быть вместе?

Пожалуйста, вернись домой. Мне тебя так не хватает. И здесь, в этом месте, у меня нет настоящих друзей.

Твоя любящая сестра,

Изабель.

Перкинс. Там же.

XCIX

Когда през-нт появился из часовни, я помчался со всех ног к сторожке чтобы отпереть ворота през-нт вышел без единого слова казался рассеянным протянул руку пожал мне тепло локоть запрыгнул на спину своей лошадки и я испугался как бы вся компания не попыталась усесться на нее но эта маленькая героическая лошаденка собралась с духом и поскакала с большим достоинством прочь словно имея в виду защитить репутацию през-нта действуя таким образом будто подошвы през-нта не волочатся по земле и я тебе говорю Том эта благородная кляча могла бы нести на спине Геркулеса или Дж Вашингтона с такой гордостью она вышагивала, когда они исчезли в холодной ночи на Р-стрит.

Я Том когда закрывал ворота чувствовал что за мной наблюдают поднял голову и увидел что наша «таинственная девица» на противоположной стороне улицы сидит на своем всегдашнем посту у окна и поднимает это окно из своего сидячего положения со значительным усилием чтобы крича спросить у меня не през-нт ли проехал сейчас и я крича ответил да он и мне было грустно Том потому что я ее видел и знал еще когда она была маленькой девочкой которая могла сама ходить и бегать со всеми другими и ей теперь наверно около 30 и чувствуя к ней расположение теперь и прокричал чтобы она закрыла окно потому что холодно а она и так насколько я слышал побаливает и она поблагодарила меня за мою заботу и сказала что какие печальные новости про сына през-нта правда и я сказал ох очень печальные и она сказала что теперь она надеется ребенок попал в места получше и я ответил я тоже надеюсь и молюсь об этом и наши голоса повисли в воздухе словно мы были последние живые души на земле и я пожелал ей доброй ночи и она мне пожелала и опустила окно а скоро и свет у нее погас.

Мандерс. Там же.

C

Последовал массовый исход из часовни, и наша когорта разом вылетела сквозь все четыре стены.

ханс воллман

Многие сдавались еще в движении.

роджер бевинс iii

Мы с мистером Бевинсом бросились прочь вместе, когда чернильно-черная ночь вокруг часовни осветилась множественными вспышками явления взрыва световещества.

ханс воллман

Все погрузилось в хаос.

роджер бевинс iii

Бледный дымок прекрасной многократно изнасилованной мулатки поплыл вниз, все еще заляпанный окровавленными отпечатками рук на бедрах.

ханс воллман

А за ней полетело большое пустое платье миссис Ходж.

роджер бевинс iii

Воздух наполнился проклятиями, криками и свистящими скорость-звуками наших дорогих друзей, бросающихся прочь через кусты и низкие ветки деревьев.

ханс воллман

Некоторых так сильно заразило сомнение, что они потеряли способность двигаться.

роджер бевинс iii

Такие устало падали на камни, пытались ползти по тропинкам, лежали укрытые и словно переломанные на скамьях, как если бы упали с неба.

ханс воллман

Многие сдавались из этих унизительных поз.

роджер бевинс iii

Теперь по лугу у часовни пронесся лейтенант Стоун.

ханс воллман

Направляясь прямо к мистеру Фарвеллу.

роджер бевинс iii

Убирайся отсюда, прекрати Засорять это Священное место, ОСКОЛОК,

Поскольку я здесь тот Человек, кто пробыл в этом Месте дольше всего (число проведенных здесь мною Ночей перевалило за ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ, а Число Душ, которые, придя в это место, тут же из-за Трусости и Уклонения покинули его, по моим последним подсчетам, приближается к ДЕВЯТИ СОТНЯМ), так кто же будет здесь наводить Порядок, если не я, и будь я ПРОКЛЯТ и ПРОКЛЯТ НАВСЕГДА, если ЛЮДИ-ОСКОЛКИ воспользуются этим хаосом как предлогом для безделья!

лейтенант сесил стоун

Недавнее смятение поколебало, казалось, даже крайнюю самоуверенность лейтенанта, потому что он не вырос за время сей обличительной речи, а, казалось, наоборот, даже немного сморщился.

роджер бевинс iii

Лейтенант приказал мистеру Фарвеллу вернуться к работе, вернуться к той работе, на которую его назначило то белое лицо, которое его назначило, а мистер Фарвелл ухватил лейтенанта за воротник и грубо швырнул на спину.

ханс воллман

Лейтенант гневно потребовал, чтобы мистер Фарвелл ответил ему, как он осмелился прикоснуться к белому человеку, и приказал Фарвеллу поднять его, а когда мистер Фарвелл отказался, лейтенант ударил его ногами в грудь. Фарвелл отлетел назад, а лейтенант вскочил с земли, оседлал Фарвелла и принялся молотить его по голове кулаками. Фарвелл в отчаянии нащупал камень, лежавший на дорожке, и швырнул в голову лейтенанта, отчего тот упал на землю, а его треуголка слетела. Тогда Фарвелл уперся коленом в грудь лейтенанта и тем же камнем превратил череп лейтенанта в плоскую мясистую массу, затем поковылял прочь, с безутешным видом уселся на землю, обхватил руками голову и зарыдал.

роджер бевинс iii

Голова лейтенанта быстро приняла прежнюю форму, он ожил и, увидев плачущего Фарвелла, пролаял, что он и не знал, что ОСКОЛКИ могу плакать, поскольку для этого нужно иметь человеческие эмоции. И он снова приказал мистеру Фарвеллу вернуться к работе, к той работе, на которую тот назначен тем белым лицом, которое его назначило, и мистер Фарвелл опять ухватил лейтенанта за воротник и бросил его на спину, а лейтенант опять в гневе потребовал, чтобы мистер Фарвелл ответил ему, как он осмелился прикоснуться к белому человеку, и приказал Фарвеллу поднять его, а когда мистер Фарвелл опять отказался, лейтенант опять ударил его ногами в грудь…

ханс воллман

И так далее.

роджер бевинс iii

Это все еще продолжалось, и когда мы в спешке покидали место действия.

ханс воллман

И никаких признаков успокоения видно не было.

роджер бевинс iii

Все продолжалось с яростью, предполагавшей, что эти двое могут сражаться вечно.

ханс воллман

Пока не произойдет какое-нибудь фундаментальное и немыслимое изменение реальности.

роджер бевинс iii

CI

Мы с мистером Воллманом со всех ног побежали скользкóм к нашим домоместам.

роджер бевинс iii

Потрясенные.

ханс воллман

Даже мы были потрясены.

роджер бевинс iii

Потрясены были даже мистер Бевинс и я.

ханс воллман

Брат, что нам делать? — крикнул я.

Мы здесь, отозвался мистер Воллман. Посмотри на меня. Вот он я. Но кто… кто это говорит? И кто тот, который слышит мои слова?

Но мы были потрясены.

роджер бевинс iii

Потом мы столкнулись с этой сомнительной парочкой — Бэронами — и свалились без сил на хворь-холм Константина (ничем не примечательное известняковое надгробье, с трещиной в углу, все в птичьем помете, покрывшем его за долгие десятилетия…

ханс воллман

Потому что кто-то давным-давно над этим камнем посадил маленькое деревцо, чтобы защитить Константина от солнца).

роджер бевинс iii

Вставай, вставай.

Не х** тут лежать. Не х** тут думать.

эдди бэрон

А я ничего. Ни х** я не думаю.

Мне просто нехорошо.

бетси бэрон

Посмотри на меня, посмотри на меня.

Помнишь время, когда мы жили на том ё***** раскрасивом поле? С детьми? Тот просторный луг?

В той палатке? Помнишь? После того как Донован выгнал нас из той ср**** дыры у реки? Вот были деньки, а?

эдди бэрон

Никакой на х** не просторный луг! Ты кусок г****! На это место приходила ср*** и выкидывать свой прокл**** мусор вся ё***** шваль земли!

бетси бэрон

Но какой вид, а? Не у многих детишек был такой вид. Мы могли открыть клапан нашей палатки — и на тебе: прямо перед тобой этот ё***** Белый дом.

эдди бэрон

Но сначала тебе нужно было обойти эту прокл**** мусорную кучу. Да еще смотреть, чтобы тебя эти ё***** крысы не покусали. А чего стоила шайка ё***** громил, что там жили и хватали за задницу.

бетси бэрон

Ну, тебя-то они ни разу не ухватили.

эдди бэрон

П**деж! Мне пришлось обжечь ногу одного из этих ё***** — выкинула на него лопату раскаленных углей! Чтобы отстал. А то приперся прямо в ё***** палатку! Прямо перед ё****** детишками! Не удивительно, что они так и не пришли к нам ни разу! Мы здесь уже… сколько мы уже здесь? До х** времени прошло. А они так ни разу и не появились.

бетси бэрон

В ж*** их! Эти ё*****ы, неблагодарные змеи не имеют никакого трекля**** права винить нас ни в какой их х****, пока они не побывают в нашей ё***** шкуре, а ни один из этих маленьких г******в не побывал и минуты в нашей ё***** шкуре…

эдди бэрон

Эдди? Нет.
Это были наши дети.
Мы все проср***.

бетси бэрон

Не х** об этом грустить.
На х** эти остановки. На х** эти размышления.
И знаешь почему?

Мы хотим, бл***, остаться! Еще до х** можно попраздновать, верно?

эдди бэрон

Эдди.
Мы померли на х**, Эдди.
Я люблю тебя, ё**рь ты ё*****.

бетси бэрон

Нет.
Нет нет нет. Не делай. Не делай этого.
Оставайся на х** со мной, малышка.

эдди бэрон

Ее плоть стала тонкая, как пергамент. Судороги прошли по ее телу. Ее оболочка стала изменяться между ее разными «я», какими она была в предыдущем месте (формы слишком развратные, нищие и позорные, чтобы о них говорить), а потом между ее различными будущими оболочками, в которые она, увы, так никогда и не смогла воплотиться: заботливая мать; умелый пекарь хлеба и печений; здравомыслящая прихожанка; уважительная, добрая бабушка в окружении восторженного, воспитанного в чистоте, потомства.

роджер бевинс iii

Потом раздался знакомый, хотя и всегда леденящий кровь, огнезвук, связанный с явлением взрыва световещества.

ханс воллман

И она ушла.

роджер бевинс iii

Поношенное и дурно пахнущее платье осыпалось с нее.

ханс воллман

Мистер Бэрон издал чудовищный вой, сопровождая его ругательствами, и не устоял (хотя и пытался), побуждаемый необузданной страстью к этой женщине, и цвет явления взрыва световещества на сей раз имел не обычный ярко-белый оттенок, а тускло-серый.

роджер бевинс iii

Одежда, пахнущая табаком, по€том и виски, осыпалась с него.

ханс воллман

И скачущая оболочка, и непристойная картинка.

роджер бевинс iii

CII

Вид стал у мистера Бевинса неожиданно совсем нездоровый.

Его плоть истончилась до состояния пергамента. По всему телу прошли судороги.

ханс воллман

Столько воспоминаний нахлынуло.

Я вспомнил одно утро. Утро моего…

Утро, когда я…

Я увидел Гилберта. В пекарне.

Да. Да, увидел.

Боже мой.

Он был… ах, самое мучительное. Он был *с кем-то*. Мужчина. Темноволосый, высокий. Широкогрудый. Гилберт что-то прошептал ему, и они оба рассмеялись. Шутили на мой счет, показалось мне. Мир рухнул. Я решил, что все это постановка, специально подстроенная, чтобы зло посмеяться надо мной: я, родившийся со своими наклонностями, нахожу Гилберта, влюбляюсь в него, но не смогу быть с ним (потому что он пожелал «жить правильно»), а потом кульминация: я, удрученный увиденным, в дверях пекарни с

хлебом в руке, а эти двое приближаются, медлят — шепоток, смех — они разделяются, обходят меня с двух сторон, и этот новый парень (он был так красив), вскидывает брови, словно говоря: *Этот? Это* он?

Потом еще одна убийственная вспышка смеха.

Я бросился домой и…

Стал жить дальше.

роджер бевинс iii

Мистер Бевинс упал на колени.

Его оболочка замигала между его разными «я», какими они были в предыдущем месте:

Женственный, но ласковый мальчик, с которого многочисленные сестры пылинки сдували;

Усердный ученик, корпящей над таблицей умножения;

обнаженный молодой человек в каретной, тянущийся к Гилберту, чтобы нежно его поцеловать;

Хороший сын, позирующий для дагерротипа по случаю дня рождения;

Багроволицый, раздавленный катастрофой, со слезами, струящимися по лицу, с мясницким ножом в руке, фарфоровой чашей на коленях.

Вы помните, спросил он, когда я впервые пришел сюда? Вы были так добры со мной. Убеждали

остаться. Помните?

Я был рад услужить, ответил я.

Я только что вспомнил кое-что еще, сказал он удивленным тоном. Один раз с визитом приходила ваша жена.

ханс воллман

Я ничего такого не помню, строго сказал мистер Воллман. Моя жена, полагая, что моему выздоровлению наилучшим образом будет способствовать период одиночества, предпочитает меня не посещать.

Друг, сказал я. Хватит. Давайте говорить откровенно. Я многое помню. И подозреваю, что и вы тоже.

Вовсе нет, сказал мистер Воллман.

Сюда приходила пухленькая, сияющая женщина, сказал я. Год или около назад. И вспоминала многое, связанное с ее жизнью (многочисленных детей, превосходного мужа), и благодарила вас — благодарила *вас*, представьте себе, — за вашу раннюю доброту к ней, которая, как она сказала, «позволила мне прийти в невинности к тому, кто стал великой любовью моей жизни». Она поблагодарила вас за то, что привели ее «на дорогу к любви» и никогда (ни разу) не были грубы с ней, только добры, всегда нежны, расположены

и предусмотрительны. «Настоящий друг» — так она вас называла.

Слезы катились по щекам мистера Воллмана.

Она оказала вам честь, сэр, придя проститься. Она стояла у вашей могилы, говорила, что не сможет в будущем соединиться с вами, *потому что* должна лежать рядом с этим новым парнем, ее мужем, который…

Пожалуйста, сказал мистер Воллман.

Который был гораздо моложе, сказал я. Чем вы. То есть ближе к ее возрасту.

Вы, резко сказал мистер Воллман. Вы вскрыли себе вены и истекли кровью на полу кухни.

Да, сказал я. Истек.

Много лет назад, сказал он.

О, очень много лет назад, подтвердил я.

Боже мой, сказал мистер Воллман, и его плоть истончилась до толщины пергамента, судороги прошли по его телу, и его оболочка замигала между разными «я», какими он был в том предыдущем месте:

Свежеликий ученик в заляпанном чернилами халате;

Молодой вдовец, утирающий слезы скорби по первой жене, ногти с синим ободком от работы, несмотря на старательную попытку отмыть их

перед похоронами;

Одинокий человек средних лет без всяких надежд, который только работал, и пил, и (в состоянии депрессии) изредка пользовался услугами шлюх;

Сорокашестилетний печатник крупного сложения, в парике, со вставной деревянной челюстью в день празднования Нового года в доме Уикетов поглядывает на улыбающуюся молодую женщину в желтом платье (на самом деле почти девочку) в другом конце комнаты. И в этот момент он почувствовал себя уже не стариком, а молодым (интересным, живым, блистательным), впервые за много лет он почувствовал, что ему есть что предложить, и предложить той, кому, как он надеялся, он получит разрешение предложить то, что у него есть.

роджер бевинс iii

И что? — спросил мистер Бевинс. Пойдем вместе?

И стал принимать свои различные будущие оболочки (оболочки, которые он, увы, так никогда и не сможет обрести):

Привлекательный молодой человек на носу корабля смотрит на ряд желтых и синих домов, которые появляются над далекой линией берега

(а в этом путешествии его имел, и хорошо имел, бразильский инженер, который многому его научил и доставил ему массу удовольствий) (и теперь мистер Бевинс знал, что вот *эта* жизнь для него, одобряет ее Господь или нет);

Удовлетворенный, уже давний любовник кроткого, бородатого аптекаря по имени Риардон;

Процветающий, полный человек средних лет, ухаживающий за смертельно больным Риардоном;

Старый, почти столетний, пердун, благодатно освобожденный от любых вожделений (к мужчинам, еде, жизни), его везут в церковь на каком-то чудо-сооружении, перед которым не стоит лошадь, оно катит на резиновых колесах, громкое, словно непрерывно стреляющая пушка.

ханс воллман

Да, хорошо, сказал мистер Воллман. Идем. Вместе.

роджер бевинс iii

И мы, казалось, прошли точку выбора. Знание о том, что мы такое теперь, укрепилось внутри нас, и изменить это было невозможно.

ханс воллман

И все же что-то нас удерживало.

роджер бевинс iii

Мы знали что.

ханс воллман

Кто.

роджер бевинс iii

Достигнув, наконец, полного единодушия, мы скользкóм понеслись на восток (неровно, отскакивая от камней, кочек и стен каменных домов, словно раненые птицы, не ощущая ничего, кроме насущной необходимости достичь места назначения), мы мерцали, чувствовали слабость и становились все слабее, едва поддерживаемые некой остаточной, растворяющейся верой в нашу собственную реальность, на восток, на восток, на восток, пока не добрались до края той необитаемой глуши в несколько сотен ярдов.

ханс воллман

Которая заканчивалась вселяющей ужас металлической оградой.

роджер бевинс iii

CIII

Девица Трейнор лежала, как обычно, став частью ограды и остановленная ею, она проявлялась в этот момент в виде уменьшенных дымящихся развалин железнодорожного вагона, а несколько десятков обугленных и умирающих персон, попавших в нее, как в капкан, выкрикивали самые непристойные требования, а «колеса» мисс Трейнор нещадно вращались на нескольких боровах, которые (как нам дали понять) и стали причиной крушения и имели человеческие лица и голоса, и кричали очень жалобно, а колеса вращались и вращались, перемалывали, перемалывали и переперемалывали их, распространяя запах горящей свинины.

ханс воллман

Мы пришли извиниться.

роджер бевинс iii

За нашу трусость во время свершения назначенной ей судьбы.

ханс воллман

Это всегда, каждую минуту с тех пор, грызло нас.

роджер бевинс iii

Наша первая громадная ошибка.

ханс воллман

Наш первоначальный отказ от той лучшей природы, что мы принесли сюда из того предыдущего места.

роджер бевинс iii

Стоя рядом с горящим вагоном, я позвал ее.

Вы меня слышите, дорогая? — крикнул я. Мы хотим сказать вам кое-что.

ханс воллман

Могущий поезд чуть сошел с путей, и языки пламени танцевали над ним, а несколько боровов из тех, что вызвали крушение, имевшие идеально сформированные человеческие лица, обратились к нам и на прекрасном американском диалекте сообщили нам в не оставлявших места для сомнений выражениях, что она не может быть и не будет спасена, что она ненавидит все это, ненавидит всех нас, а если она нам и в самом деле небезразлична, то почему бы нам не оставить ее в покое, ведь наше присутствие ухудшает ее и без того немалые страдания, напоминая о надеждах, которые она питала в том предыдущем месте, заставляя вспомнить о том, кем она была, впервые оказавшись здесь.

роджер бевинс iii

Крутящаяся молодая девушка.

ханс воллман

В летнем одеянии постоянно меняющейся расцветки.

роджер бевинс iii

Мы просим прощения, прокричал я. Извините, что не сделали больше, чтобы убедить вас уйти. Прежде, когда у вас еще был шанс.

Мы боялись, сказал мистер Бевинс. Боялись за себя.

Опасались, уточнил я. Опасались, что наша попытка не удастся.

Мы чувствовали, что должны сохранить силы, сказал мистер Бевинс.

Мы сожалеем, что это случилось с вами, добавил я.

Вы этого не заслужили, сказал мистер Бевинс.

И особенно просим прощения, что не остались, чтобы утешить вас, когда вы упали, сказал я.

Вы предпочли незаметно исчезнуть, напомнил один из боровов.

ханс воллман

Лицо мистера Воллмана при этом воспоминании исказила мучительная гримаса.

А потом что-то изменилось, и он стал казаться сильным и жизнеспособным, как тот человек, которым он, вероятно, был в своей мастерской, человек, который не отступил бы почти ни перед чем.

И он помчался по своим разнообразным будущим формам:

Сияющий человек в растерзанной кровати наутро после того, как он и Анна должны были консуммировать их брак (она радостно положила

голову ему на грудь и протянула руку к его паху, горя желанием начать снова);

Отец девочек-близняшек, которые были похожи на Анну, только побледнее и помельче;

Отошедший от дел печатник с больными коленями, которому помогала идти по тротуару та самая Анна, уже постаревшая, но все еще красивая, они шли и переговаривались, привычно обмениваясь мнениями, не всегда соглашались (на том языке, который, казалось выработался между ними) касательно близняшек, уже ставших матерями.

Мистер Воллман повернулся ко мне, улыбаясь мучительной, но доброжелательной улыбкой.

Ничего этого никогда не было, сказал он. И никогда не будет.

Потом он глубоко вздохнул.

И шагнул в горящий поезд.

роджер бевинс iii

Я видел мисс Трейнор в том, что прежде было вагоном-рестораном, ее лицо отчетливо различалось на полосатых лавандовых обоях.

ханс воллман

Маладой мистер Бристол желал меня, маладой мистер Феллоуз и мистер Делуэй желали меня,

по вечерам они садились вокруг меня на траве, и в их глазах горело неодолимое добрейшее Желание.

Все это было очень

Потом мама присылала Анни и

Я так хо тела подержать дорогого Детку.

Вы можете сэр

Вы можете сэр оказать мне услугу Большую услугу

Я прикрасна знаю что уже ни такая харошенькая как прежде.

Вы можете попытаться

По крайне мере попытаться

Сделайте это здесь. Сейчас Вы не

Взорвите яб хер бля этот поезд. Сэр.

Если вы

Прашу вас Это может освободить меня Не знаю Не могу сказать наверняка

Но я так долго была здесь так несчастна.

элиз трейнор

Я попытаюсь, сказал я.

ханс воллман

Из поезда раздался знакомый, но всегда леденящий кровь огнезвук, связанный со взрывом световещества.

Поезд начал вибрировать, боровы завизжали.

Я бросился на добрую и благословенную землю, которая вскоре перестанет быть моей.

Поезд взорвался. Сиденья посыпались вниз, ошметки боровов посыпались вниз, меню посыпались вниз, багаж, газеты, зонты, дамские шляпки, мужские туфли, дешевые романы посыпались вниз.

Я поднялся на колени и увидел, что там, где прежде находился поезд, теперь была только вселяющая ужас металлическая ограда.

И мне не осталось ничего другого, только уйти.

Хотя то, что было связано с мирской жизнью, все еще крепо держало меня.

Например, стайка детей, бредущих под задувающими сбоку декабрьскими порывами ветра; приветливые вспышки спички под уличным фонарным столбом, покосившимся от удара; посещаемые птицами замершие часы в их высокой башне; холодная вода из жестяного кувшина; прикосновение полотенца к коже, мокрой после июньского дождя.

Жемчужины, коврики, пуговицы, тряпичная кисточка, пивной бульон.

Чьи-то добрые пожелания вам; кто-то, вспомнивший, что надо написать; кто-то, заметивший,

что вы не совсем в своей тарелке.

Жаркое с кровью, смертно-красное на блюде; перемахивание тайком через изгородь, когда ты спешишь, опаздываешь в пахнущую мелом и дымком школу.

Гуси наверху, клевер внизу, звук собственного дыхания, когда запыхался.

Влага в глазу, делающая мутным поле звезд; потертость на плече, оставленная санками; имя любимой, начертанное на замерзшем стекле пальцем в перчатке.

Завязывание шнурка на ботинке; завязывание узла на пакете; губы на твоих губах; рука на твоей руке; конец дня; начало дня; ощущение, что всегда впереди будет новый день.

До свидания, теперь я должен проститься со всем этим.

Голос гагары в темноте; судорога икры весной; массаж шеи в комнате; глоток молока в конце дня.

Вот кривоногая собака, гордо работая задними лапами, закидывает травой свою скромную кучку дерьма; туча в долине рассыпается за скрашенный бренди час; опущенные жалюзи, покрытые пылью под твоим скользящим пальцем, и уже почти полдень, и ты должен решать; ты видел то,

что видел, и это ранило тебя, и, кажется, у тебя остался единственный выбор.

Фарфоровая чаша с кровью вибрирует на дощатом полу; полный недоумения последний вздох ничуть не колышет оранжевую кожуру на слое той мелкой летней пыли; роковой нож, вонзенный в приступе преходящей паники в знакомую ветхую балясину, потом оброненный (брошенный) матушкой (дорогая матушка) (боль сердечная) в медленно текущий шоколадно-коричневый Потомак.

Ничто из этого не было реальностью; ничто не было реальностью.

Все было реальным; непостижимо реальным, бесконечно дорогим.

Это и многое другое начиналось из ничего, скрытое в бульоне неистощимой энергии, но потом мы всему нашли название, и полюбили, и таким образом сделали все это реальным.

А теперь должны потерять.

Я шлю это вам, дорогие друзья, перед тем как уйти в этой мгновенной вспышке мысли из места, где время замедляется, а потом останавливается, и наша жизнь может продолжаться вечно в одном мгновении.

До свидания до свидания до свидания…

роджер бевинс iii

CIV

Кэролин, Мэтью, Ричард и я лежим, переплетясь, на нашем месте близ флагштока: мой орган во рту Кэролин, в ее заду орган Ричарда, орган Мэтью в моем заду, орган Кэролин разделен между ртом Мэтью и моим вытянутым ласкающим средним пальцем.

мистер леонард риди

Кажется, мы упустили сильную ажитацию.

миссис кэролин риди

Будучи заняты нашей собственной ажитацией.

ричард кратчер

Но, с другой стороны, бесконечный шум взрывов явления световещества начинает раздражать все сильнее…

миссис кэролин риди

Мы, мужчины, становимся дряблыми.

мистер леонард риди

Отчего дальнейшая ажитация делается проблематичной.

миссис кэролин риди

Я, Ричард и мистер Риди натянули штаны, а миссис Риди поправила на себе юбку и блузу, и мы все побежали вдоль линии изгороди к той другой (меньшей) ажитации.

мэтью кратчер

На бегу мы заметили мистера Бевинса…

миссис кэролин риди

Проклятый гомик.

ричард кратчер

На коленях перед оградой, бормочет что-то себе под нос.

мистер леонард риди

Потом обычная шумная суета:
Вспышка света, одежда падает.

мэтью кратчер

Больше нет Бевинса.

ричард кратчер

CV

Солнце почти взошло.

Те из нас, кто пережил эту ужасную ночь, сбились в кучу, посовещались, отправились в короткие спринтерские разведки на поиски выживших.

Мы не нашли ни Перди, ни Йоганнеса, ни Кроули.

Не нашли Пиклера, Эллы Блоу, Верны Блоу, Эпплтона, Скэрри, Торна.

Пропал Мидден, а с ним Гонкур, Капп, Эдуэлл и Лонгстрит.

Преподобный Томас: пропал.

Даже Бевинс и Воллман, двое наших старожилов, преданных этому месту: пропали.

Как мы их жалели. Такие доверчивые. Поддались на болтовню какого-то мальчишки. Потеряны навсегда.

Милые глупцы.

ланс дернинг

Вот мы все были тут. Разве нет? Если нет, то кто это говорил? Кто слышал?

персиваль «стремительный» колье

Ну и бойня.

А нам удалось осмотреть только небольшую часть округи.

ланс дернинг

Вскоре начало светлеть по-настоящему, и тут наступила привычная слабость, охватывающая все тело, и сопровождающее ее ощущение угасания, и мы бросились к нашим домоместам и брезгливо расположились в наших хворь-телах, закрыли или закатили глаза, чтобы не видеть, во что превратились эти омерзительные вместилища.

роберт г. твистингс

Когда взошло солнце, мы принялись молиться, каждый мысленно произносил нашу обычную молитву:

лоренс т. декруа

Чтобы все еще оставаться здесь, когда солнце зайдет в следующий раз.

миссис антуанетт боксер

И обнаружить в те первые мгновения вернувшегося движения, что мы опять получили великий материнский дар:

роберт г. твистингс

Время.

ланс дернинг

Новую порцию времени.

персиваль «стремительный» колье

CVI

Как и всегда с рассветом Появились два царства, и все то, что было настоящим в Нашем, стало настоящим в Их: все Надгробья, Деревья, Кустарники, Холмы, Долины, Ручьи, Прудки, Болота, Пятна Тени и Света появились и оставались теми же между двух Миров, и одно Царство было неотличимо от другого.

В ту ночь случилось много чего Нового, и Странного, и Пугающего.

Мы, Три Холостяка, наблюдали за всем этим С-Вышины: будучи в безопасности, отдалении и Свободны — так, как нам нравилось.

Я втолковал моим молодым Подопечным, что мы не должны поспешно бить Отступление к нашим Хворь-ларям и укрываться в них.

В то, что Ожидало нас там.

стэнли «перфессор» липперт

Тьфу.

джин «мошенник» кейн

Нам не нравилось входить в эти вместилища.

джек «болтун» фуллер

Ужасно не нравилось.

джин «мошенник» кейн

Но такова была Цена; мы должны терпеть, будучи в полном Сознании, но Неподвижные, оставаться внутри этих Омерзительных Вместилищ, которые когда-то были Похожи на нас (нет, когда-то *Были* нами) (и которых мы любили так Сильно), пока не придет Снова время, которое называется Ночь, когда мы, пустившись Вон, станем…

стэнли «перфессор» липперт

Свободными.

джин «мошенник» кейн

Снова свободными.

джек «болтун» фуллер

По-настоящему самими собой.

джин «мошенник» кейн

И все Радости Творения вернутся к нам.

стэнли «перфессор» липперт

Все снова станет возможным.

джин «мошенник» кейн

Мы Трое никогда не были Женаты, никогда по-настоящему не Любили, но когда снова опускалась ночь и мы понимали, что все еще остаемся здесь, это «никогда» могло перестать быть…

стэнли «перфессор» липперт

Потому что, пока не придет наш конец, никто по-настоящему не может сказать «никогда».

джек «болтун» фуллер

И мы еще можем полюбить.

джин «мошенник» кейн

CVII

Только что пошел с фонарем в склеп Кэрролла чтобы убедиться что все в порядке и обнаружил что гроб молодого Линкольна чуть вылазит из ниши и затолкал его назад ах этот маленький бедняга завершает свою первую ночь здесь в одиночестве а сколько ему еще предстоит долгой печальной вечности таких ночей Том.

Не мог не вспомнить о нашем Филиппе приблизительно тех же лет что и мальчик през-нта и как он носился по двору и приходил светясь изнутри от радости жизни пофлиртовав через ограду с соседками миссис эмой и ребой леонард со взъерошенными волосами хватал метлу и от избытка чувств тыкал миссис Альбертс повариху в заднее место, а когда она поворачивалась чтобы ответить ему тем же с огромной репой в руке и видела это сияющее лицо ей не оставалось ничего иного только бросить эту репу в раковину и схватить его за шею и задушить поцелуями а я потихоньку засовывал ей в руку метлу чтобы когда он победно отскакивал она в отместку могла тыкнуть метлой ему в задницу в знакомых поношенных брюках и ой-ой как тыкнуть у этой

дамы руки как окорока О Господи невыносимо думать что Филипп бездвижно лежит в таком месте как это и когда в голову приходит эта мысль я должен энергично напевать себе под нос какую нибудь паршивую мелодию и молиться Нет нет нет да минует меня чаша сия Господи дай мне уйти раньше всех кого я люблю (раньше Филиппа Мэри Джека-мл. раньше дорогой Лидии) только и это тоже плохо потому что когда они подойдут к концу меня не будет рядом чтобы помочь им? И то, и другое невыносимо О Господи какая же это тягота быть здесь Том дорогой друг Том я хочу уснуть и жду твоего прибытия и надеюсь эти печальные и нездоровые мысли вскорости рассеются вскоре с радостным зрелищем нашего дорогого друга восходящего Солнца.

Мандерс. Там же.

CVIII

Я скакал в этом джентльмене на нашей маленькой лошадке по этим тихим улицам и не чувствовал себя несчастным. А он — чувствовал. Он оставил жену, подчиняясь своей ночной слабости, ушел. А у них дома еще один больной мальчик. Который тоже может не устоять. И хотя ему сегодня стало лучше, он еще может не устоять. Что угодно может случиться. Как он теперь знал. Но забыл. Он как-то забыл о втором мальчике.

Тэд. Любимый маленький Тэд.

У джентльмена много было забот. Он не хотел жить. Искренне не хотел. Слишком уже тяжело ему сейчас было. Слишком много дел, он не со всеми хорошо справлялся, а если что-то делаешь плохо, то рушится все. Может быть, со временем (убеждал он себя) все выправится, и даже снова станет хорошо. Но он в это не верил. Было трудно. Трудно было ему. Трудно мне. Быть там. Но я все же решил остаться. Уже приближалось утро. Обычно днем мы отдыхали. Нас тянуло в наши раковины, и мы должны были отдыхать там. Сегодня меня туда не тянуло. Но меня клонило в

сон. Я задремал и выскользнул из него в лошадь, которая, как я сразу же почувствовал, была само Терпение от головы до копыт и любила этого человека, и никогда прежде не чувствовал я, что овес — возможно, лучшее, что есть в мире, или не алкал так *известного голубого покрова*. И тогда я поднялся и сел прямо, и полностью вернулся в джентльмена.

И так мы скакали в ночь мимо спящих домов наших соотечественников.

томас хэвенс